

МИЭТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования *Научный журнал*

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс в АО Агентство «Роспечать»:
80114

№ 3(27)
Июль — сентябрь 2020 г.

ISSN 2409-1073

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research *Scientific Journal*

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription index of AO Rospechat agency:
80114

No. 3(27)
2020 July — September

ISSN 2409-1073

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishings doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

© «Экономические и социально-гуманитарные исследования», 2020
© МИЭТ, 2020

© “Economic and Social Research”, 2020
© MIET, 2020

Редакционный совет

Председатель редсовета

Чаплыгин Ю. А., академик РАН, доктор технических наук, профессор

Сопредседатель редсовета

Чумаков А. Н., доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИФ РАН

Агапов В. С., д. псих. н., Моск. ун-т МВД РФ

Андрienко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац. университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Гаврилов С. А., д. техн. н., проф., НИУ МИЭТ

Гагарин А. В., д. пед. н., проф. РАНХиГС

Данильченко А. В., д. экон. н., проф. БНТУ (Республика Беларусь)

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. психол. н., проф., РАНХиГС

Захлебный А. Н. д. пед. н., проф., академик РАО, Центр экологического образования РАО

Инфанте Д., PhD, проф. Университета Калабрии (Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф., Бакинский Центральный технологический колледж (Азербайджан)

Князев В. Н., д. филос. н., проф., МПГУ

Ковальчук К. Ф., д. экон. н., проф. Нац. Металлургическая академия Украины (г. Днепр, Украина)

Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф. Рижского университета (Латвия)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф., МАИ

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф., МГППУ

Моисеева Н. К., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф., Моск. гуманитар. ун-т

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), проф., Вильнюсский технический ун-т им. Гедиминаса (Литва)

Пирогов А. И., д. филос. н., проф., НИУ МИЭТ

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф., Евроакадемия (Эстония)

Растимешина Т. В., д. полит. н., доцент, НИУ МИЭТ

Реморенко И. М., канд. филос. н., доцент, ректор МГПУ

Редакционная коллегия

Главный редактор

Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор

Агапов В. С., д. псих. н., Моск. ун-т МВД РФ

Алексеев С. В., д. пед. н., проф., РГПУ им. Герцена

Андрienко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац. университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф., ИФ РАН

Гриценко Н. Ф., д. ист. н., проф., Дом русск. зарубежья им. А. Солженицына

Гуськова Н. Д., д. экон. н., проф., МГУ им. Н.П. Огарева

Даниелян Н. В., д. филос. н., доцент, НИУ МИЭТ

Данильченко А. В., д. экон. н., проф., БНТУ (Республика Беларусь)

Евдокимова М. Г., д. пед. н., доцент, НИУ МИЭТ

Емец В. С., д. полит. н., проф., Правительство Рязанск. обл.

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. психол. н., проф., РАНХиГС

Захлебный А. Н., д. пед. н., проф., академик РАО, Центр экологического образования РАО

Иванова Г. П., д. пед. н., проф. МГОУ

Ильин В. В., д. филос. н., проф., ИППК при МГУ им. Ломоносова

Инфанте Д., PhD, проф. Университет Калабрии (Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф., Бакинский Центральный технологический колледж (Азербайджан)

Кальней В. А., д. пед. н., проф., РМАТ

Ковальчук К. Ф., д. экон. н., проф. Нац. металлургическая академия Украины (г. Днепр, Украина)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф., МАИ

Лоза Г. Г., д. полит. н., проф., Ин-т экономики и права «Академия труда и соц. отношений»

Лукичева Л. И., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Мамедов Н. М., д. филос. н., проф., РАНХиГС

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф., МГППУ

Моисеева Н. К., д. экон. н., проф., НИУ МИЭТ

Мушта А. А., к. филос. н., доцент (Республика Беларусь)

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), проф., Вильнюсский технический ун-т им. Гедиминаса (Литва)

Панов А. И., д. полит. н., проф., МГОУ

Прокофьев А. А., д. пед. н., к. ф.-м. н., доцент, НИУ МИЭТ

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф. Евроакадемии (Эстония)

Реморенко И. М., канд. филос. н., доцент, ректор МГПУ

Родин В. Ф., д. пед. н., проф. Моск. ун-т МВД РФ

Смирнова Ж. Вяч., Dr. Sci. (Econ.), проф. Университет Калабрии (Италия)

Степанов С. А., д. пед. н., проф., прорект. МНЭПУ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Заведующий редакцией — **А. И. Пирогов**

Научный редактор — **Т. В. Растимешина**

Компьютерная верстка — **С. О. Брылев**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ. **Тел.:** 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Сайт: <http://esgi-miet.ru>

Подписано в печать 20.09.2020. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 18,6 усл. печ. л., 10,9 уч.-изд. л. Заказ № 33.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Editorial Council

Chairman

Chaplygin Yu. A., Dr. Sci. (Tech.), Prof., Acad. RAS

Co-Chairman

Chumakov A. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof., RAS Institute of Philosophy

Agapov V. S., D. crazy. Sciences, Moscow University of the Ministry of internal Affairs of the RF

Andriyenko O. V. (Donetsk People's Republic), Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Donetsk National University

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Gavrilov S. A., Dr. Sci. (Tech.), Prof. MIET

Danilchenko A. V. (Republic of Belarus), Dr. Sci. (Econ.), Prof. of Belarusian National Technical University

Zakhlebnyi A. N. Dr. Sci. (Ped), Acad. RAO, Center for environmental education of RAO

Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psych.), Prof., RANEPa

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.), Prof. University of Calabria

Ismailov V. I., Dr. Sci. (Philos.), Dir. Baku Central technological College (Azerbaijan)

Knyazev V. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof. Moscow State Pedagogical University

Kovalchuk K. F. (Ukraine), Dr. Sci. (Econ.), Prof. National Metallurgical Academy of Ukraine

Lace N. (Latvia), Dr. OEc., Prof. Riga Technical University

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof. Moscow Aviation Institute

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof. MSPPU

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Mrochko L. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., Moscow state University for the Humanities

Pabedinskaite A. O. (Lithuania), Dr. OEc., Prof. Vilnius Gediminas Technical University

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MIET

Põlajeva T. (Estonia), Dr. OEc., Prof. Euroacademy

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., MIET

Remorenko I. M., Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Rector of MGPU

Editorial Board

Editor-in-Chief

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Agapov V. S., D. crazy. Sciences, Moscow University of the Ministry of internal Affairs of the RF

Andriyenko O. V. (Donetsk People's Republic), Dr. Sci. (Philos.), Prof. Donetsk National University

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Alekseeva I. Yu., Dr. Sci. (Philos.), Prof. Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences

Gagarin A. V., Dr. Sci. (Ped), Prof., RANEPa

Gritsenko N. F., Dr. Sci. (Hist.), Prof., Home Russian. foreign to them. Alexander Solhenitsyn

Guskova N. D., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Ogarev Moscow state University

Danielyan N. V., Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., MIET

Danilchenko A. V. (Republic of Belarus), Dr. Sci. (Econ.), Prof. Belarusian National Technical University

Emets V. S., Dr. Sci. (Polit.), Prof., The Government of the Ryazan. areas.

Evdokimova M. G., Dr. Sci. (Ped), Assoc. Prof.

Zakhlebnyi A. N. Dr. Sci. (Ped), Acad. RAO, Center for environmental education of RAO

Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psych.), Prof., RANEPa

Ivanova G. P., Dr. Sci. (Ped), Prof., MRSU

Ilyin V. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., IPPK at Lomonosov Moscow state University

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.), Prof. University of Calabria

Ismailov V. I., Dr. Sci. (Philos.), Dir. Baku Central technological College (Azerbaijan)

Kalney V. A., Dr. Sci. (Ped), Prof.

Kovalchuk K. F. (Ukraine), Dr. Sci. (Econ.), Prof.

of National Metallurgical Academy of Ukraine

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Loza G. G., Dr. Sci. (Polit.), Prof., Institute of Economics and law «Academy of labor and social relations»

Lukicheva L. I., Dr. Sci. (Econ.), Prof., MIET

Mamedov N. M., Dr. Sci. (Philos.), Prof. RANEPa

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof. MSPPU

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof. MIET

Mushta A. A. (Republic of Belarus), Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.

Pabedinskaite A. O. (Lithuania), Dr. OEc., Prof. Vilnius Gediminas Technical University

Panov A. I., Dr. Sci. (Polit.), Prof. Moscow state University

Põlajeva T. (Estonia), Dr. OEc., Prof. of Euroacademy

Prokofiev A. A., Dr. Sci. (Ped), Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., MIET

Remorenko I. M., Cand. Sci. (Ped), Assoc. Prof., Rector of MGPU

Rodin V. F., Dr. Sci. (Ped), Prof., RF MoI University

Smirnova J. V. (Italy), Dr. Sci. (Econ.), Prof. of University of Calabria

Stepanov S. A., Dr. Sci. (Ped), Vice-rector of MNEPU

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Digital page makeup — **S. O. Brylev**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET. **Tel.:** +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Web: <http://esgi-miet.ru>

Signed to print 20.09.2020. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 18,6. Published sheets: 10,9. Order No. 33.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Senior editor — **T. V. Rastimeshina**

Editor — **E. V. Malinkina**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

<i>Андреева А. А., Волкова С. В.</i> Механизм организации взаимодействия рекламы и потребителя с учетом потребительского поведения	6
<i>Гладков И. С.</i> Внешняя торговля Европейского Союза: новые тренды в условиях глобальной неопределенности	14
<i>Спиридонова Г. В., Мрочко Л. В., Мрочко О. Г.</i> Мировая креативная экономика: состояние и прогнозы	24
<i>Тарасов Д. Э., Русановская (Бугай) К. Н., Мамыкин Л. А.</i> Методика экспресс-оценивания индекса качества транспортной инфраструктуры	34

Философия: мир в человеке и человек в мире

<i>Антриенко Е. В., Горбачева И. М.</i> Мировоззренческие измерения биополитики: социально-философский анализ	39
<i>Барсуков И. С.</i> Исторический и экономический аспекты становления философской системы Гегеля	47
<i>Кальней М. С.</i> Демократическая система управления и ее противоречия	54
<i>Ковалев А. А., Мрочко В. Л.</i> Генезис диалектической связи права и социальной теории. Право как модель регулирования моральных связей	61
<i>Лобастов Г. В.</i> «Сон разума рождает чудовищ»	71
<i>Михайлина С. А.</i> Становление управленческих и трудовых ценностей в этике Ренессанса	83
<i>Равочкин Н. Н., Щенников В. П.</i> Идеиная детерминация социальных преобразований: теоретико-прикладной аспект	93

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

<i>Брусникин Г. Н., Соколова Н. Ю., Игнатова И. Г.</i> Организация смешанного обучения в техническом университете (в рамках информатизации профессиональной деятельности)	105
<i>Халудорова Л. Е.</i> Экологизация содержания дополнительного профессионального образования: социокультурная направленность	113
<i>Хен Ю. В.</i> Влияние культурного контекста на преподавание естественных наук	119

Личность. Общество. Государство

<i>Бельков О. А.</i> Слово во славу великой победы	125
<i>Мрочко Л. В., Мрочко В. В.</i> К вопросу о сущности информационной культуры	137
<i>Сорокин С. А.</i> Патриотическое сознание российской молодежи: содержание и преемственность	142
<i>Ярмонова Е. Н., Югина С. А.</i> Последствия несовершенства правового регулирования каршеринга	149

Информация

К сведению авторов	155
Этические нормы публикационного процесса	157

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Andreeva A. A., Volkova S. V.</i> The mechanism of organization of interaction between advertising and the consumer, taking into account consumer behavior	6
<i>Gladkov I. S.</i> Foreign trade of the European Union: new trends in the context of global uncertainty	14
<i>Spiridonova G. V., Mrochko L. V., Mrochko O. G.</i> World creative economy: state and forecasts	24
<i>Tarasov D. E., Rusanovskaya (Bugay) K. N., Mamykin L. A.</i> Method of Rapid Evaluation of Quality Index Transport Infrastructure	34

Philosophy: Universe in Man and Man in Universe

<i>Andriyenko E. V., Gorbacheva I. M.</i> Worldview Dimensions of Biopolitics: The Socio-Philosophical Analysis	39
<i>Barsukov I. S.</i> Historical and economic aspects of the formation of Hegel's philosophical system	47
<i>Kal'ney M. S.</i> Democratic governance system and its contradictions	54
<i>Kovalev A. A., Mrochko V. L.</i> The Genesis of the Dialectical Connection of Law and Social Theory. Law as a model for regulating moral linkages	61
<i>Lobastov G. V.</i> « The sleep of reason gives birth to monsters»	71
<i>Mikhailina S. A.</i> Formation of managerial and work values in the ethics of the Renaissance	83
<i>Ravochkin N. N., Shchennikov V. P.</i> Ideological determination of social transformations: theoretical and applied aspect	93

Pedagogical coordinate system education, upbringing, human development

<i>Brusnikin G. N., Sokolova N. Yu., Ignatova I. G.</i> Organization of blended learning at a technical University (within the framework of the informatization of professional activity)	105
<i>Khaludorova L. E.</i> Greening the content of additional professional education: socio-cultural orientation	113
<i>Khen V. Julia</i> Influence of ideology on the teaching of natural sciences	119

Personality. Society. State

<i>Belkov O. A.</i> A word for the glory of the great victory	125
<i>Mrochko L. V., Mrochko V. V.</i> To the question about essence of information culture	137
<i>Sorokin S. A.</i> Patriotic consciousness of Russian youth: content and continuity	142
<i>Yarmonova E. N., Yugrina S. A.</i> Consequences of imperfect legal regulation of short-term car rentals	149

Information

For the Authors	155
Ethical Norms of Publishing	157

**ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH:
THEORY AND PRACTICE**

УДК 339.133.017

DOI: 10.24151/2409-1073-2020-3-6-13

**Механизм организации взаимодействия рекламы и потребителя
с учетом потребительского поведения**

А. А. Андреева¹, С. В. Волкова¹

¹Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

shyro4ka1989@gmail.com

Рассматриваются условия эффективного маркетинга, анализируются механизмы взаимодействия производителя с потребителем через рекламную коммуникацию, освещается проблема методики оценки «мнения» предполагаемой аудитории. Особое внимание уделяется процессам формирования потребительской потребности и ценности товара для потребителя. Утверждается, что при планировании рекламной коммуникации следует избегать искусственного завышения качества товара, стимулируя первичную покупку. Также авторами приводятся стратегии внедрения новых продуктов на рынок при помощи различных средств маркетинга и описывается роль рекламы в их продвижении.

Ключевые слова: реклама, рекламная коммуникация, маркетинг, потребитель, потребительское поведение, рынок, спрос, продукт.

**The mechanism of organization of interaction between advertising
and the consumer, taking into account consumer behavior**

A. A. Andreeva¹, S. V. Volkova¹

¹National Research University of Electronic Technology (MIET)

shyro4ka1989@gmail.com

In the article, the authors consider the conditions for effective marketing, analyze the mechanisms of interaction between the manufacturer and the consumer through advertising communication, highlight the problem of the methodology for assessing the «opinion» of the intended audience. Particular attention is paid to the processes of formation of consumer needs and the value of goods for the consumer. It is argued that when planning advertising communication, one should avoid artificially inflating the quality of the product, stimulating the initial purchase. The authors also provide strategies for introducing new products to the market using various marketing tools and describe the role of advertising in their promotion.

Keywords: advertising, advertising communication, marketing, consumer, consumer behavior, market, demand, product.

Реклама — это одна из оплачиваемых производителем форм маркетинговых коммуникаций, в ходе которой товар или услуга опосредованно представляется аудитории. Термин происходит от латинского слова *reklamare* — извещать, представлять. Рекламные объявления в эпоху античности громко выкрикивались на центральных улицах и площадях городов. История рекламы восходит к таким древним цивилизациям, как египетская и ассирийская. Можно даже предположить, что реклама является вечной спутницей товарно-денежных отношений. Любой продавец во все времена был заинтересован в представлении своего товара покупателям [1–9].

Закон Российской Федерации «О рекламе» дает такое определение этому понятию: «Реклама — информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [10].

Представим себе, что есть товар и марка, есть маркетинговые коммуникации и реклама, продвигающие этот товар к потребителю. Потребитель и его решение о покупке являются последним звеном этой цепи. Последним ли? Разве можно игнорировать следующий факт: «Современная экономика строится, в том числе, на императиве насыщенности рынков товарами и услугами. В ней с небольшой вероятностью можно ощутить новый спрос, требующий удовлетворения. Пост-дефицитный рынок сам формирует у покупателя потребность с тем, чтобы ее удовлетворить. Именно так построена коммуникация продавца и покупателя. В настоящее время именно маркетолог первым предвосхищает содержание еще не сформированных потребностей еще не родившегося ребенка, поскольку эти потребности будут сформированы, в том числе, маркетинговыми агентствами по средством маркетинговых коммуникаций». Насколько эффективной будет маркетинговая деятель-

ность, если маркетолог не будет представлять, как на рекламу — один из главных инструментов маркетинга и видов маркетинговой коммуникации — реагирует потребитель? Ведь эта реакция не всегда лежит в области покупки и ее сложно измерить собственно покупкой. Реклама — это очень мощный инструмент воздействия на потребительское поведение, но отнюдь не единственный и далеко не всесильный [11; 12; 13; 14].

Каждый из нас в течение жизни одобрял и критиковал некоторые рекламы и другие инструменты маркетинга, которые понравились или не понравились нам по ряду причин. Но это не значит, что мы покупали только продукцию, удачно рекламируемую, и не приобретали товары, реклама которых нам не по душе. Значит, по изменению спроса на товар отнюдь не всегда можно судить об эффективности рекламы или провале рекламной кампании? Насколько бы прекрасно продуманной и исполненной ни была рекламная стратегия, потребитель никогда не купит товар, если не испытывает в нем потребности, если он ему не по карману и еще по целому ряду причин.

Исследования, связанные с отношением потребителей к рекламе, очень важны. Они позволяют наладить эффективное взаимодействие рекламы и потребителя. В утопическом идеале реклама будущего — реклама интерактивная, т. е. потребитель, в зависимости от настроения и этапа принятия решения о покупке, сможет корректировать форму и содержание рекламного сообщения. Возможно, таково будущее. Однако проблема налаживания эффективного взаимодействия рекламы и потребителя решается комплексом маркетинга уже сегодня.

Работа с потребителем — это не только проблема специалистов по рекламе. Это обязательная часть деятельности специалиста по маркетингу. Сегодня так много товаров и услуг, настолько насыщенным является маркетинговое пространство, что взаимодействие с потребителем становится все более актуальным и сложным. Известно, что чем больше потребителей поддерживают отношения

с компанией, тем меньше новых потребителей ей приходится завоевывать.

В рекламе проблема взаимодействия с целевой аудиторией стоит очень остро. Мы рассматривали до сих пор поведение потребителя только в аспекте принятия решения о покупке, но практически не уделяли внимания проблеме взаимодействия рекламы и потребителя как бы без товара. Как потребитель реагирует на «чистую» коммуникацию? Ведь если рассматривать коммуникацию как двусторонний процесс, то потребитель будет полноправным субъектом процесса. Есть субъект, передающий сообщение, и субъект, воспринимающий и реагирующий. Как ведет себя в этой коммуникации второй субъект? На сегодня существуют самые разные методы оценки мнения потребителя.

Самым известным сегодня способом оценки взаимодействия рекламы и потребителя является метод фокус-групп. Он состоит в подробном и глубинном интервьюировании представителей целевой аудитории рекламных коммуникаций. Это одна из форм обратной связи рекламы и аудитории, которая позволяет маркетологам увидеть рекламу глазами потребителей. Такое исследование позволяет налаживать максимально эффективное взаимодействие рекламы и потребителя с учетом данных об особенностях потребительского поведения.

Известно, что потребитель реагирует на рекламу в диапазоне пяти степеней принятия.

Первая степень. Потребитель испытывает отрицательные эмоции и стремится избавиться от рекламного воздействия: выключить телевизор, отвернуться от плаката, перевернуть страницу газеты. Негативное отношение к рекламе потребитель переносит и на продукт или марку. У него возникает «реакция отторжения». Он не желает приобретать товар или услугу. Или эта реакция становится еще более активной: у него возникает желание приобрести товар конкурентной марки.

Вторая степень. Потребитель остается равнодушным к рекламе, его эмоции нейтральны. Он как бы изолируется от рекла-

мы, он ее замечает, но у него не возникает никаких эмоций относительно товара или марки: не появляется желания их приобрести. Однако попыток избавиться от воздействия рекламы человек также не предпринимает.

Третья степень. Реклама привлекает внимание потребителя, однако она никак не ассоциируется у него с товаром. Принятие рекламы и симпатия рекламному сюжету никак не отражается в потребительском поведении.

Четвертая степень. Реклама привлекает внимание потребителя, вызывает у него положительные эмоции и ассоциации. Потребитель положительно оценивает товар, однако не готов эту оценку реализовать в решении о покупке.

Пятая степень. Реклама вызывает активный интерес. Она не просто привлекает внимание, она вызывает желание приобрести товар рекламируемой марки.

Каждый из этих типов реакции может быть рассмотрен в отношении необходимости корректировки рекламного обращения.

В отношении первой степени реакции необходимо выяснить, что именно не понравилось потребителю, какова конкретная причина отрицательных эмоций. Она может заключаться как в форме, так и в содержании обращения. Кроме того, неприятие может быть вызвано тем, что потребитель является представителем не той целевой аудитории, которой адресовано послание.

Вторая степень реакции показывает, что отправителю, прежде всего, не удалось привлечь внимания потребителя. Это означает, что требуется обратить внимание на степень воздействия, усилить раздражитель. В этом случае внимание потребителя будет привлечено, и это получит свое отражение в его поведении.

Третья степень реакции может быть основанием для выводов о том, что рекламный сюжет является ай-стоппером, который имеет недостаточно ассоциативных связей с рекламируемым товаром. В этом случае воздействовать на поведение потребителя можно, найдя и ярко продемонстрировав

в следующем рекламном сообщении связь между ай-стоппером и характеристиками товара.

В четвертом случае можно считать, что задача рекламного сообщения практически выполнена, однако воздействовать на поведение потребителя можно и нужно с помощью других инструментов маркетинга. Например, сообщение о скидках на товар или других средствах стимулирования сбыта «добьет» потребителя, и он сделает последний шаг к принятию решения о покупке.

Вот еще несколько необходимых условий, без выполнения которых взаимодействие рекламы и потребителя не будет эффективным.

Во-первых, форма рекламы и товар должны гармонизировать друг с другом. Маленькое объявление, напечатанное с плохим полиграфическим качеством, сообщающее о «лучшем в мире» товаре, не отразится на поведении потребителей и вызовет реакцию первых трех степеней.

Во-вторых, в рекламе опасно завышать качественные характеристики товара и уж тем более рекламировать заведомо плохой товар. В этом случае сама реклама, если она выполнена с пониманием особенностей потребительского поведения, может отразиться на потребительском решении. Однако последствия для марки будут еще хуже, чем если бы потребитель не приобрел товар. Мы писали, что покупкой дело не оканчивается. Реакция на покупку — вот важнейший этап потребительского поведения. Потребитель, который приобрел плохой товар после хорошей рекламы, становится ходячей антирекламой товара, марки и рекламы вообще как маркетингового процесса. Вот такой круг, которого следует избегать при планировании рекламной коммуникации.

В-третьих, важно вызвать доверие потребителя. Путей установления доверительных отношений с помощью рекламы много, и мы о них писали. Главными являются такие приемы, как свидетельства и использование в рекламном сообщении имиджа человека, которому потребители доверяют. Установление отношений дове-

рия между производителем и потребителем — одна из задач-максимум всей системы маркетинговых коммуникаций. Доверие передается потребителем с рекламы на товар и марку и становится важным условием не только принятия решения о покупке, но и приверженности марке в целом.

Таким образом, при создании рекламы необходимо учитывать, что реклама — это не просто сообщение, это процесс взаимодействия отправляющего сообщение с его получателем — потребителем. Это процесс, имеющий свое продолжение в потребительском поведении. Кроме того, реклама не застает потребителя в начале его жизненного пути. Рекламная ситуация — это пересечение векторов двух процессов: потребительского поведения (которое разворачивается через стадии решения о покупке) и маркетинговой коммуникации. Направление первого процесса может быть изменено и скорректировано с помощью рекламы. Однако и реклама непрерывно видоизменяется, с тем чтобы максимально соответствовать потребностям потребителя в определенный момент времени.

Эффективным процесс взаимодействия рекламы и потребителя будет тогда, когда реклама является координированным и интегрированным обращением к определенной группе потребителей. Обращение должно соответствовать группе во всех отношениях: целью, принципами, мотивами, этапом потребительского поведения.

Например, в случае если товар появился на рынке, и у потребителя нет никакой информации о нем, и не существует потребности в таком товаре, реклама должна информировать, убеждать и внушать желание приобрести товар. В ситуации предпокупочного поиска потребителю необходима достоверная информация о потребительских характеристиках товара и о том, соответствуют ли они его экономическим возможностям. В момент покупки потребителю важно подкрепление его решения и дополнительная стимуляция. В послепокупочной ситуации важно напоминание о марке, поддержка потребителя в отношении правильности его выбора,

обеспечение обратной связи с производителем. На всех этих этапах и во всех этих ситуациях задачи рекламного обращения различны и напрямую зависят от потребительского поведения.

Динамика взаимодействия двух процессов — потребительского поведения и рекламной коммуникации — как нельзя лучше прослеживается на примере товаров-новинок или новаций. Обычно новации определяются так: это любая идея или продукт, воспринимаемые потенциальным потребителем как новые. Уже в определении заложена важность потребителя как субъекта взаимодействия в маркетинговом процессе.

Новый продукт имеет как бы два аспекта: материальный (это продукт новый по своей физической сути) и информационный — за новым продуктом следует его информационная оболочка. Сегодня, как ни странно, на рынке не столь важен первый аспект, сколько второй. Само по себе новшество может быть ничтожным или «дутым», однако важно не это, а то, как новшество будет воспринято потребителем. Именно восприятие отразится на потребительском поведении. А в этом аспекте ключевую роль играет реклама.

Продвижение новых товаров и услуг с помощью интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК), центром которых является реклама, воздействует на поведение потребителей больше, чем любые другие стратегии маркетинга. И именно в этом процессе взаимодействие ИМК и потребителей максимально. Старый, привычный товар, понятная и привычная реклама формируют традиционное потребительское поведение. Другое дело — новый вид товара или услуги. Признание или отторжение нового товара — это мини-модель потребительского поведения в целом. Поэтому принятие нового товара — это тоже процесс, разворачивающийся во времени.

Важными стадиями процесса принятия потребителем товара-новинки являются признание продукта и адаптация к нему. Считается, что признание продукта всеми потребителями — это только вопрос времени. Одни

потребители пройдут эту стадию раньше, другие позже. На этом этапе задача рекламы — максимально заполнить информационный пробел в сознании потребителя в отношении новинки. Очень важна на этой стадии обратная связь с потребителями для понимания того, что непонятно в товаре, что в нем может пугать. Новое — это всегда риск. С какими рисками в сознании потребителя связывается товар — вот вопрос, на который следует найти ответ и нивелировать ощущение риска у потребителя.

Непосредственное воздействие на уровень и скорость признания товара потребителями оказывает степень координации воздействия с помощью различных средств маркетинга. Информационный поток, убеждение и внушение должны быть не просто сильными, но и стратегически продуманными. Особенно важно поступление информации от потребителя к отправителю. Это позволит отправителю внести необходимые коррективы в свои сообщения в зависимости от реакции потребителей.

Реклама максимально эффективна на начальных стадиях внедрения нового товара, в дальнейшем важны стратегии стимулирования спроса и межличностные коммуникации.

На начальном этапе продвижения в рекламе применяется так называемая модель шприца. Потребитель подвергается массовой атаке со стороны маркетинговых коммуникаций, в его сознание как бы из большого шприца вводятся сразу несколько кубиков информации о товаре. В дальнейшем потребитель ее перерабатывает. Уже на стадии переработки он отправляет свою порцию информации производителю. Кроме того, на стадии переработки важны инструменты нерекламного стимулирования потребительского поведения.

Чтобы новый продукт получил одобрение потребителей, реклама должна подчеркивать, что он может удовлетворить одну или несколько их потребностей. Особенно важно, чтобы потребители почувствовали выгоду, которую повлечет за собой покупка продукта. Снова подчеркнем, что те выгоды

и удовлетворение потребностей, которые обещаны в рекламе, должны действительно находить отражение в свойствах продукта. Потребитель не должен разочароваться.

Потребитель делает выбор в пользу нового товара, если товар отвечает следующим требованиям:

- обладает явными сравнительными преимуществами по отношению к старым товарам;
- совместим с привычным укладом жизни потребителя;
- прост в использовании;
- заметен.

Более того, потребитель должен иметь возможность испытать продукт.

Реклама на начальной стадии продвижения новинки, когда ее роль максимальна, с помощью различных средств обеспечивает потребителя информацией относительно наличия в товаре всех необходимых характеристик и убеждает его в том, что из этих достоинств складывается ценность товара для потребителя.

Первое преимущество — это, прежде всего, экономическая выгода. В ходе маркетинговой коммуникации потребитель должен почувствовать, что товар обладает для него ценностью, которая связана с выигрышем в цене, во времени и в качестве продукта. Эти три сравнительные достоинства целесообразно подчеркивать и «выпячивать» в рекламной коммуникации. Очень важен момент сравнения со старым, привычным товаром. Если преимущества по сравнению с привычной маркой не явные, потребитель выберет старый товар, не желая рисковать.

Во-вторых, реклама должна подчеркивать, что новый товар вполне вписывается в привычный уклад жизни потребителя, соответствует его вкусам, совпадает с его ценностями и стилем жизни.

Очень важно на стадии принятия товара потребителем, чтобы в рекламе товар связывался с чем-то понятным, привычным, удобным и стандартным. Идея о том, что новинка «перевернет всю вашу жизнь», вряд ли понравится потребителю. Скорее, испугает. Человек подсознательно боится скач-

ков и революций, он предпочитает небольшие шажки и постепенные перемены. Поэтому важно в ходе рекламной коммуникации убедить потребителя, что новый товар «впишется» в рамки его стереотипных представлений. Если даже реклама черного холодильника цилиндрической формы будет невероятно убедительной, потребитель вряд ли признает новый продукт и захочет им обладать.

В-третьих, реклама должна подчеркивать, что обладание товаром не будет сопряжено ни с какими дополнительными трудностями и сложностями. Товар легко разместить в доме и, что самое важное, он прост в использовании и все его преимущества абсолютно доступны. В отношении этой характеристики очень эффективна демонстрация эксплуатации товара в ходе рекламной коммуникации.

В-четвертых, увидев, как товар прост, удобен и выгоден, потребитель может захотеть сам в этом убедиться. Это можно запланировать в комплексе ИМК. В рекламе же должно звучать убеждение, что это возможно, и предложение потребителям самим в этом удостовериться.

В-пятых, заметным товар становится также благодаря комплексному подходу к ИМК. Реклама же должна подчеркивать эту заметность. Например, ваш сосед уже приобрел этот товар и не представляет, как жил без него. Идеальное продвижение товара обеспечивается, если на этой стадии информация о товаре распространяется и через каналы межличностного общения.

Примером рекламы, которая рассчитана на убеждение потребителя в достоинствах товаров-новинок, являются рекламные ролики «Магазин на диване». В них учитываются особенности потребительского поведения и потребительского восприятия, к тому же в комплексе ИМК потребителям предлагается приобрести товар по каналам прямых продаж.

На примере продвижения товаров-новинок мы рассмотрели рекламу как активный процесс взаимодействия производителя и потребителя. Таким образом, реклама

— это не просто продвижение товара, это взаимообратный процесс коммуникации производителя и потребителя, активный канал обмена информацией. Для обеспечения максимальной эффективности этого канала в отношении влияния на потребительские решения рекламодатель должен учитывать особенности потребительского поведения как динамичного процесса. Для этого важно изучать поведение потребителей и их реакцию на рекламные сообщения.

Литература

1. **Худоногов А. В.** Современная система маркетинговых коммуникаций и структурная взаимосвязь ее элементов // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева. 2010. 1(27). С. 160—165.
2. **Бернет Дж., Мориарти С.** Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход: пер. с англ. / Под ред. С. Г. Божук. СПб: Питер, 2001. 864 с.
3. **Котлер Ф., Келлер К. Л.** Маркетинг, менеджмент. 12-е изд. СПб.: Питер, 2007. 816 с.
4. **Ламбен Ж. Ж.** Стратегический маркетинг. Европейская перспектива: пер. с франц. СПб: Наука, 1996. XV. 589 с.
5. **Стефанов С. И.** Реклама и полиграфия: опыт словаря-справочника. М.: Гелла-принт, 2004. 318 с.
6. **Беркутова Т. А.** Маркетинговые коммуникации: учеб. пособ. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 254 с.
7. **Голубкова Е. Н.** Маркетинговые коммуникации: учеб. пособ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финпресс, 2003. 304 с.
8. **Ромат Е. В.** Реклама. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. 208 с.
9. **Грейзинг Д.** Я хотел, чтобы весь мир покупал Coca-Cola: судьба лидера Роберто Гисуеты. М.: Бизнеском, 2009. 410 с. (Б-ка генерального директора. Путь к успеху. Т. 11).
10. О рекламе: федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ; принят Гос. Думой 22 февраля 2006 г.; одобрен Советом Федерации 3 марта 2006 г. // Консультант-Плюс: правовая система. Ст. 3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (дата обращения 10.09.2020).
11. Выбор эффективных решений при стратегическом планировании: монография / [Ред. Т. В. Третьякова]. Нижний Новгород: НГТУ им. Р. Е. Алексеева, 2013. 129 с.
12. **Ли Чэнь.** Разработка методических основ стратегического планирования малого и среднего бизнеса: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб.: Университет управления и экономики. 2013. 26 с.
13. **Беляев М. К.** Повышение конкурентоспособности предпринимательских структур на основе методов стратегического планирования: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: Рос. академ. Предпринимательства. 2012. 23 с.

14. **Наумов М. А.** Информационное обеспечение стратегического планирования в инновационной организации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Сургут: Гос. университет. 2012. 21 с.

Поступила 08.09.2020

Андреева Александра Андреевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1), shyro4ka1989@gmail.com

Волкова София Вячеславовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики № 2 Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1), ssv1946@yandex.ru

References

1. Hudonogov A. V. Sovremennaja sistema marketingovyh kommunikacij i strukturnaja vzaimosvjaz' ee jelementov [MODERN SYSTEM OF MARKETING COMMUNICATIONS AND STRUCTURAL CORRELATION OF ITS ELEMENTS] // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo ajerokosmicheskogo universiteta imeni akademika M. F. Reshetneva. 2010. 1(27). S. 160—165.
2. Bernet Dzh., Moriarti S. Marketingovyje kommunikacii: integrirovannyj podhod: per. S angl / Pod red. S. G. Bozhuk. SPb: Piter, 2001. 864 s.
3. Kotler F., Keller K. L. Marketing, menedzhment. 12-e izd. SPb.: Piter, 2007. 816 s.
4. Lamben Zh. Zh. Strategicheskij marketing. Evropejskaja perspektiva: per. S franc. SPb: Nauka, 1996. XV. 589 s.
5. Stefanov S. I. Reklama i poligrafija: opyt slovarja-spravochnika. M.: Gella-print, 2004. 318 s.
6. Berkutova T. A. Marketingovyje kommunikacii: ucheb. Posob. Rostov n/D: Feniks, 2008. 254 s.
7. Golubkova E. N. Marketingovyje kommunikacii: ucheb. Posob. 2-e izd., pererab. d op. M.: Finpress, 2003. 304 s.
8. Romat E. V. Reklama. 2-e izd. Spb.: Piter, 2009. 208 s.
9. Grejzing D. Ja hotel, chtoby ves' mir pokupal Coca-Cola: sud'ba lidera Roberto Gisujety. M.: Bizneskom, 2009. 410 s. (B-ka general'nogo direktora. Put' k uspehu. T. 11).
10. O reklame: feder. Zakon ot 13 marta 2006 g. № 38-FZ: prinjat Gos. Dumoj 22 fevralja 2006 g.; odobr. Sovetom Federacii 3 marta 2006 g. // Konsul'tantPljus: pravovaja sistema. St. 3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (data obrashhenija 10.09.2020).
11. Vyboreffektivnyh reshenij pri strategicheskom planirovanii: monografija / [Red. T. V. Tret'jakova]. Nizhnij Novgorod: NGTU im. R. E. Alekseeva, 2013. 129 s.
12. Li Chjen'. Razrabotka metodicheskikh osnov strategicheskogo planirovanija malogo i srednego biznesa: av-

toref. Dis. ... kand. Jekon. Nauk. SPb.: Universitet upravlenija i jekonomiki. 2013. 26 s.

13. Beljaev M. K. Povyshenie konkurentosposobnosti predprinimatel'skih struktur na osnove metodov strategicheskogo planirovanija: avtoref. Dis. ... kand. Jekon. Nauk. M.: Ros. Akadem. Predprinimatel'stva. 2012. 23 s.

14. Naumov M. A. Informacionnoe obespechenie strategicheskogo planirovanija v innovacionnoj organizacii: avtoref. Dis. ... kand. Jekon. Nauk. Surgut: Gos. Universitet. 2012. 21 s.

Submitted 08.09.2020

Alexandra A. Andreeva — candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Management and Finance. National Research University of Electronic Technology (MIET) (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokina Square, 1), shyro4ka1989@gmail.com

Sofia V. Volkova, candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Higher Mathematics No. 2. National Research University of Electronic Technology (MIET) (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokina Square, 1), ssv1946@yandex.ru

Внешняя торговля Европейского Союза: новые тренды в условиях глобальной неопределенности

И. С. Гладков¹

¹ Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия

professorgis@rambler.ru

В динамике и географической структуре внешнеторговых связей Европейского союза автор рассматривает актуальные тренды, которые проявились на протяжении последних трех лет накануне завершения процедуры выхода Великобритании из состава блока (брекзит), в конце января 2020 г. и в период наиболее значимых явлений на мировом, региональном уровнях: нарастание неопределенности и напряженности, турбулентность в сфере международной торговли. Автор выделяет мейнстрим: расширение протекционистских настроений, распространение санкционных мероприятий против ведущих конкурентов под прикрытием политической риторики, в том числе развертывание Европейским союзом санкций по отношению к восточноевропейским партнерам, включая Россию. Автор утверждает, что все эти тренды не могли не оказать заметного влияния на сдвиги во внешней торговле Европейского союза и делает расчеты ряда показателей экспорта и импорта стран данного интеграционного блока.

Ключевые слова: международная торговля, внешняя торговля, товарный экспорт, товарный импорт, санкции, контрсанкции, Европейский союз, Германия, Нидерланды, Российская Федерация, Швейцария, Китай, США.

Foreign trade of the European Union: new trends in the context of global uncertainty

I. S. Gladkov¹

¹ Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

professorgis@rambler.ru

In the dynamics and geographical structure of foreign trade relations of the European Union, the author examines the current trends that have emerged over the past three years on the eve of the completion of the procedure for the UK's exit from the bloc (brexit) at the end of January 2020. The author considers the most significant phenomena at the global and regional levels such as increasing uncertainty and tension, and turbulence in international trade. He also highlights the mainstream: the expansion of protectionist sentiments, the spread of sanctions measures against leading competitors under the guise of political rhetoric, including the deployment of sanctions by the European Union against Eastern European partners, including Russia. The author claims that all these trends could not but have a noticeable impact on changes in the foreign trade of the European Union, and he makes calculations of a number of indicators of exports and imports of the countries of this integration bloc.

Keywords: international trade, foreign trade, commodity export, commodity import, sanctions, counter-sanctions, the European Union, Germany, Netherlands, Russian Federation, Switzerland, China, USA.

В начале 2020 г. — периоде, насыщенном крупными событиями общемирового масштаба, — в условиях неожиданного распространения новой вирусной инфекции исследовательские силы оказались перенаправленными на изучение новейших формирующихся трендов, определяющих характер и направление эволюции мирового хозяйства и международных экономических связей. Но, принимая во внимание подвижность складывающейся ситуации, можно предположить, что даже промежуточные итоги подводить пока не представляется реальным. Так, вполне очевидны существенные потери в мировой хозяйственной системе, но пока весьма затруднительно строить сбалансированные прогнозы относительно продолжительности тех или иных неурядиц в ее развитии.

Прямым подтверждением этому можно считать следующий факт: ведущий мировой финансовый институт, Международный валютный фонд (МВФ), отложил издание своего очередного доклада по прогнозированию развития мировой экономики (см.: [9]). Опубликована только первая глава, под символическим названием «Грандиозная изоляция». Подчеркивается, что все прогнозы Фонда сопряжены «с крайней степенью неопределенности».¹

Среди важных процессов, которые оказались фактически «в тени», можно выделить процедуру выхода из состава Европейского союза (ЕС) довольно значимой для него Великобритании. Ее роль в ЕС на протяжении периода членства в блоке (1973—2020 гг.) рассматривалась как весьма существенная, поскольку ее экономика по праву считается одним из четырех «тяжеловесов» в западноевропейском регионе. Согласно расчетам, проведенным в целях исследования, в последнее время на Великобританию приходилось 2,5 % мирового товарного экспорта, а ее долевое

участие в совокупном вывозе товаров ЕС достигало 7,5 % (пятая позиция после Германии, Нидерландов, Франции и Италии). Но в сфере импорта товарной продукции положение страны было более значимым (3,6 % в международном товарном ввозе, до 11,0 % в импорте товаров в ЕС). Об этом свидетельствуют данные таблиц 1, 2.

Следует также учитывать, что Европейскому союзу, как крупнейшей в современном мире региональной интеграционной группировке, удавалось на протяжении ряда десятилетий сохранять лидерство в системе мировой товарной торговли. Со времени британского референдума (2016—2019 гг.) в условиях катаклизмов в международном товарном обмене потери ЕС часто оказывались меньшими, чем общемировые (см. табл. 1).

Долевое участие Евросоюза в международном вывозе товаров в 2016 г. составляло 33,4 %, а в 2019 г. — 33,6 %. При этом в общемировом товарном ввозе на ЕС приходилось — от 32,4 % в 2016 г. до 32,8 % в 2019 г. (см. табл. 2).

Следует отметить, что до начала 2020 г. это ведущее региональное объединение насчитывало в своем составе 28 стран, проводило продуманную внешнеторговую политику. Все это позволяло ему не только поддерживать лидирующие позиции в международном товарном обмене, но также довольно эффективно добиваться их расширения. Сопоставление, проведенное в рамках исследования, позволяет заключить, что Европейский союз значительно опережал конкурирующий блок. На долю Североамериканской ассоциации свободной торговли (НАФТА) в 2016—2019 гг. приходилось от 13,8 % до 13,7 % в мировом вывозе товаров и от 18,8 % до 18,4 % в общемировом ввозе. Таким образом, НАФТА, в отличие от ЕС, демонстрировала в рассматриваемом четырех-

¹ Эксперты МВФ в неполном апрельском докладе констатируют, что распространение вирусной инфекции вызвало большие гуманитарные издержки во всем мире, которые продолжают расти... Потребовались меры изоляции, по ограничению передвижения людей и по массовому закрытию объектов с целью замедлить распространение вируса. Кризис в сфере здравоохранения по причине пандемии серьезно сказывается на экономической активности: в 2020 г. прогнозируется резкое сокращение мировой экономики на 3%, что превышает тот же показатель финансового кризиса 2008—2009 гг. В сценарии, который предполагает, что пандемия пойдет на спад во второй половине 2020 г., меры по сдерживанию могут быть постепенно свернуты, а мировая экономика, по прогнозу, вырастет на 5,8% в 2021 г. — по мере нормализации экономической активности, чему будут способствовать поддерживающие политические меры (см.: [11]).

летию не только заметно более скромные стоимостные объемы внешней торговли, но и значительное снижение абсолютных и относительных показателей (см.: [1; 2; 3]).

Согласно новейшим статистическим данным ЮНКТАД, Европейский союз, аналогично НАФТА, в 2019 г. сократил объемы внешнеторговых связей по стоимости, но сохранил положительное сальдо в своем совокупном балансе внешней торговли (ср. табл. 1, 2).

Таким образом, вполне логичным представляется вывод о том, что ЕС смог в условиях многочисленных неурядиц (см.: [6; 7; 8; 9]) в международном обмене добиться не просто существенных, но во многом уникальных результатов в развитии своих внешнеторговых контактов.

Неоспоримым достижением Европейского союза в сфере международной торговли можно считать совокупную стоимость товарного экспорта, импорта. Так, несмотря на некоторое снижение объема вывоза товаров ЕС в 2019 г. стоимостные параметры вывоза достигали почти 6,29 трлн долл. США, при ввозе — 6,24 трлн долл. США, что является крупнейшим показателем в современном мировом обмене. Аналогичные показатели для НАФТА составляли около 2,56 трлн долл. США и 3,49 трлн долл. США соответственно. Это означает сохранение отрицательного баланса во внешнеторговых контактах НАФТА (в размере более 0,92 трлн долл. США).

Таблица 1

Динамика экспорта ЕС в соотношении с мировым экспортом, 2016—2019 гг. (млрд долл. США, %)

Параметры экспорта	2016	2017	2018	2019
Мировой экспорт, млрд долл.	16 031,154	17 701,055	19 456,187	18 739,914
Темпы роста экспорта, %	-3,02	10,42	9,91	-3,68
Экспорт ЕС, млрд долл.	5 360,503	5 880,232	6 467,660	6 295,945
Темпы роста экспорта, %	-0,33	9,68	10,00	-2,66
Доля ЕС в мировом экспорте, %	33,44	33,22	33,24	33,60
Экспорт внутри блока ЕС, млрд долл.	3 387,109	3 715,292	4 095,127	3 951,052
Доля в экспорте ЕС, %	63,19	63,18	63,32	62,76
Экспорт вне блока ЕС, млрд долл.	1 973,394	2 164,940	2 372,533	2 344,893
Доля в экспорте ЕС, %	36,81	36,82	36,68	37,24
Экспорт старых стран-членов ЕС, млрд долл.	4 610,430	5 047,470	5 500,580	5 356,790
В том числе:				
Германия	1 332,489	1 444,776	1 556,623	1 486,463
Нидерланды	570,932	651,697	727,326	721,301
Франция	490,008	524,010	568,975	555,143

Параметры экспорта	2016	2017	2018	2019
Италия	461,668	507,430	543,467	532,670
Великобритания	411,463	442,066	487,069	469,168
Бельгия	398,033	429,980	466,654	444,568
Испания	281,777	319,622	328,528	333,627
Австрия	144,701	159,970	176,992	179,023
Ирландия	132,010	138,072	167,018	169,690
Швеция	139,273	152,902	165,926	160,545
Дания	94,729	101,434	107,969	109,867
Финляндия	57,326	67,281	75,258	73,334
Португалия	55,372	62,117	74,136	67,069
Греция	27,811	32,155	39,491	37,815
Люксембург	12,838	13,959	15,148	16,508
Доля в экспорте ЕС, %	86,05	85,72	85,30	85,32
Экспорт новых стран-членов ЕС, млрд долл.	728,288	816,595	923,755	919,362
В том числе:				
Польша	196,455	221,308	261,815	264,015
Чешская Республика	162,087	182,231	202,522	198,416
Венгрия	103,071	113,382	123,958	123,617
Словакия	77,539	84,388	94,294	89,683
Румыния	63,510	70,711	79,673	76,874
Словения	27,658	31,894	36,471	44,867
Литва	25,023	29,350	33,335	33,125
Болгария	26,688	31,588	33,314	33,304
Хорватия	13,648	15,732	17,210	17,381
Эстония	13,967	15,384	17,197	16,124
Латвия	11,607	13,190	15,033	15,489
Кипр	2,997	3,360	5,065	3,460
Мальта	4,038	4,077	3,868	3,007
Доля в экспорте ЕС, %	13,95	14,28	14,70	14,68

Примечание. Составлено и подсчитано автором по статистическим данным: UNCTAD: официальный сайт. URL: <https://unctad.org/en/Pages/statistics.aspx> (дата обращения 15.04.2020); World Trade Organization: [сайт]. URL: <http://www.wto.org> (дата обращения 16.07.2020).

Таблица 2

Динамика импорта ЕС в соотношении с мировым импортом, 2016—2019 гг. (млрд долл. США, %)

Параметры импорта	2016	2017	2018	2019
Мировой импорт, млрд долл.	16 159,373	17 929,591	19 813,394	18 998,048
Темпы роста импорта, %	-3,11	10,96	10,50	-4,11
Импорт ЕС, млрд долл.	5 240,358	5 778,193	6 410,989	6 235,773
Темпы роста импорта, %	0,21	10,27	10,95	-2,73
Доля ЕС в мировом импорте, %	32,43	32,23	32,36	32,82
Импорт внутри блока ЕС	3 152,394	3 451,325	3 808,755	3 659,435
Доля в импорте ЕС, %	60,15	59,73	59,41	58,69
Импорт вне блока ЕС	2 087,964	2 326,868	2 602,234	2 576,338
Доля в импорте ЕС, %	39,85	40,27	40,59	41,31
Импорт старых стран-членов ЕС, млрд долл.	4 389,040	4 814,940	5 450,500	5 298,140
В том числе:				
Германия	1 060,672	1 167,753	1 287,379	1 236,298
Великобритания	636,368	641,332	671,645	691,974
Нидерланды	398,336	450,076	646,070	646,752
Франция	559,139	608,819	660,157	637,949
Италия	406,671	453,583	503,369	481,436
Бельгия	372,713	406,412	454,841	433,285
Испания	302,539	350,922	390,643	378,174
Австрия	149,987	175,690	193,773	188,052
Швеция	140,984	154,195	170,712	158,709
Ирландия	82,029	88,828	107,999	98,500
Дания	84,427	92,118	101,675	97,009
Португалия	67,953	78,746	95,629	89,924
Финляндия	60,502	70,100	78,352	73,506
Греция	47,595	55,300	65,141	62,198
Люксембург	19,124	21,070	23,119	24,374
Доля в импорте ЕС, %	85,87	85,36	84,69	84,95

Параметры импорта	2016	2017	2018	2019
Импорт новых стран-членов ЕС, млрд долл.	722,259	824,161	960,488	930,556
В том числе:				
Польша	188,518	217,979	267,700	246,654
Чешская Республика	142,328	162,899	184,924	178,552
Венгрия	92,044	104,284	121,761	119,817
Румыния	74,544	85,337	97,893	96,532
Словакия	75,488	83,211	94,186	90,049
Словения	26,690	31,149	36,267	43,963
Болгария	28,958	34,264	37,953	37,176
Литва	27,391	30,979	36,501	35,612
Хорватия	21,830	24,512	28,113	28,026
Латвия	13,737	16,053	18,613	18,726
Эстония	15,682	17,358	18,560	18,018
Кипр	7,867	9,308	10,813	9,220
Мальта	7,182	6,828	7,204	8,211
Доля в импорте ЕС, %	14,13	14,64	15,31	15,05

Примечание. Составлено и подсчитано автором по статистическим данным: UNCTAD: официальный сайт. URL: <https://unctad.org/en/Pages/statistics.aspx> (дата обращения 15.04.2020); World Trade Organization: [сайт]. URL: <http://www.wto.org> (дата обращения 16.07.2020).

При более подробном рассмотрении экспортных связей Евросоюза можно отметить, что подгруппа в его составе, лидирующая по стоимостным объемам товарного вывоза, сохранила свое доминирование. К ней относятся Германия (ее экспорт сократился на 4,6 % в 2019 г. — до 1,486 трлн долл. США), Нидерланды (сокращение экспорта на 0,8 %), а также Франция, Италия, Великобритания и Бельгия. Согласно проведенным расчетам, только эти шесть стран обеспечивают 2/3 совокупной стоимости товарного вывоза интеграционного блока.

Даже после выхода из состава ЕС в 2020 г. одного из ведущих его экспортеров (Велико-

британии) общий стоимостный показатель экспорта товаров стран группировки может сократиться не более чем на 0,5 трлн долл. США. Это существенно не повлияет на лидирующее положение ЕС в системе международной торговли, но несколько ослабит его совокупные позиции.

Во многом схожая ситуация отмечалась в сфере импортных связей Евросоюза, поскольку в 2017—2019 гг. объединение контролировало возрастающую долю мирового ввоза. При этом крупнейшими импортерами ЕС выступали те же страны, но расстановка сил несколько отличалась от ситуации в товарном экспорте ввиду позиций Великобритании (см. табл. 2).

Имманентной чертой современных внешнеторговых связей ЕС можно считать разделение экспортно-импортных контактов блока на осуществляемые в его рамках (the EU Intra-trade) и вне его пределов (the EU Extra-trade). Следует иметь в виду, что обе составляющие характеризуются довольно существенными параметрами в абсолютном исчислении. Это дает основание экспертам ООН приводить статистические данные по мировой товарной торговле как с включением совокупного показателя блока по экспорту (импорту), так и без него, с внесением показателей только *внешней торговли ЕС с третьими странами* (исключая из общемировых индикаторов стоимостные объемы товарооборота внутри ЕС). Как показывают расчеты, соотношение между этими двумя составляющими внешнеторговых связей ЕС составляет 6:4 соответственно, но подвержено частым флуктуациям, что отражает ситуацию в торговых контактах внутри Евросоюза и за его пределами.

Действительно, на протяжении последнего десятилетия в этой сфере сформировался достаточно четкий тренд. При возникновении благоприятной ситуации на внешних рынках активнее развиваются торговые связи ЕС с третьими странами, но при ее осложнении основной акцент смещается на внутриблоковые контакты. Речь идет об использовании группировкой «эффекта черепахи» — одного из наиболее важных инструментов внешнеторговой политики блока, — способствующего сохранению доминирующего положения Евросоюза в системе современной международной торговли. Таким образом, нараставшая в рассматриваемый период турбулентность предопределила проявление в товарном обмене Евросоюза с партнерами (вне группировки) синусоидного тренда, как реакцию блока на изменения внешней среды (ср. табл. 1, 2).

Согласно проведенному нами анализу статистических данных, ЕС постоянно демонстрировал гибкость при формировании экспортно-импортных связей вне блока, в контактах с третьими странами.

Стоит отметить, что просматривается различная активность отдельных стран-членов блока во внешнеторговой экспансии за его пределами. Заметно доминирующее поло-

жение девяти ведущих экспортеров. В 2016—2019 гг. на них приходилось почти 85 % всего стоимостного объема экспортных поставок ЕС вне блока (при незначительном снижении этого показателя), тогда как растущая доля в экспорте принадлежала странам с небольшими параметрами вывоза, среди которых преобладают «новые европейцы» (см. табл. 1).

Однако доля всей совокупной стоимости товарного экспорта ЕС в третьи страны, почти 2/3 (58,9 %), обеспечивалась только четырьмя его членами — Германией, Великобританией, Францией и Италией, что свидетельствует о высокой товарной концентрации источников экспортных потоков.

Во многом схожая ситуация сложилась в сфере импортных закупок ЕС вне блока. Так, почти половина общей стоимости (48,2 %) товарного ввоза приходилась в рассматриваемый период на трех участников Евросоюза (Германию, Великобританию, Нидерланды), девять наиболее крупных импортеров закупали подавляющую часть (примерно 85 %) ввозимой блоком из третьих стран продукции. При этом остальные 19 членов блока приобретали только 15 % от объема импортных закупок ЕС.

Далее, динамичная ситуация складывалась на протяжении всего рассматриваемого периода в области географического распределения внешнеторговых товарных потоков ЕС вне пределов блока (ср. табл. 3, 4).

Расчетные данные таблицы 3 позволяют сделать заключение, что в сфере экспорта ЕС отмечается довольно высокая концентрация поставок товаров Евросоюза в третьи страны. На основные 20 стран — партнеров ЕС вне блока — приходилось свыше 3/4 совокупного товарного вывоза, а на первые 10 стран — почти 2/3 вывоза за пределы блока. При этом первые пять стран — импортеров продукции Евросоюза — демонстрировали повышение своей доли с 47,2 % до 49,0 %, что происходило за счет США, Китая и России.

Крупнейшими импортерами товаров ЕС остаются США (22,0 % стоимости вывоза блока в третьи страны), Китай (11,0 %), Швейцария (7,9 %), Россия (4,5 %), Турция (3,9 %). В период обострения катаклизмов в мировой торговле конкуренцию России пытается оказать

Таблица 3

**Динамика географического распределения товарного экспорта ЕС вне блока
(the EU Extra-trade), 2016—2019 гг. (в %)**

Страны-экспортеры	2016	2017	2018	2019
США	20,8	20,0	20,8	22,0
Китай (исключая Гонконг)	9,7	10,5	10,8	11,0
Швейцария	8,1	8,0	8,0	7,9
Россия	4,1	4,6	4,3	4,5
Турция	4,5	4,5	3,9	3,6
Всего в общем объеме товарного экспорта ЕС	47,2	47,6	47,8	49,0
Япония	3,3	3,2	3,3	3,4
Норвегия	2,8	2,7	2,8	2,7
Республика Корея	2,5	2,7	2,6	2,3
Канада	2,0	2,0	2,1	2,2
Индия	2,2	2,2	2,3	2,1
Всего в общем объеме товарного экспорта ЕС	12,8	12,8	13,1	12,7

Примечание. Составлено и подсчитано автором по статистическим данным: Eurostat: [статистическая система ЕС]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/> (дата обращения 16.07.2020); UNCTAD: официальный сайт. URL: <https://unctad.org/en/Pages/statistics.aspx> (дата обращения 15.04.2020); World Trade Organization: [сайт]. URL: <http://www.wto.org> (дата обращения 16.07.2020).

Таблица 4

**Динамика географического распределения товарного импорта ЕС вне блока
(the EU Extra-trade), 2016—2019 гг. (в %)**

Страны-импортеры	2016	2017	2018	2019
Китай (исключая Гонконг)	20,6	20,2	20,0	20,4
США	14,6	13,9	13,6	14,3
Россия	7,0	7,8	8,5	7,7
Швейцария	7,1	6,0	5,5	6,5
Турция	3,9	3,8	3,8	3,9
Всего в общем объеме товарного импорта ЕС	53,2	51,7	51,4	52,8

Страны-импортеры	2016	2017	2018	2019
Япония	3,9	3,7	3,5	3,6
Норвегия	3,7	4,0	4,2	3,5
Республика Корея	2,4	2,6	2,5	2,5
Индия	2,3	2,4	2,3	2,3
Бразилия	1,7	1,7	1,6	1,4
Всего в общем объеме товарного импорта ЕС	14,0	14,4	14,1	13,3

Примечание. Составлено и подсчитано автором по статистическим данным: Eurostat: [статистическая система ЕС]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/> (дата обращения 16.07.2020); UNCTAD: официальный сайт. URL: <https://unctad.org/en/Pages/statistics.aspx> (дата обращения 15.04.2020); World Trade Organization: [сайт]. URL: <http://www.wto.org> (дата обращения 16.07.2020).

Турция, но с 2017 г. ситуация налаживается, Россия занимает традиционное 4-е место.

Как показывают расчеты, те же 20 стран-партнеров выделяются среди ведущих контрагентов ЕС и в сфере импорта товарной продукции ЕС (76,7 % его общей стоимости). Сохраняется их дифференциация по стоимостным объемам поставок, по доле в общей стоимости товарного ввоза. На первые пять стран (табл.4) приходилось свыше половины (52,8 %) всех товарных приобретений Евросоюза за пределами блока (при этом Россия занимала 3-е место после Китая и США). Заметен «отрыв» лидирующей группы пяти ведущих поставщиков товаров в Евросоюз. На долю 15 остальных крупных экспортеров в 2019 г. суммарно приходилось всего 23,9 % от общей стоимости импортных закупок Евросоюза в третьих странах. Другими словами, концентрация источников товарного импорта ЕС вне блока зачастую выше, чем на основных направлениях товарного экспорта ЕС в третьи страны (ср. табл. 3, 4).

Подводя итоги исследованию, констатируем не только сохранение Европейским союзом ранее занятых позиций в системе международной товарной торговли, но и расширение их в непростых условиях. Так, невзирая на все катаклизмы и вызовы внешней среды, ЕС удается проводить довольно эффективную внешнеторговую политику, значительно опережать конкурентов [3; 4; 5].

Однако провозглашаемая правовой системой блока приверженность правилам ведения современной торговли, принятым Всемирной торговой организацией, не помешала Евросоюзу ввести и продлевать санкционные действия в отношении своих восточноевропейских контрагентов, в частности России, еще недавно признаваемой незаменимым для ЕС партнером. Экспертам остается надеяться, что на фоне современных глобальных мегавызовов произойдет некая трансформация в формировании внешне-торговой политики крупнейшего в мире интеграционного блока — в направлении взвешенного подхода, понимания преимуществ развития традиционных связей и перспективных форм сотрудничества.

Литература

1. *Гладков И.С.* Внешняя торговля Европейского Союза 2018: presto с тюльпанами // *Власть*. М., 2019. Т. 27. № 3. С. 161—166.
2. *Гладков И.С.* Внешнеторговые связи Европейского Союза: штормовое предупреждение? // *Власть*. М., 2019. Т. 27. № 5. С. 153—158.
3. *Гладков И.С.* Внешнеторговые связи Российской Федерации и Европейского Союза: на «полосе препятствий» (2019) // *Власть*. М., 2020. Т. 28. № 2. С. 111—116.
4. *Пискулов Ю.В.* Международная торговля и экономический рост // *Российский внешнеэкономический вестник*. М.: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, 2019. № 1. С. 96—102.
5. *Портанский А.П.* Brexit: начало переговоров Британии с Евросоюзом не стало обнадеживающим для финансовых рынков и торговли // *Деньги и кредит*. М.:

Центральный банк Российской Федерации, 2017. № 10. С. 27—30.

6. The World Bank group. Global economic prospects: Darkening Skies. Washington: International Bank for Reconstruction and Development. January 2019. XXIX. 241 p.

7. World Economic Outlook (WEO): Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers. Washington: International Monetary Fund, October 2019. 188 p.

8. World Economic Outlook, January 2020: Tentative Stabilization, Sluggish Recovery? [Электронный ресурс] // International Monetary Fund: официальный сайт. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/01/20/weo-update-january2020> (дата обращения 16.07.2020).

9. World Economic Outlook, April 2020. The Great Lockdown // [Электронный ресурс] // International Monetary Fund: URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/World-Economic-Outlook-April-2020-The-Great-Lockdown-49306> (дата обращения 16.07.2020).

6. The World Bank group. Global economic prospects: Darkening Skies. Washington: International Bank for Reconstruction and Development. January 2019. XXIX. 241 p.

7. World Economic Outlook (WEO): Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers. Washington: International Monetary Fund, October 2019. 188 p.

8. World Economic Outlook, January 2020: Tentative Stabilization, Sluggish Recovery? [Электронный ресурс] // International Monetary Fund: официальный сайт. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/01/20/weo-update-january2020> (дата обращения 16.07.2020).

9. World Economic Outlook, April 2020. The Great Lockdown // [Электронный ресурс] // International Monetary Fund: URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/World-Economic-Outlook-April-2020-The-Great-Lockdown-49306> (дата обращения 16.07.2020).

Submitted 15.06.2020

Поступила 15.06.2020

Гладков Игорь Сергеевич — доктор экономических наук, профессор; главный научный сотрудник, руководитель Центра европейской торговли, Институт Европы Российской академии наук (ИЕ РАН) (125009, Москва, Никитский переулок, д. 2), professorgis@rambler.ru

Gladkov Igor' S., Dr. Sci. (World Econ.), Full Professor; Senior Researcher, Head of the Center for European trade, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (2 Nikitskiy Lane, Moscow, Russia, 125009), professorgis@rambler.ru

References

1. Gladkov I.S. Vneshnjaja trgovlja Evropejskogo Sojuza 2018: presto s tul'panami [THE EUROPEAN UNION'S FOREIGN TRADE IN 2018: PRESTO WITH TULIPS] // *Vlast'*. M., 2019. T. 27. № 3. S. 161—166.

2. Gladkov I.S. Vneshnetorgovye svjazi Evropejskogo Sojuza: shtormovoe preduprezhdenie? [THE EUROPEAN UNION'S FOREIGN TRADE: A STORM WARNING?] // *Vlast'*. M., 2019. T. 27. № 5. S. 153—158.

3. Gladkov I.S. Vneshnetorgovye svjazi Rossijskoj Federacii i Evropejskogo Sojuza: na «polose prepjatstvij» (2019) [FOREIGN TRADE RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN UNION: ON THE «BARRIER ZONE» (2019)] // *Vlast'*. M., 2020. T. 28. № 2. S. 111—116.

4. Piskulov Ju.V. Mezhdunarodnaja trgovlja i jekonomicheskij rost [INTERNATIONAL TRADE AND ECONOMIC GROWTH] // *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*. M.: Vserossijskaja akademija vneshnej trgovli Ministerstva jekonomicheskogo razvitija RF, 2019. № 1. S. 96—102.

5. Portanskij A.P. Brexit: nachalo peregovorov Britanii s Evrosojuzom ne stalo obnadezhivajushhim dlja finansovyh rynkov i trgovli [BREXIT: START OF NEGOTIATIONS BETWEEN BRITAIN AND THE EU FAILS TO CHEER UP FINANCIAL MARKETS AND TRADE] // *Den'gi i kredit*. M.: Central'nyj bank Rossijskoj Federacii, 2017. № 10. S. 27—30.

Мировая креативная экономика: состояние и прогнозы

Г. В. Спиридонова¹, Л. В. Мрочко¹, О. Г. Мрочко²

¹Московский гуманитарный университет

*²Московская государственная академия водного транспорта, филиал ГУМРФ
имени адмирала С.О.Макарова*

gspiridonova@mosgu.ru

Рассмотрены британский и американский подходы к классификации сегментов рынка креативных индустрий. Дан обзор реализации государственных программ, направленных на изучение влияния креативных индустрий, в странах ЕС. Выделены тренды и подтверждена сложность развития секторов креативной экономики сегодня. Сделан вывод о необходимости использования механизмов моделирования экономики, а именно цифровизации, в целях сохранения конкурентных позиций. Доказано, что креативная экономика не только открывает прогрессивные модели для бизнеса, создает дополнительные рабочие места и увеличивает ВВП стран, где данный сектор основан на инновационных технологиях, но и улучшает качество жизни людей за счет развития отраслей искусства, дизайна и медиа, а также сохранения исторического и культурного наследия.

Ключевые слова: креативная экономика, креативные индустрии, креативный класс, культурное наследие, искусство, медиа, функциональное творчество, инновационный бизнес.

World creative economy: state and forecasts

G. V. Spiridonova¹, L. V. Mrochko¹, O. G. Mrochko²

¹Moscow University for the Humanities

*²Moscow State Academy of Water Transport, branch of the GUMRF
named after Admiral S.O. Makarov*

gspiridonova@mosgu.ru

The British and American approaches to classifying market segments of creative industries are considered. An overview of the implementation of state programs aimed at studying the impact of creative industries in the EU countries is given. Trends are highlighted and the complexity of the development of the creative economy sectors today is confirmed. It is concluded that it is necessary to use economic modeling mechanisms, namely digitalization, in order to maintain competitive positions. It is proved that the creative economy not only opens up progressive business models, creates additional jobs and increases the GDP of countries where this sector is based on innovative technologies, but also improves the quality of life of people through the development of art, design and media industries, as well as the preservation of historical and cultural heritage.

Keywords: creative economy, creative industries, creative class, cultural heritage, art, media, functional creativity, innovative business

Основным трендом первого 20-летия XXI века стал новый вектор современной экономики — креативная индустрия, ее становление в странах с различным уровнем экономического развития. История вопроса уходит в начало 2000-х, когда в журнале *Business Week* был обозначен термин «креативная экономика»¹. А спустя год появилась работа Джона Хокинса «Креативная экономика» [1]. Нужно отметить, что Д. Хокинс раскрыл не только сущность понятия «креативная экономика», но и выделил отрасли, в которых производится основной капитал креативной экономики: дизайн, кино, реклама, торговые марки, искусство, культурное наследие и др. Затем Чарльз Лэндри и Ричард Флорида [2] провели анализ креативной экономики как социально-экономического явления, выделив его субъекта — креативный класс — как «людей, которые меняют будущее», создают бренды, рекламу, кино, видеоигры, театральные и оперные постановки, выставки, дизайн и ай-дентитику, имеют авторские разработки и права. Ученые рассматривают креативность не только как элемент успешного развития бизнеса, но и как атрибут изменения образа жизни современного человека.

С 2000-х начался новый виток в эволюции бизнеса в экономической среде многих стран мира, которые уже два десятилетия целенаправленно ищут свое место в креативных индустриях. Можно выделить два наиболее известных подхода к классификации сегментов рынка креативных индустрий: британский и американский.

Британский подход соответствует концепции Д. Хокинса, это 15 индустрий: реклама, архитектура, ремесла, дизайн мебели, моделирование (дизайн) одежды, кино и видео, графический дизайн, развлекательное программное обеспечение (компьютерные игры), живая и записная музыка, исполнительское искусство, телевидение, радио и интернет, визуальное (изобразительное) искусство и антиквариат, писательское и издательское дело, музеи и наследие.

В американском подходе насчитывается такое же количество креативных индустрий, но несколько других: НИОКР, издательское дело, программное обеспечение, телевидение и радио, дизайн, музыка, кино, игрушки и игры, реклама, архитектура, исполнительское искусство, ремесла, видеоигры, мода и искусства. Как видно, существенное отличие второго подхода состоит во внесении в креативную индустрию наиболее перспективного направления современной экономики — научно-исследовательской и проектно-конструкторской деятельности² [1, p.116].

Заметим, что не все страны придерживаются именно этих подходов в классификации креативных индустрий. Это обусловлено различием в уровнях развития экономики и государственных институтов управления. Стандарты, разработанные сегодня для креативной экономики, учитывают так называемый усредненный подход к классификации креативных индустрий. Наиболее удобной классификацией стала система по стандарту ЮНКТАД, учрежденному ООН. Стандарт носит рекомендательный характер для стран с развитой и развивающейся экономикой. Креативные индустрии по классификации ЮНКТАД включают: культурное наследие; искусство; медиа и функциональное творчество как перспективные виды креативной экономики.

Культурное наследие рассматривается как совокупность новых форм бизнеса в сфере традиционных форм культурного выражения, например: художественные промыслы, фестивали народного творчества и праздники, соответствующие этносу — культуре, территории проживания, национальности и др. признакам, — а также как сохранение, преобразование и адаптация в современном мире объектов культуры (археологических памятников, библиотек, музеев, выставок).

Очевидна ценность рассмотренных подвидов креативной деятельности для коммуникативного и социокультурного взаимодействия

¹ The Creative Economy. *Business Week* [Special double issue: The 21st century Corporation], august 28, 2000. P. 1—5.

² Department for Culture, Media and Sport. Creative Industries Programme. Creative Industries Mapping Document. London, 2001.

в современном обществе. Это — сохранение исторического и культурного наследия, снятие социальной напряженности, развитие творческого потенциала у различных слоев населения, предоставление больших возможностей для самозанятости, реализация самобытности национальных языков, повышение адаптации населения к кризисным условиям.

Другой вид классификации креативных индустрий — искусство — предполагает бизнес в сфере художественного искусства (живопись, скульптура, фотоискусство) и исполнительского искусства (вокальные и музыкальные выступления, театр, танцевальное и цирковое искусство).

Медиа как вид креативной индустрии собирает в себя такие популярные во всем мире виды бизнеса, как издательское и печатное (типографское) дело и аудиовизуальное искусство (кино, телевидение, радио, другие формы вещания).

Четвертая позиция в видовой классификации креативных индустрий принадлежит функциональному творчеству: дизайнерскому искусству (графический дизайн, дизайн интерьеров, игрушек, украшений, мода), новым медиа (разработка компьютерных программ, видеоигр) и креативным услугам (разработки в области архитектуры, рекламы, культуры).

Сегодня нет единого мнения о принципах классификации креативных индустрий. Различается восприятие креативного бизнеса представителями разных стран, как в институтах управления экономикой, так и в бизнес-среде. По данным международных аналитических агентств, государственные программы, направленные на изучение влияния креативных индустрий на экономику ЕС, были запущены в разное время, поэтому рынок креативной экономики формируется в тех странах, которые первыми начали переход.

Первенство принадлежит Великобритании, где еще в 1998 г. был принят программный документ «Creative Industries Mapping Document» о государственной поддержке креативного бизнеса. Великобритания ак-

тивно использует в креативных индустриях международные мероприятия с привлечением потенциальных потребителей, торговые миссии, различные виды экспортной ориентированной экономической деятельности, грантовую поддержку бизнес-проектов и др.

Так, например, компания UK Trade and Investment создала систему поддержки с частичным возмещением расходов (200—950 фунтов стерлингов) для предприятий малого и среднего бизнеса. Фонд Digital Development Fund (Уэльс) предоставляет гранты в размере от 5000 до 50 000 фунтов стерлингов на развитие цифровых продуктов с частным финансированием. В 2001 г. программы поддержки креативных индустрий и бизнеса принесли Великобритании около 112 млрд ф. ст., что вдвое больше, чем в 1998 г. [3].

Сегодня можно с уверенностью констатировать лидерство Великобритании в таких креативных индустриях, как дизайн, образование, мода, архитектура, театр, вокальное искусство, цифровые технологии в сфере искусств и музеев, экологии и развития территорий. Креативная экономика вывела производителей брендов в Великобритании на новые конкурентные позиции в мировом сообществе, сделала страну одной из комфортных по условиям и уровню жизни.

Второе и третье места в первенстве креативной экономики делят, соответственно, Дания и Австрия. С 2000 г. В Дании реализуется концепция «Denmark's Creative Potential — Culture and Business Policy Report». В 2003 г. Австрия запускает проект «Erster Österreichischer Kreativwirtschaftsbericht». Данные программы создали благоприятный климат для развития разных секторов креативной индустрии: моды, искусства, архитектуры, цифровых технологий, игр, кино, радио и др. Это привлекло внимание потребителей к фильмам, играм, рекламе, дизайну, инновационным образовательным проектам, что позволило успешно продвигать креативную продукцию в другие страны мира.

Четвертое и пятое места принадлежат Нидерландам и ЕС соответственно. В 2005 г. в Нидерландах запущена государственная

программа «Culture & Economy: Our Creative potent» и приняты меры организационной, субсидийной и грантовой поддержки участия бизнеса в международных выставках, фестивалях. В рамках программы «Film Sales Support» (ЕС) компании European Film Promotion компенсировано более 40 % маркетинговых расходов на продвижение фильмов за пределами ЕС. В рамках проекта «Hubstart» (Нидерланды) программисты регулярно получают работу в офисах Кремниевой долины (США). Внедрение программы «Dutch DFA programme» дало возможность нидерландским предпринимателям воспользоваться коворкинг-центром Dutch Desing Workspace Shanghai в Шанхае, что очень удобно, особенно для малого и среднего бизнеса.

В результате, по данным социологических опросов, в Китае 20 % респондентов считают Нидерланды центром европейской моды, 60 % отнесли Нидерланды к лидерам в сфере архитектурных услуг среди стран ЕС.

В 2010 Европейский Союз принял программу «The EC Green Paper Unlocking the Potential of Cultural and Creative Industries», в 2013 г. — «The Creative Europe Programme». Эти программы ориентированы на развитие креативного бизнеса в Европе. Запущены кредитные инструменты стимулирования экспорта товаров из Европы. Причем государственные гарантии в странах ЕС для креативных индустрий обеспечены на 75 % — 90 % от величины экспортных кредитов в Европе.

Например, агентство Finnvera (Финляндия) и фонд The Cultural and Creative Sector Loan Guarantee Faciliti (Франция и Испания) осуществляют гарантийное содействие бизнесу в креативных индустриях в соотношении почти 80 % — 90 % [4]. Благодаря программам содействия потребители стран мира получили доступ к креативной продукции из европейских стран. Можно говорить, что креативные индустрии стимулируют конкуренцию и развитие технологий, расширяют рынки, а, значит, развивают производство, создавая рабочие места и улучшая

инфраструктуру бизнеса. В целом выигрывает потребитель, получая качественные услуги и продукцию.

Если XX столетие можно охарактеризовать как прорыв в научно-техническом прогрессе, в отношении промышленности и новых коммуникаций в обществе, то начало XXI века следует считать началом эпохи развития информационных технологий и инноваций. Сегодня они являются основой, на которой выстраиваются новые схемы ведения торговли, взаимодействия с потребителями и партнерами, общественными и государственными институтами, а так же средствами массовой информации.

Говоря о направлениях современного бизнеса в креативной экономике, выделим два главных тренда развития бизнеса. Один — поиск антиконкурентных путей и стратегий бизнеса посредством внедрения инноваций и достижений науки. Другой — социализация бизнеса, т. е. формирование новых коммуникаций взаимодействия с социальной, экономической, политической и культурной средой. Какое из направлений более эффективно, сказать сложно, так как в каждом из них используются свои подходы к количественной оценке и качественному анализу.

Сложность развития секторов креативной экономики подтверждает теория «созидательного разрушения» Йозефа Шумпетера. Она раскрывает проблемы компаний, применявших инновации ради повышения своей конкурентоспособности. Первый шаг — активное завоевание рынка, изменение позиций конкурентов, второй — закрепление позиции компании с помощью инновационных технологий, третий — потеря закрепленных позиций в пользу новых конкурентов с новыми инновациями³.

В XX веке Й. Шумпетер утверждал, что компании, использующие только стратегию бизнеса, ориентированную на инновации в производстве, обречены утратить лидерство по той причине, что очень скоро на рынок придут конкуренты с новыми технологиями

³ Joseph A. Schumpeter The process of Creative Destruction. 1942.

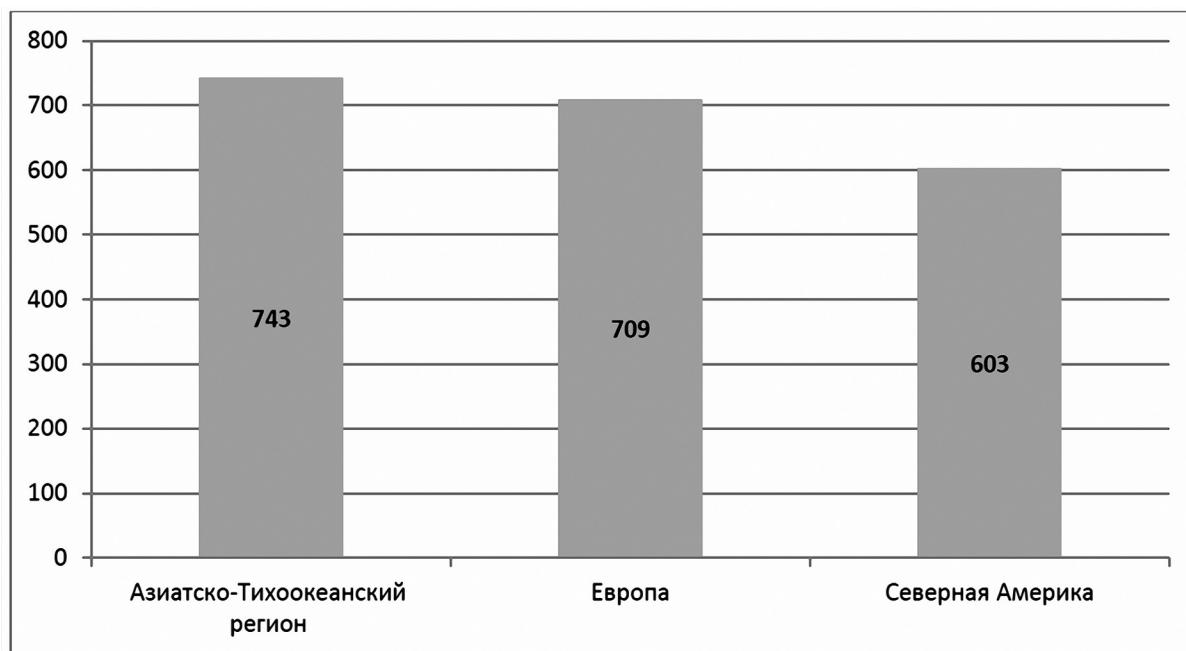

Рис. 1. Среднегодовые доходы ведущих рынков креативной индустрии в 2016 г., в млрд долл. США [6]

и инновациями. Напрашивается вывод: наступило время поиска новейших оригинальных альтернатив в бизнесе, которые затрагивают не только инновационные и технические усовершенствования производства, но и различные механизмы моделирования экономики. Например, механизм цифровизации.

Современная экономика испытывает существенное давление со стороны многих факторов: пандемия, ужесточение конкуренции, введение санкций, борьба за рынок сбыта, стремительный научно-технический прогресс, недостаток ресурсов, политические и социальные разногласия, рост безработицы, миграционные процессы. Поэтому сегодня на первый план выходит проблема поиска инвестиционных стратегий в целях развития экономического ресурса стран, повышения уровня прибыли и доходов компаний в частном и государственном секторах. Очевидно, что при поиске выгодных инвестиционных стратегий приходится решать сложные задачи, делая выбор между традиционной, инновационной или креативной экономикой. Однозначного ответа сегодня дать нельзя, но можно, основываясь на факторах развития рынков, в том числе креативных индустрий, принять наиболее

выгодное стратегическое решение для данного вектора бизнеса.

О значимости креативной экономики говорят многие факты. Так, на повышение ВВП ряда стран в последнее десятилетие значительно повлияло появление креативных индустрий и бурное их развитие. Это было обусловлено тем, что креативные индустрии затрагивают искусство, культуру, бизнес и технологии, создают условия для повышения собственных темпов роста, реагируя на повышение спроса со стороны населения и бизнеса.

Так, среднегодовые доходы основных рынков креативных индустрий в 2016 г. составили: в Азиатско-Тихоокеанском регионе — 743 млрд долл. США, в Европе — 709 млрд долл. США, в Северной Америке — 603 млрд долл. США. Для этих рынков характерна максимальная концентрация потребителей в сегментах газет и видеоигр, объектов исторического наследия, моды, искусств, креативных сервисов и аудиовизуальных медиа и телевидения, кинопроизводства, телевидения и радио. Кроме того, рынки креативных предложений являются лидерами по созданию рабочих мест в странах с развивающейся и стабильной экономикой (см. рис. 1 и 2).

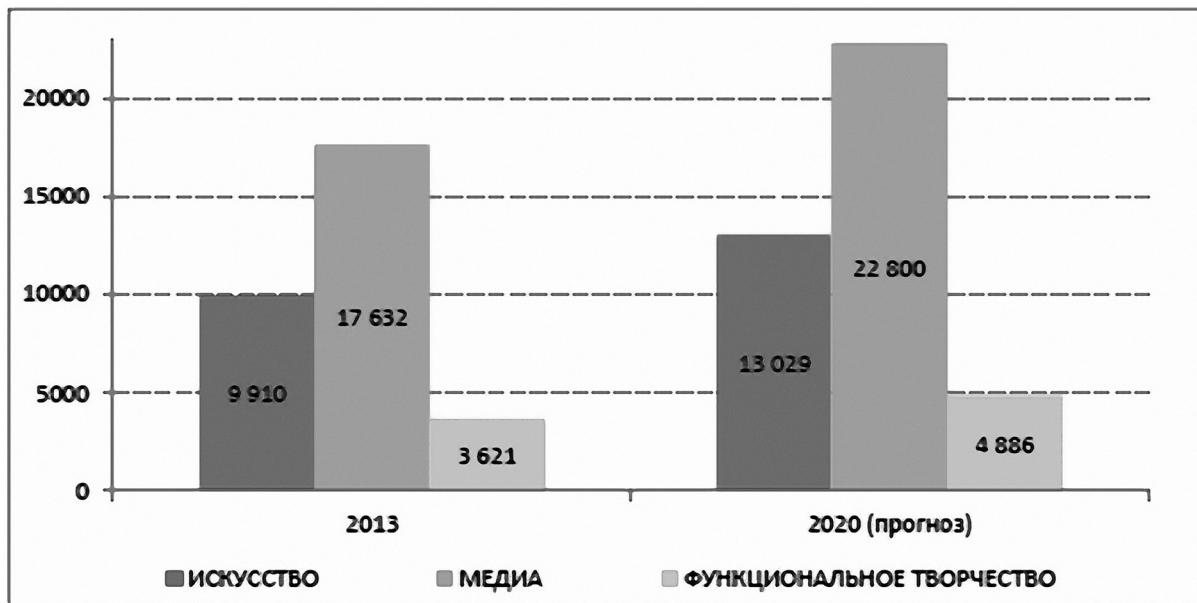

Рис. 2. Изменение численности занятых в областях креативной индустрии с 2013 г. по 2020 г., в тыс. рабочих мест [6].

Азиатско-Тихоокеанский рынок в 2016 г. составил 33 % дохода от общего объема продаж креативной продукции в мире и обеспечил 43 % рабочих мест на рынке труда этого региона. Объем продукции крупных представителей этого рынка является доказательством успеха. Так, японская газета «Yomiuri Shimbun» выходит тиражом 10 млн экземпляров в сутки. Китайская компания Tencent — лидер в производстве игр и сервисов по обмену мгновенными сообщениями — имеет доход 22,9 млн долл. США. Индийский рынок книжной индустрии занимает десятое место в мире по темпам роста доходов от продажи книг.

Рынок креативных индустрий в Европе в 2016 г. принес 32 % доходов от мирового процента продаж креативной продукции и обеспечил 26 % рабочих мест. Европейские компании, занятые в креативной экономике, дали около 4 % общего объема ВВП в странах Европы. К крупным представителям этого вида бизнеса относятся: французская Publicis (лидер мировой рекламной индустрии), компании WWP Group, Pearson, Axel Springer, Universal, Ubisoft.

Североамериканский рынок креативных индустрий составляет 28 % от общего объема продаж и обеспечивает 16 % рабочих мест.

47 % потребителей этого региона — активные пользователи цифрового культурного контента. Этот показатель больше, чем в Азии, на 25 % и больше, чем в Европе, на 24 %.

Сравниваем данные отдельных регионов, где креативные индустрии сыграли ведущую роль в стратегии выхода из экономических кризисов. Так, экономика Латинской и Южной Америки не отличается существенной стабильностью. Однако благодаря креативной индустрии государства этого континента имеют быстро развивающуюся экономику. На начало 2017 г. в этом регионе выручка от креативных индустрий составила 6 % всего мирового рынка креативной экономики, поддержано 7 % вновь созданных рабочих мест. В сегменте креативного бизнеса в основном представлены мультимедийные конгломераты, например Grupo Globo в Бразилии, Grupo Televisa в Мексике и Grupo Clarin в Аргентине. Бизнес-модели компаний креативной индустрии используют большое количество медиа и дают возможность «завоевывать» огромные аудитории.

Анализ численности занятых в области креативной индустрии за последние семь лет показывает, что креативная экономика развивается в пользу медиаиндустрии.

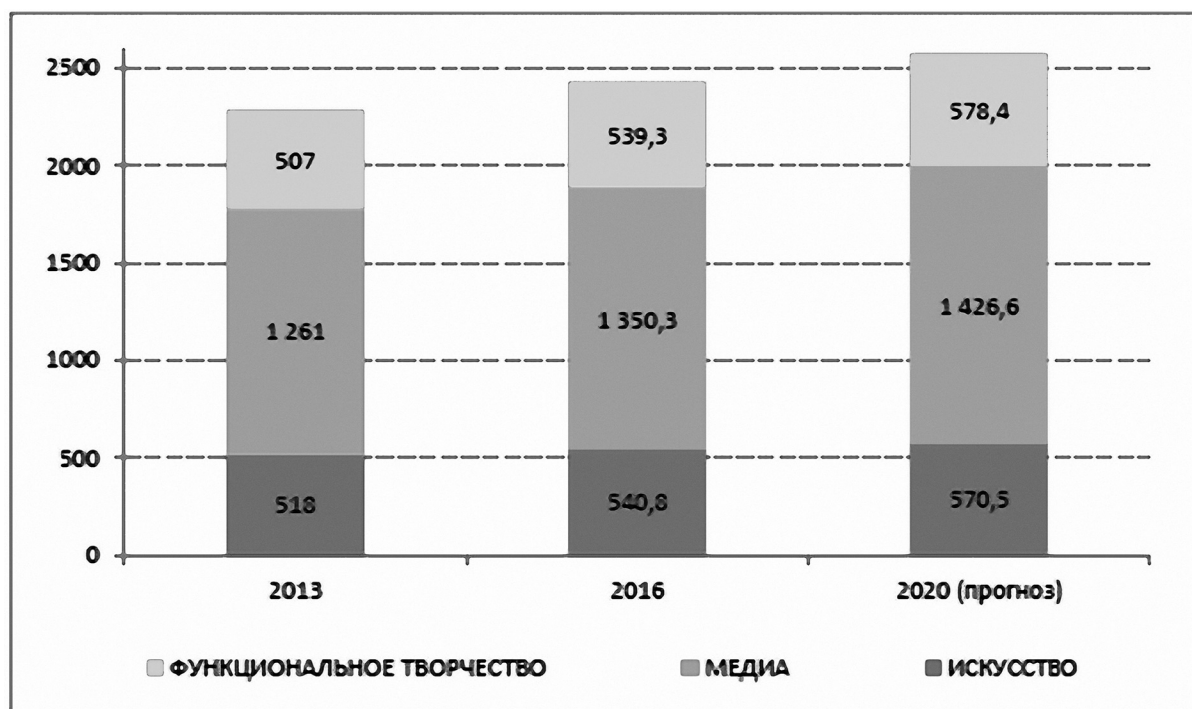

Рис. 3. Динамика доходов областей креативной индустрии за период с 2013 г. по 2020 г., в млрд долл. США [6].

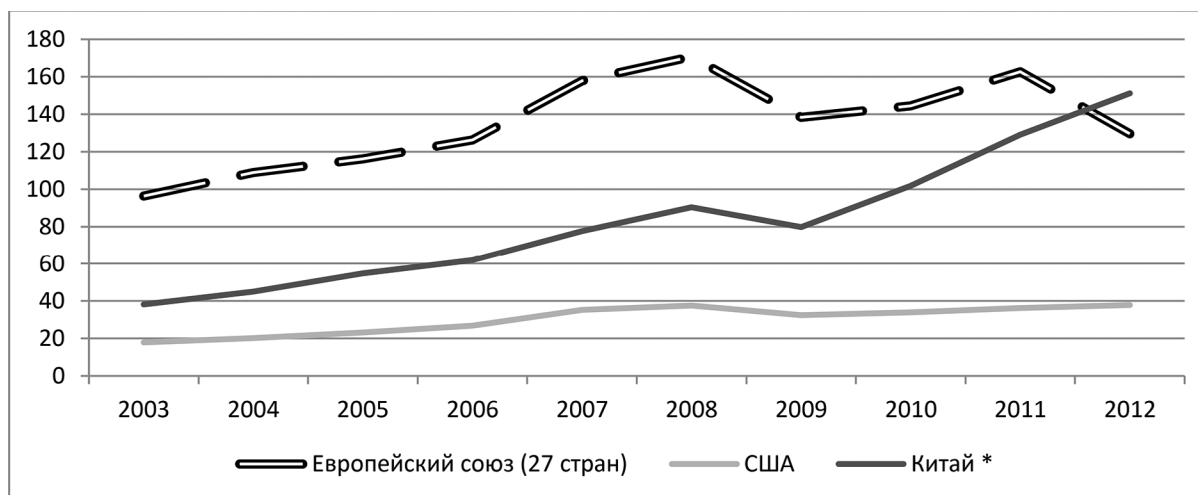
Второе место занимают различные виды искусства. По прогнозам к 2020 г. востребованность в рабочих местах для индустрии искусств может составить более 20 %. В сфере функционального творчества рост рабочих мест в этом виде креативной индустрии будет выше по сравнению с 2013 г. на одну треть (см. рис. 2). Конечно, нельзя предусмотреть форс-мажорные обстоятельства. Например, кризис пандемии, он серьезно повлиял на мировую экономику в целом.

Благодаря широкому спектру видов, отраслей и сегментов креативной индустрии страны получают возможность планомерно выстраивать уникальные тактики развития, обеспечивающие высокий уровень доходности. В Великобритании годовой доход креативной индустрии — 76,9 млрд фунтов стерлингов, а темпы роста креативного сектора втрое превышают среднегодовые темпы роста экономики страны (причем «дизайн», включая разработку продукта, графический дизайн и дизайн одежды, растет вдвое быстрее). Во Франции и Германии вклад креативной индустрии в нефинансовый сектор экономики

в среднем составляет 3,65 % при валовой добавленной стоимости 35 млрд евро и 49 млрд евро соответственно. В Голландии добавленная стоимость амстердамской креативной индустрии составляет 4,3 млрд евро [6].

Сравнительная оценка доходов различных областей креативной индустрии свидетельствует об абсолютном доминировании медиапродукции и услуг (более 50 % доходов креативной индустрии), где безусловным лидером является телевидение, формирующее около половины доходов. Немногим уступают «газеты и журналы, высокая доля которых обеспечена в основном за счет интернет-версий изданий. Второе место по доходам среди областей креативной индустрии принадлежит искусствам, где более 70 % приносит выручка от визуальных искусств. Третью позицию по доходам занимает функциональное творчество (более 20 % от суммарных доходов креативной индустрии), где ведущим сектором, определяющим изменения между отраслями креативной индустрии в 2020 г., являются креативные сервисы» [11] (см. рис. 3).

В качестве примера устойчивости и эффективности рынка креативных индустрий

* КНР без учета САР Гонконг, САР Макао, провинции Тайвань.

Рис. 4. Экспорт креативных товаров ЕС, США, Китай за период 2003—2012 гг., в млрд долл. США [4].

можно привести креативную экономику Китая. Так, ВВП Китая с 2003 г. по 2012 г. и в условиях международных кризисов 2008—2009 гг., благодаря увеличению экспорта креативных товаров в страны ЕС, США и Канады, вырос с 40 млрд долл. США до 150 млрд долл. США и в целом имел устойчивый рост (см. рис. 4). Несмотря на то что

развитие креативной экономики в период экономического кризиса 2008—2009 гг. отмечено спадом (рис. 4), уже в 2010, 2011 и 2012 гг. наблюдается значительный рост креативных индустрий и в странах Европы. Это прежде всего связано с возобновлением реализации программ государственной поддержки в креативной экономике. Однако

Таблица 1

Роль креативных индустрий в экономике стран Европейского Союза [3]

Страна-экспортер креативных товаров	Вклад креативных индустрий в ВВП, 2003 г., %	Доля занятых в креативных индустриях, 2008/2009 гг., %	Экспорт креативных товаров, 2012 г., млрд долл.	Доля креативных товаров в экспорте, 2012 г., %
ЕС (27 стран)	2,6* (4,2**)	4,34 (3,3**)	129,61	1,77
Австрия	1,8	4,71	50,8	2,33
Великобритания	3,0	5,39	23,08	3,67
Германия	2,5	4,00	28,72	1,77
Дания	3,1	4,26	3,51	2,02
Нидерланды	2,7	5,45	9,40	1,39
Финляндия	3,1	6,05	0,78	0,75
Франция	3,4	4,18	19,77	2,48
Швеция	2,4	7,30	4,32	1,75

* учитывается 25 стран ЕС ** учитывается 28 стран ЕС

Китай сумел перегнать страны ЕС в производстве и экспорте товаров креативных индустрий (экспорт креативных товаров ЕС в 2012 г. составил 129,61 млрд долл. США (см. таб. 1)), успешно адаптировался к кризису и сегодня экономика этой страны в целом характеризуется как экономика с устойчивым развитием.

Креативные индустрии необходимы современной экономике, так как открывают новые, прогрессивные модели и сегменты для бизнеса. Креативные индустрии внесли существенный вклад в ВВП стран Европы, Америки, Азии, улучшив благосостояние населения стран. Значительны дополнительные экономические эффекты от внедрения креативных индустрий: увеличение количества рабочих мест, развитие инфраструктуры территорий, улучшение (преобразование) взаимодействия бизнеса и общества посредством образования, искусства, кино, цифровых технологий, театра, рекламы, моды, печатного книгоиздания, радио и НИОКР.

Влияние инноваций на креативные индустрии обусловило рывок развития креативной экономики, что благоприятно повлияло на качество жизни людей. Сегодня бизнес не только заботится о доходах, но и ищет новые технологии для улучшения условий жизнедеятельности людей. К ним относятся: экоманеджмент, культура, арт-искусство, реклама, мода, театр, опера, вокальное искусство, развитие новых направлений инновационных технологий обучения и повышения квалификации.

Несмотря на трудности — пандемию, экономические кризисы, ограниченные возможности государственной поддержки, сложности научно-технических решений в инновациях и др., — креативные индустрии становятся кластерами, которые формируют новый бизнес, одновременно развивая его традиционные виды, расширяют возможности культурно-образовательного потенциала государств. Сегодня это одно из самых перспективных и успешных направлений экономического развития объединило в себе традиционные отрасли искусства, дизайна и инновационных технологий,

что дало начало новой реальности в современной экономике.

Литература:

1. *Howkins J.* The Creative Economy. NY.: The penguin press, 2001. 288 p.
2. *Флориды Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Изд. дом «Классика XXI», 2005, 421 с.
3. Creative Industries Mapping Document [Electronic resource] // Ministerial Creative Industries Strategy group. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.culture.gov.uk/images/publications/part1-foreword2001.pdf> (дата обращения 03.06.2020).
4. Creative Industries Economic Estimates [Electronic resource] / Department for culture, media and sport (8 December 2011). URL: <http://www.culture.gov.uk/images/research/Creative-Industries-Economic-Estimates-Report-2011-update.pdf> (дата обращения 07.06.2020).
5. Годовой обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Нидерландов за 2016 г. [Электронный ресурс] / Торговое представительство Российской Федерации в Королевстве Нидерландов. Амстердам. 2017 г. URL: https://polpred.com/upload/pdf/obzor_economy_Holland_2017.pdf (дата обращения 28.08.2020).
6. Образование и креативная индустрия в зеркале международных и отечественных практик // Бюллетень о сфере образования (сентябрь 2017) / Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/14525.pdf> (дата обращения 23.07.2020).

Поступила 24.07.2020

Спиридонова Галина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета, gspiridonova@mosgu.ru

Мрочко Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета, dr.discussion@yandex.ru

Мрочко Ольга Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент МГАВТ, филиал ГУМРФ имени адмирала С.О.Макарова, olga_mrchochko@mail.ru

References

1. Howkins J. The Creative Economy. NY.: The penguin press, 2001. 288 p.
2. Florida R. Kreativnyj klass: ljudi, kotorye menjajut budushhee. M.: Izd. dom «Klassika XXI», 2005, 421 s.
3. Creative Industries Mapping Document [Electronic resource] // Ministerial Creative Industries Strategy group. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+>

/http://www.culture.gov.uk/images/publications/part1-foreword2001.pdf (data obrashhenija 03.06.2020).

4. Creative Industries Economic Estimates [Electronic resource] / Department for culture, media and sport (8 December 2011). URL: <http://www.culture.gov.uk/images/research/Creative-Industries-Economic-Estimates-Report-2011-update.pdf> (data obrashhenija 07.06.2020).

5. Godovoj obzor sostojanija jekonomiki I osnovnyh napravlenij vneshnejekonomicheskoy dejatel'nosti Niderlandov za 2016 g. [Elektronnyj resurs] / Torgovoe predstavitel'stvo Rossijskoj Federacii v Korolevstve Niderlandov. Amsterdam. 2017 g. URL: https://polpred.com/upload/pdf/obzor_economy_Holland_2017.pdf (data obrashhenija 28.08.2020).

6. Obrazovanie i kreativnaja industrija v zerkale mezhdunarodnyh i otechestvennyh praktik // Bjulleten' o sfere obrazovanija (sentjabr' 2017) / Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/14525.pdf> (data obrashhenija 23.07.2020).

Submitted 24.07.2020

Spiridonova Galina Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Advertising and Mass Communications, Moscow University for the Humanities, gspiridonova@mosgu.ru

Mrochko Leonid Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theory of Advertising and Mass Communications, Moscow University for the Humanities, dr.discussion@yandex.ru

Mrochko Olga Gennadievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow State Academy of Water Transport, branch of the GUMRF named after Admiral S.O. Makarov, olga_mrochko@mail.ru

Методика экспресс-оценивания индекса качества транспортной инфраструктуры¹

Д. Э. Тарасов¹, К. Н. Русановская (Бугай), Л. А. Мамыкин²

¹ *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*

² *Российский университет транспорта (МИИТ)*

detarasov@mail.ru

Предложена экспресс-методика оценивания индекса качества транспортной инфраструктуры на примере транспортной системы Российской Федерации. В основе методики лежат основные технико-экономические показатели различных видов транспорта, в том числе включенные в государственную программу Российской Федерации «Развитие транспортной системы». Особое внимание уделено перспективному интегральному показателю — индексу качества транспортной инфраструктуры, для определения которого и предлагается рассматриваемая методика.

Ключевые слова: экспресс-оценка, индекс качества транспортной инфраструктуры, транспорт, развитие транспортной системы, транспортная инфраструктура.

Method of Rapid Evaluation of Quality Index Transport Infrastructure

D. E. Tarasov¹, K. N. Rusanovskaya (Bugay), L. A. Mamykin²

¹ *The Financial University under the Government of the Russian Federation*

² *Russian University of Transport (MIIT)*

detarasov@mail.ru

The authors proposed an express method of assessing the quality index of transport infrastructure on the example of the transport system of the Russian Federation. The methodology is based on the main technical and economic indicators of various modes of transport, including those included in the state program of the Russian Federation «Development of the transport system». Special attention is paid to a promising integral indicator an index of the quality of transport infrastructure, for the determination of which the methodology is proposed.

Keywords: rapid evaluation, index of quality of transport infrastructure, transport, development of the transport system, transport infrastructure.

¹ Работа выполнена под научным руководством Быстрова Олега Филаретовича, канд. техн. наук, докт. экон. наук, проф., профессора кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ».

Деятельность различных видов транспорта обеспечивается специфической инфраструктурой, которая сложилась исторически и учитывает технико-экономические особенности транспорта. Однако многие показатели являются общими для всех видов транспорта, и их можно классифицировать по следующим группам:

1. Показатели перевозочной работы:

- грузооборот;
- пассажирооборот;
- объем перевозок грузов и пассажиров;
- объем отправления и прибытия.

2. Показатели материально-технической базы:

- протяженность сети;
- густота сети;
- грузоподъемность транспортных средств;
- пропускная и провозная способность элементов транспортной сети.

3. Показатели эксплуатационной работы:

- средняя грузонапряженность;
- средняя дальность перевозок;
- скорость доставки грузов;
- оборот подвижного состава;
- использование грузоподъемности подвижного состава;
- среднесуточный пробег.

4. Экономические показатели:

- себестоимость перевозки;
- экономическая эффективность;
- производительность труда;
- доходы, расходы, рентабельность, прибыль;
- фондоотдача.

Согласно Приказу Минтранса России от 30.04.2019 № 129 «Об утверждении Методики расчета показателей (индикаторов) государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы», транспортной части комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года и федеральных проектов, входящих в его состав» [1], разработан интегральный показатель — индекс качества транспортной инфраструктуры, характеризующий изменение состояния инфраструктуры транспортного

комплекса (по видам транспорта) относительно базового года. Качество инфраструктуры по видам транспорта характеризуется показателями оценивания потребительских свойств, которые определяются на основе экспертного анализа специалистами в области транспорта.

Транспортной частью комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года [2] предусмотрено использование более 80 показателей реализации данного национального проекта. Среди них:

1. Транспортная подвижность населения — среднее количество пасс.-км (поездки) на транспорте, приходящееся в год на одного жителя:

$$T = \frac{(П + Л \times К)}{Ч}, \quad (1)$$

где T — транспортная подвижность населения, тыс. пасс.-км; $П$ — пассажирооборот на транспорте общего пользования в отчетном году, пасс.-км; $Л$ — численность легковых автомобилей в личном пользовании в отчетном году, ед.; $К$ — коэффициент использования личного автотранспорта, равный среднему пассажирообороту одного автомобиля в личной собственности в год; $Ч$ — среднегодовая численность населения в отчетном году, чел. [1].

2. Объем экспорта услуг транспортного комплекса — объем услуг, оказанный российскими транспортными компаниями нерезидентам страны (млрд долл. США). Транспортные услуги включают: пассажирские и грузовые перевозки, а также вспомогательные и дополнительные транспортные услуги [1].

3. Число происшествий на транспорте на единицу транспортных средств в год (%):

$$П_t = \frac{П_{ждt} + П_{бвт} + П_{мт} + П_{рат} + П_{ат}}{Ч_{ждt} + Ч_{бвт} + Ч_{мт} + Ч_{рат} + Ч_{ат}}, \quad (2)$$

где $П_{ждt}$ — число аварийных происшествий на железнодорожном транспорте в году t , ед.; $П_{бвт}$ — число аварийных происшествий

на внутренних водных судоходных путях в году t , ед.; $\Pi_{\text{мт}}$ — число аварийных происшествий на морском транспорте в году t , ед.; $\Pi_{\text{гаф}}$ — число аварийных происшествий в гражданской авиации в году t , ед.; $\Pi_{\text{ат}}$ — число дорожно-транспортных происшествий на автомобильном транспорте, в году t , ед.; $\text{Ч}_{\text{жлм}}$ — рабочий парк груженых железнодорожных вагонов (в среднем в сутки) в году t , ед.; $\text{Ч}_{\text{вм}}$ — наличие речных грузовых (транспортных и нетранспортных), пассажирских и грузо-пассажирских судов на конец t года, ед.; $\text{Ч}_{\text{м}}$ — наличие морских грузовых (транспортных и нетранспортных), пассажирских и грузо-пассажирских судов на конец t года, ед.; $\text{Ч}_{\text{гаф}}$ — наличие гражданских воздушных судов, ед.; $\text{Ч}_{\text{ат}}$ — наличие автотранспортных средств всех типов, ед. [1].

4. Средняя скорость доставки транзитного контейнеропотока (км/сутки) — среднее расстояние перемещения контейнера за сутки по всем направлениям транзитных перевозок железнодорожным транспортом.

5. Суммарная провозная способность магистралей (млн. т) — общая провозная способность Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей, определяемая как количество млн. тонн грузов, которое может быть перевезено за год (t):

$$\Pi_t = \text{ПБА}_t + \text{ПТС}_t, \quad (3)$$

где Π_t — суммарная провозная способность магистралей за год t , млн. т; ПБА_t — провозная способность Байкало-Амурской магистрали; ПТС_t — провозная способность Транссибирской магистрали [1].

6. Суммарная мощность введенных в эксплуатацию мультимодальных (узловых грузовых) транспортно-логистических центров (млн. т) — количество груза, обрабатываемое всеми звеньями логистической системы при осуществлении хранения и переработки материалов, незавершенного производства и готовой продукции за год (t).

7. Количество введенных в эксплуатацию ТЛЦ (ед.) — показатель, характеризующий динамику развития транспортно-логистических центров ОАО «РЖД» [1].

8. Средняя коммерческая скорость товародвижения на железнодорожном транспорте (км/сутки) — средняя скорость доставки грузовых отправок на железнодорожном транспорте.

9. Протяженность высокоскоростных магистралей (км), введенных в эксплуатацию: характеризует создание системы для движения наземного железнодорожного транспорта со скоростью свыше 250 км/ч [1].

10. Ежегодный прирост пропускной способности внутренних водных путей (млн. т). Пропускная способность внутреннего водного пути характеризуется как максимальное число судов или тонн груза, которые могут проследовать через определенный участок пути в обоих направлениях за расчетный промежуток времени (год t), при определенных технических характеристиках судов и принятой организацией движения по участку [1].

Для текущего мониторинга выполнения комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры транспортного комплекса Российской Федерации, необходимого в процессе управления реализацией проекта, предлагается авторская методика экспресс-оценки, суть которой состоит в следующем.

Пусть экспертами отобраны N наиболее важных показателей выполнения проекта (W_i). Далее требуется определить сравнительную базу для расчета индекса. Такой базой, например, может быть совокупность значений данных показателей в год, предшествующий старту проекта. В случае отсутствия в сравнительной базе ретроспективных реальных данных предлагается использовать запланированное, требуемое или прогнозное значение показателя.

Затем требуется определить реальную долю P_j каждого показателя от соответствующих значений показателей сравнительной базы.

Примечание: в случае использования числовых показателей, меньшие значения которых предпочтительнее больших, от реальных значений предварительно следует перейти к их обратным величинам.

Таблица 1

Доля каждого показателя от его базового значения

ΔP_1	ΔP_2	ΔP_3	ΔP_4	ΔP_5	ΔP_6	ΔP_7	ΔP_8	ΔP_9	ΔP_{10}
0,919	0,594	0,664	0,745	0,960	0,538	0,740	0,904	0,898	0,813

В приведенном выше перечне из 10 показателей таким показателем является число происшествий на транспорте на единицу транспортных средств.

Пусть число показателей равно 10 (см. перечень выше), а значения доли каждого показателя P_j от базового значения приведены в таблице.

Тогда значение индекса качества транспортной инфраструктуры равно:

$$И_{к.т.и.} = \sum_j \Delta P_j / N, \quad (4)$$

$$И_{к.т.и.} = 0,7775$$

Полученное значение индекса является искомой оценкой, которая позволит сделать вывод о текущей динамике реализации проекта.

При $И_{к.т.и.} > 1$ динамика развития инфраструктуры в текущем году, сравнительно с базой сравнения (например, с предыдущим годом), является положительной; в обратном случае — отрицательной.

Следует отметить, что важной проблемой, лежащей за пределами данной задачи, является измеримость показателей [3]. В случае нечисловых показателей может, например, применяться балльное оценивание [4]. Тогда вместо формулы для расчета средней арифметической простой (4) используется зависимость для средней арифметической взвешенной. Веса показателей легко определяются с использованием начального этапа метода БОФа [5]:

1. Ранжирование с использованием предпочтений лица, принимающего решения, показателей по важности и присвоение им рангов R_j ($R_j = \overline{1, m}$);

2. Преобразование рангов показателей в коэффициенты важности показателей:

$$C_j = 1 - \frac{R_j - 1}{M}, \quad (5)$$

где C_j — коэффициент важности j -го показателя; R_j — ранговая оценка j -го показателя по важности; M — число показателей.

Тогда формула для расчета индекса качества транспортной инфраструктуры принимает вид:

$$И_{к.т.и.} = \frac{\sum_j \Delta P_j \times C_j}{\sum C_j}. \quad (6)$$

Очевидно, что рассмотренная методика обладает предельной простотой и прозрачностью, наглядна, удобна в использовании и не содержит никаких ограничений на количество и вид исходных показателей для экспресс-оценки индекса качества транспортной инфраструктуры.

Литература

1. Об утверждении Методики расчета показателей (индикаторов) государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы», транспортной части комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года и федеральных проектов, входящих в его состав: приказ Министерства транспорта России от 30.04.2019 № 129 [Электронный ресурс] // Техэксперт: электронный фонд. URL: <http://docs.cntd.ru/document/554587332> (дата обращения 09.09.2020).

2. Об утверждении Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2018 года № 2101-р // Правительство России: официальный сайт. URL: <http://government.ru/docs/34297/> (дата обращения 09.09.2020).

3. Быстров О. Ф. Инвестиционные рейтинги сложных экономических систем: теория, технология расчета, практика / Междунар. Славянский институт. М.: МГОУ, 2007. 217 с.

4. **Быстров О. Ф.** Исследование логистических систем и процессов методом моделирования: учеб. пособ. / О. Ф. Быстров, К. Н. Русановская, Д. Э. Тарасов. Ч.3: Методы и модели общего менеджмента в логистике. М.: МИИТ, 2017.

5. **Быстров О. Ф.** Метод БОФа в экономике и менеджменте: теория, прикладные задачи: монография. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 96 с.

Поступила 05.07.2020

Тарасов Дмитрий Эдуардович — старший преподаватель Департамента логистики и маркетинга ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», detarasov@mail.ru

Русановская (Бугай) Кристина Николаевна — специалист ООО «ДТ Иньер» (180005, Псковская обл., Псков, Зональное шоссе, д. 46, каб. 11), rusanovskaya.k@mail.ru

Мамыкин Лев Александрович — магистрант кафедры «Управление транспортным бизнесом и интеллектуальные системы» ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта» (МИИТ), slyhemul@mail.ru

References

1. Ob utverzhdenii Metodiki rascheta pokazatelej (indikatorov) gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Razvitie transportnoj sistemy», transportnoj chasti kompleksnogo plana modernizacii i rasshirenija magistral'noj infrastruktury na period do 2024 goda i federal'nyh projektov, vkhodjashchih v ego sostav: prikaz Ministerstva transporta Rossii ot 30.04.2019 № 129 [Elektronnyj resurs] // Tehjeksper: jelektronnyj fond. URL: <http://docs.cntd.ru/document/554587332> (data obrashhenija 09.09.2020).

2. Ob utverzhdenii Kompleksnogo plana modernizacii i rasshirenija magistral'noj infrastruktury na period do 2024 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 sentjabrja 2018 goda № 2101-r // Pravitel'stvo Rossii: oficial'nyj sajt. URL: <http://government.ru/docs/34297/> (data obrashhenija 09.09.2020).

3. Bystrov O. F. Investicionnye rejtingi slozhnyh jeekonomicheskikh sistem: teorija, tehnologija rascheta, praktika / Mezhdunar. Slavjanskij institut. M.: MGOU, 2007. 217 s.

4. Bystrov O. F. Issledovanie logisticheskikh sistem i processov metodom modelirovanija: ucheb. posob. / O. F. Bystrov, K. N. Rusanovskaja, D. Je. Tarasov. Ch.3: Metody i modeli obshhego menedzhmenta v logistike. M.: MIIT, 2017.

5. Bystrov O. F. Metod BOFa v jekonomike i menedzhmente: teorija, prikladnye zadachi: monografija. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 96 s.

Tarasov Dmitry Eduardovich — Senior Lecturer of the Department of Logistics and Marketing of Financial University under the Government of the Russian Federation, detarasov@mail.ru

Rusanovskaya (Bugai) Kristina Nikolaevna — specialist of DT Inier LLC (180005, Pskov region, Pskov, Zonal highway, 46, office 11), rusanovskaya.k@mail.ru

Mamykin Lev Aleksandrovich — Master's student of the Department of Transport Business Management and Intelligent Systems, Russian University of Transport (MIIT), slyhemul@mail.ru

Submitted 05.07.2020

**Мировоззренческие измерения биополитики:
социально-философский анализ**

Е. В. Андриенко¹, И. М. Горбачева²

¹ *Донецкий национальный университет, Донецк*

elena_andrienko8@mail.ru

² *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

irina_gorbacheva@bk.ru

Статья посвящена социально-философскому исследованию биополитики как сложного и многоуровневого феномена современности, элементы которого зародились еще в государствах Древнего мира. Особое внимание уделено основным концепциям биополитики в отношении современных глобальных тенденций общественного и политического развития. Проанализирована этимология понятия «биополитика». Выделены четыре основных мировоззренческих аспекта феномена биополитики — исторический, философский, естественнонаучный и экологический. Сделан вывод о том, что именно философский подход к феномену биополитики, представленный М. Фуко, Дж. Агамбена, А. Негри, Р. Эспозито, Дж.-А. Мбембе и др., является наиболее интегральным и системным, поскольку в наибольшей степени учитывает междисциплинарные связи.

Ключевые слова: биовласть; биополитика; общество; сознание; управление.

Worldview Dimensions of Biopolitics: The Socio-Philosophical Analysis

E. V. Andriyenko¹, I. M. Gorbacheva²

¹ *Donetsk National University, Donetsk*

elena_andrienko8@mail.ru

² *National Research University of Electronic Technology, Moscow*

irina_gorbacheva@bk.ru

The article is devoted to the socio-philosophical study of politics as a complex and multi-level phenomenon of modernity, elements of which originated in the States of the Ancient world. Special attention is paid to the main concepts of biopolitics in relation to current global trends in social and political development. The etymology of the concept "biopolitics" is analyzed. Four main ideological aspects of the biopolitics phenomenon are identified: his-

torical, philosophical, natural science and environmental. It is concluded that it is the philosophical approach to the phenomenon of biopolitics presented by M. Foucault, J. Agamben, A. Negri, R. Esposito, J.-A. Mbembe, etc., is the most integrated and systematic, since it takes into account interdisciplinary communication.

Keywords: biopower; biopolitics; society; consciousness; management.

Об углублении и нарастании скорости процессов глобальных трансформаций в различных сферах общественного бытия красноречиво свидетельствуют многие события. Усиление цифровизации экономики, политики, культуры, образования и других сфер жизни в связи с пандемией и беспрецедентными карантинными мерами во многих государствах мира заставили по-новому взглянуть на проблемы власти, безопасности, свободы, жизни, смерти и прав человека. При этом произошла актуализация, с одной стороны, различных конспирологических теорий власти, а с другой стороны — идей и воззрений, сформированных в контексте концепций биополитики и некрополитики как ее элемента.

Поставим задачу проанализировать базовые идеи и концепции биополитики в контексте современных глобальных тенденций социально-политического развития. В числе авторов, чьи работы раскрывают мировоззренческую сущность биополитики и ее различных моделей, иными словами, проблемы взаимосвязи политической власти, следует назвать, прежде всего, Дж. Агамбена [1], А. Негри [4], М. Фуко [7; 8], Д. Чэндлера [9], Л. Кэлдвела [10], Р. Эспозито [11], Т. Лемке [12], Дж.-А. Мбембе и А. Мейнтжеса [13], М. Робертса [14]. Несмотря на то что многие проблемы биополитики были сформулированы еще в первой трети XX в., эта область гуманитарного знания в целом продолжает оставаться недостаточно исследованной и требует, помимо прочего, детальной социально-философской разработки.

Прежде всего обратимся к существующим в современном социально-гуманитарном знании вариантам трактовки понятия «биополитика». Уже сама попытка найти некое универсальное определение вскрывает многие сложности и противоречия феномена, обозначаемого данным понятием.

С чисто этимологической позиции все представляется достаточно ясным: слово «биополитика» состоит из двух греческих корней *bios* (жизнь) и *politica* (государственная деятельность), другими словами, контроль жизни. Следовательно, биополитика — это политика, связанная с жизнью в самом широком смысле. Но за внешней этимологической простотой стоят сложные и многоуровневые смысловые аспекты. Истоки значения данного термина можно найти в работах ряда европейских философов XIX в., а именно — у представителей философии жизни А. Бергсона, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра. В контексте этого философского направления жизнь трактовалась как стихийное мировое начало, которое можно постичь только интуитивно — как целостность бытия. Поскольку в Европе период XIX — начала XX вв. стал одним из периодов расцвета естественнонаучного знания, «натурализация» и «биологизация» были широко распространены в методах и терминологии, применявшихся для описания социальных явлений. Общество в целом и отдельные его элементы многие стремились изучать по аналогии с живыми организмами. Характерным примером является возникновение социологии как отдельного научного направления, которое Э. Дюркгейм в своих ранних трудах именовал «социальной физикой». Неслучайно и термин «биополитика» впервые упоминается именно в этот период, в 1920 г. в работах шведского теоретика Р. Челлена [12, с. 10], который развивал органическую теорию государства, перенося на существующие в нем процессы и явления законы и механизмы естественного отбора. Согласно Р. Челлену, государство выступало надындивидуальным организмом, который обеспечивает жизнедеятельность и условия воспроизводства населения, прежде всего посредством политики в сфере здравоохранения. Биополитика опре-

делялась им как совокупность политических мер, направленных на формирование и поддержание жизни общественной системы.

Сегодня к базовому смысловому изменению понятия «биополитика» можно отнести следующие аспекты: 1) исторический; 2) философский; 3) естественнонаучный; 4) экологический.

Исторический аспект биополитики является одним из наиболее неоднозначных, поскольку непосредственно связан с использованием этого понятия в трудах теоретиков немецкого нацизма (Х. Рейтер, В. Дайц, Х. Хунке, А. Розенберг и др.). Такие термины, как «раса», «органическая свобода», «автаркия» широко использовались не только в политических, но и в экономических концепциях [2, с. 48]. Среди идеологов нацистской Германии была широко распространена вера в мистические свойства жизни, а также в существование политических форм управления ею. Именно на этих представлениях в ряду политических режимов строилась идеология *расовой чистоты* и *расовой гигиены*, в основе которой лежит мировоззренческая оппозиция «расово здоровый элемент — нездоровый, маргинальный элемент». Характерным примером практического воплощения биополитического подхода к возвращению *социально здорового организма* является система спортивной подготовки, существовавшая в Германии накануне Второй мировой войны. Именно в Германии в первой трети XX в. наиболее ярко проявилась тенденция к милитаризации сферы физической культуры и спорта. Целью физического воспитания, как и в древние времена, была, прежде всего, подготовка будущих солдат, способных возродить военный потенциал страны после Первой мировой войны. С приходом к власти Национал-социалистической немецкой рабочей партии в 1933 г. всех школьников принимали в нацистскую организацию Юнгфольк, а затем юношей — в Гитлерюгенд, а девушек — в Союз немецких девушек. При этом особую роль в идеологической работе с молодежью посредством физического воспитания играла организа-

ция под названием Гелендешпорт, поскольку осуществляла занятия военизированным спортом на местности. Систему общего контроля над физической культурой в стране возглавлял имперский комиссар по спорту [5, с. 73].

Еще до появления термина «биополитика» феномен биологической власти как власти над жизнью и как стремления государства управлять жизнью существовал в политической практике эпохи Нового времени. Это выражалось в формировании и функционировании таких общественных институтов, как армия, школа, система здравоохранения (в частности, практика массовой вакцинации населения), спортивные организации и т.п. Так или иначе, все эти институты были направлены на поддержание социальной дисциплины и обеспечение следования определенным нормативным рамкам в отношении физического здоровья. В современном мире к таким институтам вполне можно добавить индустрию моды и красоты, как средство регулирования поведенческих мотивов.

Важный исторический этап становления идей биополитики представлен работами американских теоретиков XX в. Так, в 1938 г. издана работа «Биополитика» М. Робертса, посвященная влиянию биологических факторов на политические процессы и поведение граждан [14]. Подобные проблемы исследовал Л. Кэлвелд, в работе «Биополитика: Наука, этика и публичная политика» (1964 г.) он акцентировал внимание на биологических основаниях политического участия [10]. Впоследствии на основе методологии, заложенной в данных работах, в США сформировалось исследовательское направление, изучающее проблемы биополитики, — «Ассоциация политических исследований и наук о жизни».

В целом в эпоху Нового времени, в период XVIII — XIX вв., под влиянием веры в верховенство разума и знаний и развития наук формируется подход, согласно которому важной стороной сущности государства являются механизмы влияния на базовые свойства человека как биологического вида, которые отныне становятся частью политической

стратегии. Безусловно, определенные элементы биополитики можно найти уже в древности (например, античный спартанский обычай умерщвления слабых, или имеющих физические недостатки, младенцев). Но системный характер биополитика приобрела в эпоху Нового времени, а объектом научного осмысления стала лишь в XX в. Дальнейшие серьезные изменения в сфере биополитической проблематики связаны с философскими течениями Новейшего времени, обобщенные наработки этого периода можно выделить в отдельный, философский аспект.

Философский аспект биополитики характеризуется наиболее системным подходом к феномену биовласти, учитывающим разнообразные междисциплинарные связи: социокультурные, биологические, экологические, экономические и др. Его основными представителями являются М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри, Р. Эспозито и А. Мбембе.

Философская концепция биополитики М. Фуко была сформулирована в 1970-х гг. Ее особенностью стало переосмысление сциентистской трактовки биовласти, и акцент делался на понимании биополитики как системы, которая учитывает пропорцию рождений и смертей, уровень воспроизводства и рост населения [7, с. 192]. Основными направлениями практической реализации биополитики М. Фуко называл общественную гигиену, контроль над рождаемостью и смертностью, поддержку инвалидов, а также меры по охране окружающей среды и контролю над эпидемиологической ситуацией [8, с. 235]. По мнению М. Фуко, начиная с XVIII в. государство рассматривает нацию как единое коллективное биологическое тело, которым можно управлять, санкционируя те или иные телесные практики посредством системы здравоохранения, физической культуры, демографической политики, политики в сфере сексуальных отношений. Кроме того, государство располагает легитимным и монопольным правом на насилие, в чем идеи М. Фуко совпадают с идеями М. Вебера.

Если по концепции М. Фуко рождение биовласти относится к Европе XVIII в. и тес-

но связано с потребностями либерально-капиталистической системы, то в концепции Дж. Агамбена обосновывается, что этот феномен зародился еще в Древнем Мире. Для его описания в Античной Греции использовались два понятия — *zoe* (жизнь в широком смысле слова) и *bios* (индивидуальный образ жизни) [1, с. 142]. Внутри правовой системы государства, согласно концепции Дж. Агамбена, индивид представляет собой *homo sacer* (соответственно его жизнь — это *vita sacra*, включенное исключение, находящееся одновременно внутри и вне правового поля). Граница правового поля является сферой власти суверенного правителя. Он может приостановить действие правовых норм и ввести чрезвычайное положение, вследствие чего в полной мере проявляется *zoe* — жизнь сама по себе, полностью зависящая от решений суверена. Субъектом права, или *homo sacer*, человек становится лишь тогда, когда добровольно передает свою жизнь официальной государственной власти. Поскольку именно на этом строится любая форма политической власти, независимо от того, демократическая она или крайне тоталитарная (частично форме тоталитарной власти отвечает концепция общественного договора), то любой государственный режим является биополитическим, направленным на контроль и «схватывание» жизни как таковой (*zoe*). Квинтэссенцией биополитики современности в концепции Дж. Агамбена выступает лагерь — закрытое пространство, в котором не работают правовые нормы, а жизнь утрачивает юридическую ценность.

Концепцию биополитики А. Негри сформулировал, опираясь на идеи М. Фуко, а именно сместив акцент с власти государства над индивидами к власти государства над населением, осуществляемой посредством установления норм в сфере рождаемости, гигиены, питания и т.п. Индивиды при такой власти рассматриваются исключительно как рабочая сила, которая направляется на увеличение прибыли.

Биополитика одновременно выступает как власть над жизнью и как реакция жизни

на власть [4]. Жажда жизни тесно связана с неподчинением власти (предполагает неподчинение, независимость), в результате чего адаптация жизни к власти порождает многообразие форм подчинения. Именно посредством этого диалектического процесса адаптации к власти жизнь субъективируется.

Важнейшей проблемой биополитики новейшего типа, согласно А. Негри, является трансформация трудовых отношений, изменение границ пространства и времени труда, феномен самовалоризации (в контексте концепции А. Негри — самовоспроизводства политико-экономической системой своего социального аппарата, позволяющего ей формировать и накапливать стоимость), который не может быть полностью поглощен капиталом. Таким образом, идея синхронии в измерении труда и времени, лежащая в основе биополитики, оказывается несостоятельной в условиях современности. Производство товаров неотделимо от формирования субъектности. Избыточное производство вследствие перенакпления капитала сопровождается повышением уровня субъектности, поэтому сферы производства, которые биовласть стремится контролировать, все менее поддаются ее контролю и измерению [6, с. 171].

Объединить подходы А. Негри и Дж. Агамбена стремился Р. Эспозито [11]. Одной из главных в его биополитической позиции является концепция всеобщей иммунизации, содержание которой гораздо шире привычного медицинского объема этого понятия. У Р. Эспозито это — система построения различных материальных и символических сфер (иммунитетов), призванных разделить области «своего» и «чужого» и защитить индивида от внешних воздействий. При этом иммунитет трактуется Р. Эспозито как «власть сохранять жизнь» [11, с. 51]. Терминологическая система иммунологии в этом случае используется как методологическое основание для анализа целого ряда социально-политических процессов.

Латинское слово *immunitas* в Древнем Риме означало право не принимать участие в делах общины, некую легальную свободу от социального долга. У Т. Гоббса этот термин соотносится со свободой и суверенитетом. Р. Эспозито подчеркивает гибридный характер понятия иммунитета, который не ограничивается только биологическим аспектом и может использоваться в различных биополитических контекстах [11, с. 57—70].

Камерунский исследователь Дж.-А. Мбембе сформулировал концепцию некрополитики [13], определив ее как абсолютный антипод человекоотрицающей биополитики. Некрополитика выходит далеко за пределы государственного контроля над биологическими правами граждан, поскольку представляет собой систему сохранения власти путем постоянного удержания населения в страхе перед реальной или воображаемой угрозой смерти. Максимальную реализацию некрополитика получает в режиме чрезвычайности. При этом суверенная государственная власть, уходящая корнями в древние догосударственные проявления власти, может определять «лишние» элементы социальной системы¹ (например, негр в концепции Дж.-А. Мбембе). «Лишние люди» всячески стигматизируются: объявляются врагами, обращаются в рабство, выселяются на отдельную закрытую территорию и отделяются от остального социума, вплоть до физического уничтожения. В целом утверждение системы некрополитики знаменует собой необратимый итог — процесс социального раскола, после которого общественная система утрачивает гибкость и баланс и уже не может восстановиться в прежнем виде.

Естественнонаучный аспект биополитики тесно связан с научными разработками в генетике (В. Зомбарт, Н. Моисеев, С. Шевченко), этологии (К. Лоренц, Р. Арадрей), нейрофизиологии (Дж. Арден, Н. Бехтерева) и, в особенности, социобиологии (Э. Уилсон), а также с формированием синтетической теории эволюции, с неodarвинизмом.

¹ Подобные социальные типы описаны в мировой литературе: «отверженные» у В. Гюго, «лишние люди» у Ф. Достоевского и др.

Социобиология как наука, изучающая биологические основания социального поведения людей, методологически основывается на идеях Ч. Дарвина, но при этом исследует феномены, выходящие за пределы классического дарвинизма, в том числе альтруизм, кооперацию. Для биополитики особое значение имеют такие социобиологические исследования [6, с. 265], которые объясняют, каким образом биологические механизмы детерминируют политическое поведение граждан. В первой половине XX в. в рамках социобиологии активно развивалась гипотеза о том, что посредством политических мер в сфере медицины и здравоохранения можно минимизировать риски социально-политических волнений и дестабилизации, что отчасти нашло свое эмпирическое подтверждение. Также следует отметить, что в области естественных и социальных наук возрастает роль междисциплинарных исследований, и это непосредственно выражается в развитии идей биополитики. Так, например, взаимосвязи между технологиями манипуляции массовым сознанием можно трактовать как трансформацию социокультурного кода, а технологии изменения генетического кода в совокупности могут рассматриваться как управление процессом биосоциальной эволюции.

Экологический аспект биополитики выделился относительно недавно на волне обострения глобальных экологических проблем. Экологическое измерение биополитики отражено в идеологии «зеленых» политических партий и общественных организаций, их деятельность сконцентрирована на охране окружающей среды. Ярким примером является Биополитическая интернациональная организация (БИО, 1985 г.). Также экологическое измерение биополитики проявляется в технологиях организации современного урбанистического пространства [3, с. 174]. Сегодня в городской среде существует множество социально-экологических проблем, которые так или иначе подпадают под биополитические меры. К ним относятся: доминирование экономических интересов элиты над эко-

логическими интересами городского населения, что выражается в максимизации уплотненной высотной застройки и, как следствие, в скученности населения, ухудшении экологического качества городской среды (световое, шумовое, атмосферное загрязнение), нарушении человекомерности городского пространства. Среди культурных проблем можно отметить деструкцию исторической архитектурной среды.

Таким образом, биополитика является сложным и многоуровневым понятием, которое в наиболее общем смысле обозначает совокупность технологий и методов политического контроля над жизнью. При этом биологическая жизнь отдельных индивидов для биополитики является второстепенной. В биополитическом контексте индивидуальное тело глобализуется и рассматривается как тело коллективное, биополитическое. Именно оно становится объектом управления посредством различных мер в области социальной гигиены, медицины, регулирования сексуальной сферы жизни. Здравоохранение как инструмент биополитики представляет исключительно полицейскую деятельность: призвано отслеживать, учитывать и контролировать заведомо «неблагонадежные тела», наделяя их теми или иными маркерами (например, вакцинированности/невакцинированности, чистоты/нечистоты). При этом свобода отношения к собственному телу жестко ограничивается. Ответственность за индивидуальное тело принимает на себя государство, которое вмешивается в жизнь человека под лозунгами заботы о его безопасности. В числе базовых мировоззренческих измерений биополитики как комплексного феномена можно выделить историческое, философское, естественнонаучное и экологическое. Философский подход к изучению биовласти представлен системой учета воспроизводства населения Фуко; лагерем, закрытым от правовых норм, Агамбера; самовалоризацией, производством социального аппарата накопления стоимости, Негри; системой иммунитетов, защиты от внешних воздей-

ствий, Экспозито; наличием лишней части социума Мбембе и, наконец, идеологией защиты экологии городов в организации БИО.

Перспективу дальнейших исследований биополитики составляют вопросы о границах индивидуальной свободы современного человека в отношении собственного тела, вопросы биологического неравенства и его критериев (например, в связи с наличием или отсутствием «паспортов иммунитета»), а также вопросы ценности жизни при возможности частичной или полной киборгизации человека и редактирования его генетического кода в целях нормирования, биополитической оптимизации.

Литература

1. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
2. Буханов В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933—1945). М.: Юрайт, 2019; Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 465 с.
3. Кобылин И.И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти // Философия и общество. Волгоград: Издательство «Учитель», 2011. № 3(63). С. 171—183.
4. Негри А. Труд множества и ткань биополитики / Пер. с англ. И. Борисовой [Электронный ресурс] // ПОЛИТ.РУ: информационно-аналитический портал. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/12/03/negri/> (дата обращения 22.06.2020).
5. Пельменев В.К., Конеева Е.В. История физической культуры: учеб. пособ. Калининград: Калининградский университет, 2000. 186 с.
6. Самовольнова О.В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник РГГУ. 2017. № 4/2. С. 261—271. (Философия. Социология. Искусствоведение).
7. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году: пер. с франц. СПб.: Наука. 2011. 544 с.
8. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975—1976 учебном году: пер. с франц. СПб.: Наука. 2005. 312 с.
9. Чэндлер Д. Биополитика и подъем «антропocентрического авторитаризма» [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике: электронный журнал / Фонд исследований мировой политики. 2020. №3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/biopolitika-avtoritarizma/> (дата обращения 09.07.2020).
10. Caldwell L. Biopolitics: Science, ethics, and public policy // The Yale Review. 1964. № 54(1). pp. 1—16.
11. Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 230 p.

12. Lemke Th. Biopolitics: An Advanced Introduction. NY.: New York University Press, 2011. 210 p.

13. Mbembe J.-A., Necropolitics: translated by L. Meintjes [Electronic Recourse] // Public Culture / Duke University Press. V. 15. № 1. 2003. pp. 11—40. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/pgmasters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf (дата обращения 26.07.2020).

14. Morley Roberts. Bio-politics: an essay in the physiology, pathology and politics of the social and somatic organism. London: JM Dent and Sons, 1938. 240 p.

Поступила 30.07.2020

Андрienко Елена Владимировна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (83000, Университетская ул., 24, Донецк, Украина), elena_andrienko8@mail.ru

Горбачева Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ», (124498, Россия, г. г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), netadm@miec.ru

References

1. Agamben Dzh. Homo Sacer. Suverennaja vlast' i golaja zhizn'. M.: Evropa, 2011. 256 s.
2. Buhanov V.A. Gitlerovskij «novyj porjadok» v Evrope i ego krah (1933—1945). M.: Jurajt, 2019; Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 465 s.
3. Kobylin I.I. Istok i singuljarnost': Dzh. Agamben i M. Fuko o rozhdenii biovlasti // Filosofija i obshhestvo. Volgograd: Izdatel'stvo «Uchitel'», 2011. № 3(63). S. 171—183.
4. Negri A. Trud mnozhestva i tkan' biopolitiki / Per. s angl. I. Borisovoj [Elektronnyj resurs] // POLIT.RU: informacionno-analiticheskij portal. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/12/03/negri/> (data obrashhenija 22.06.2020).
5. Pel'menev V.K., Koneeva E.V. Istorija fizicheskoj kul'tury: ucheb. posob. Kaliningrad: Kaliningradskij universitet, 2000. 186 s.
6. Samovol'nova O.V. Social'no-filosofskij analiz osnovnyh koncepcij biopolitiki: M. Fuko, Dzh. Agamben, A. Negri // Vestnik RGGU. 2017. № 4/2. S. 261—271. (Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie).
7. Fuko M. Bezopasnost', territorija, naselenie. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977—1978 uchebnom godu: per. s franc. SPb.: Nauka. 2011. 544 s.
8. Fuko M. Nuzhno zashhishhat' obshhestvo: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1975—1976 uchebnom godu: per. s franc. SPb.: Nauka. 2005. 312 s.
9. Chjendler D. Biopolitika i pod'em «antropocentricheskogo avtoritarizma» [Elektronnyj resurs] // Rossija v global'noj politike: jelektronnyj zhurnal / Fond issledovanij mirovoj politiki. 2020. №3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/biopolitika-avtoritarizma/>

fairs.ru/articles/biopolitika-avtoritarizma/ (lata obrashhenija 09.07.2020).

10. Caldwell L. Biopolitics: Science, ethics, and public policy // The Yale Review. 1964. № 54(1). pp. 1—16.

11. Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008. 230 p.

12. Lemke Th. Biopolitics: An Advanced Introduction. NY.: New York University Press, 2011. 210 p.

13. Mbembe J.-A., Necropolitics: translated by L. Meintjes [Electronic Recourse] // Public Culture / Duke University Press. V. 15. № 1. 2003. pp. 11—40. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/pg/masters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf (data obrashhenija 26.07.2020).

14. Morley Roberts. Bio-politics: an essay in the physiology, pathology and politics of the social and somatic organism. London: JM Dent and Sons, 1938. 240 p.

Submitted 30.07.2020

Andriyenko Elena V., PhD., Professor of the Chair of Philosophy, Donetsk National University (bld. 24, Universitetskaya Street, Donetsk, 83000), elena_andriyenko8@mail.ru

Gorbacheva Irina M., PhD., Associate Professor of the Chair of Philosophy, Sociology and Political Science, National Research University of Electronic Technology” (MIET) (bld. 1, Shokina Square, Moscow, Zelenograd 124498), irina_gorbacheva@bk.ru

Исторический и экономический аспекты становления философской системы Гегеля

И. С. Барсуков

bis24310@mail.ru

Рассмотрено влияние экономических воззрений Гегеля на замысел построения Системы наук. Рассматривается принципиальная ограниченность феноменологического подхода в опосредствовании частей Системы. Объясняются причины отказа от феноменологического и переход к логическому принципу построения Системы.

Ключевые слова: феноменология; абстрактный труд; отчуждение; сознание; самосознание; абсолютное; абсолютное знание; логическое; историческое; диалектический метод; абсолютная идея; объективное; субъективное.

Historical and economic aspects of the formation of Hegel's philosophical system

I. S. Barsukov

bis24310@mail.ru

The article examines the influence of Hegel's economic views on his idea of building a System of Sciences. We consider the fundamental limitation of the phenomenological principle in mediating parts of the System. The reasons for the rejection of the phenomenological principle and the transition to the logical principle of System construction are explained.

Keyword: phenomenology; abstract labor; alienation; consciousness; self-consciousness; absolute; absolute knowledge; logical; historical; dialectical method; absolute idea; objective; subjective.

В свое время Маркс, отмечая стремление Гегеля в анализе субъективности исходить из предметно-практической деятельности, со всей определенностью указал на предмет, попавший в поле зрения философа: «Он [Гегель] рассматривает *труд* как *сущность*, как подтверждающую себя сущность человека» [9, с. 159]. К сожалению, после Маркса тема труда и проблема влияния на становление философии Гегеля экономических теорий того времени, за редким исключением (см.: [8; 10]), оставались без внимания.

Между тем уже в ранних систематических произведениях («Система нравствен-

ности» и «Иенская реальная философия», лекции в Иене 1802—1804), помимо субъективно-логического и морально-нравственного аспектов действительности, Гегель включает в концепцию субъективности содержание, отражающее конкретность индивида, действующего в исторически и экономически определенных условиях, со своим местом и ролью в системе общественных отношений.

Вычленение сферы труда, сферы экономической деятельности в качестве основы и исходного пункта практической философии, становится определяющим для всей

философии Гегеля [8, с. 360; 9, с. 152—174], ибо такие характеристики труда, как: целесообразность, опосредствованность, противоречивость — объективно диалектичны, что и позволяет им выступить содержательными предпосылками для разработки аспектов диалектического метода и системы логического. Но если определения деятельности природы человека положены в основание гегелевской систематики, то в силу соотношения основания и основанного, ей внутренне присуща также и диалектика труда. Значит, и анализ формообразований Системы, их внутренней диалектики вполне может выступить теоретической предпосылкой для поиска закономерностей организации продуктивной деятельности.

I

Начинает Гегель с определений конкретного труда, ибо: «конкретный труд — есть субстанциальное сохранение [индивида], грубая основа целого» [4, с. 367]. При этом его интересует исключительно экономическая определенность существования индивида внутри сообщества, устойчивая связь индивида с условно внешним, опредмеченным им же самим миром. Такую связанность Гегель и называет формообразованием духа. На основе конкретного труда формой общественной связи индивидов выступает в широком смысле семья (род, племя). Поскольку «семейное владение предполагает равенство по форме участия в результатах труда» [3, с. 307], то индивид внутри сообщества существует не как отдельное лицо. Его качественная определенность такова, что он не отличает себя как деятеля от родовых сил, поэтому не он представитель целого, напротив, целое представляет его. По Гегелю, обнаруженное формообразование духа — Сознание, оно же и начало всего движения. Не абстрактная субъективность ($Я=Я$), а субъективность в ее отношении к целостности (всеобщему) — подлинное начало систематизирования.

Основанием отрицания Сознания, опять же, выступает экономическая определенность: как только сообщества людей достигают уровня расширенного воспроиз-

водства (получение избытка), то сначала внутри сообществ, а затем и на их границах возникают иные, нежели внутри Сознания, формы отношения индивидов [4, с. 264]. И это главный пункт, вокруг которого выстраиваются рассуждения Гегеля в «Системе нравственности» и «Иенской реальной философии».

С одной стороны, «избыток» есть результат развития умелости индивидов, орудий и кооперации, с другой — он образует форму продукта, позволяющую выделиться индивиду в качестве частного лица: «...субъект является не просто определенным в качестве владеющего, а принявшим форму всеобщности; он выступает в качестве единичного, в соотношении с другим, отрицательного вообще, в качестве признанного обладателя. Владение в этом плане есть собственность; абстракция же всеобщности в нем есть право» [4, с. 296—297]. Здесь довольно точно описан феномен абстрактной формы труда, становящейся в пределах развития товарно-денежных отношений основой всего общественного организма и всех общественных институциональных форм.

Возникающие на основе абстрактного труда, отношения собственности позволяют выделиться индивиду в качестве значимой фигуры общественных отношений, и в то же время индивид в абстрактном труде уравнивается с другим индивидом, включенным в орбиту разделения труда. Отсюда абстрактный труд — противоречивая основа развития общества, в нем каждый отдельный человек тождествен другому и одновременно самостоятелен: «В своем абстрактном труде он, индивид, созерцает всеобщность самого себя, своей формы или созерцает свое бытие для другого» [4, с. 325]. Гегель определяет возникший на основе абстрактного труда способ общественной связи индивидов как Самосознание.

Стихия абстрактного труда, представленная в таких экономических феноменах, как: товар, деньги, обмен, договор и другие [3, с. 380], — проникая во все сферы практической жизни, приводит к глубоким трансформациям общества [4, с. 323]. Но кроме

положительных, Гегель обнаруживает противоречивые результаты действия абстрактной формы. С одной стороны: «То, что <индивид> производит, опредмечивая себя в своем наличном бытии, не может служить удовлетворению всех его потребностей. *Всеобщий труд* есть, таким образом, *разделение труда*, *экономия*» [4, с. 324], что дает повышение эффективности производства и рост богатства. С другой стороны: «Так как *его труд* есть такой абстрактный труд, то он выступает как абстрактное *Я* или по образу вещиности — не как широкий, богатый содержанием *дух, владеющий большим* объемом всего и являющийся его господином» [4, с. 324—325]. Индивид выступает не субъектом, а вещью, которая употребляется и, подобно орудью, исчезает в процессе производства — отчуждается. С одной стороны, абстракция от всех видов конкретного труда — это сильная сторона абстрактной формы, она способствует использованию сил природы и совершенствованию орудий (от ручных — к машине) [4, с. 325]. С другой стороны: «...благодаря абстрактности труда [он] вместе с тем [становится] более *механическим*, приглушенным, бездуховным. Духовное, эта исполненная самосознательная жизнь, становится пустым деланием. Сила самости состоит в широте охвата, а последнее теряется» [4, с. 343]. Субъект все больше зависит от общественного разделения труда, что ограничивает умения индивида, обедняя его натуру, снижая его потенциал.

Во многом предвосхищая анализ влияния на индивидов товарно-денежных отношений, проведенный Марксом, Гегель указывает на проблемы общества, базисом которого является абстрактный труд. Освобождаясь от непосредственной природной зависимости, человек формирует общественную необходимость, на основе которой возникают более изощренные формы зависимости, поскольку порождают при определенных условиях иллюзию или видимость свободы. Индивид постоянно обнаруживает противоречивость своего положения: «делает нечто совершенно иное, чем он сам мнил», «приносит себя в жертву при

юридической свободе», «получает преимущество перед природой, но попадает в другую форму случайности» [4, с. 342—344]. Эта противоречивость существования индивида и образует феномен отчуждения.

Для Гегеля отчуждение в значении отчуждения человека от человека становится существенной и неотъемлемой определенностью (качеством) индивида внутри Самосознания, что оборачивается для него: не единством, а «разорванностью воли», «неравенством нищеты и богатства», «черствостью духа», «жертвой при юридической свободе» [4, с. 342]. Этот разлад внутри Самосознания и есть его внутреннее противоречие, требующее разрешения. И первый шаг в этом направлении — осмысление его природы.

Перебирая один за другим общественные институты, имеющие потенциал снятия отчуждения, Гегель как бы проводит своеобразный эксперимент. Через отбор проходят все значимые общественные формы: сословия, гражданское общество, государство, церковь. Особую роль при этом он отводит государству — институту, способному противостоять произволу необходимости общественного процесса, основанному на абстрактной форме труда, привнося в общественный процесс разумную связь. Но и в «Системе нравственности», и в «Иенской реальной философии» эти поиски приводят к выводу: все найденные объективные формы духа содержат определения духа в ограниченной форме. И сословия, со своими ограниченными целями и интересами, и гражданское общество, как общество потребления, напрямую зависящее от абстрактной формы, и правительство, призванное наблюдать за соблюдением общего интереса через соблюдение частных, как «...уверенный в самом себе дух природы» [4, с. 374], и церковь — «...государство, возведенное в мысль» [4, с. 382], и искусство — все они не подходят для разрешения противоречия отчужденного духа.

При этом Гегель экономические и политические характеристики продолжает рассматривать в качестве только феноменов

действительности, а закономерную основу ищет в Познании (Интеллект-Воля), существенно расширяя понятие практики [4, с. 287—322]. Здесь обычно и указывают на границу гегелевского подхода — смещение акцентов в рассмотрении определений действительности с реальных на идеальные. Однако, «упрек» Гегелю в идеализме нельзя считать справедливым в полной мере. Прежде всего потому, что труд рассматривается им как целесообразное действие, в котором внутренне противоречивое отношение объективной (общественной) и субъективной (индивидуальной) цели как закон выступает основанием для формирования устойчивых типов общественных отношений — формообразований духа, а значит и реальная практика и определения субъективности (субъективно-логическая практика) взаимно полагают друг друга, что и позволяет Гегелю без обращения к экономическим определениям рассматривать субъективные характеристики труда.

При этом «Интеллект», или «Теоретическая идея» (субъективно-логическое действие), не совпадает в полном объеме с нематериальной сферой труда (из сферы «Интеллекта» исключены научная деятельность, занятия некоторыми видами искусства и др.). Такой теоретический шаг оправдан, если основанием для разделения теоретического и практического выступает диалектика целесообразности. Хотя непосредственно нематериальная сфера труда (непроизводительный труд) противоположна материальной, у Гегеля обе сферы представляют единство, т.е. практику («Воля» или «Практическая идея»), ибо в практике («Воля») индивиды *реализуют цели*. Единственной же противоположностью процессу *реализации цели* в труде может быть только процесс *формирования цели* у индивидов, хотя оба процесса (*формирование и реализация*) находятся во внутренней необходимой (субстанциальной) связи, и одно движение сразу вызывает другое. Получается, что дихотомия в Системе Гегеля проходит не только по линии противоположности: материальное — идеальное, но и по линии: формирование образа действия — «претво-

рение образа в действительность». Поэтому из субъективно-логической практики как таковой исключается большая ее часть, и остается то, что Гегель называет «Интеллектом», а затем в Науке Логики — «Теоретической идеей».

Объективно в процессе труда индивид никогда не начинает действовать с «чистого листа», ему в качестве содержания действия с необходимостью предпосылается «родовой опыт», который, в свою очередь, всегда продукт реальной практики («Воля»). Но поскольку именно в практике воспроизводится отчуждение, то индивид в субъективно-логическом действии воспроизводит адекватные отчуждению ограниченные формы мышления (например, различные виды догматизма или скептицизма). Индивид попадает в своеобразный круг, где одна отчужденная форма полагает другую, и это существование в замкнутом круге противоречий для индивида становится неодолимым [5, с. 203]. Разорвать указанный круг возможно, преодолев ограниченность форм мышления, посредством осмысления природы субъективно-логического, подчинив процесс *формирования цели* воле индивидов.

Началом снятия абстрактности и ограниченности деятельности, по Гегелю, может выступить субъективно-логическая практика, обогащенная разрешением противоречий ограниченных форм мышления: «Абсолютно свободный дух, принявший обратно в себя свои определения, создает теперь другой мир — мир, который имеет *облик* самого духа, где его дело завершено в себе и он достигает созерцания себя как себя» [4, с. 375].

Абсолютное есть необходимая ступень развития субъективности, высший пункт всего движения и выполняет исключительную функцию в Системе в связи с проблемой снятия отчуждения. В процессе же опосредствования абсолютного решающее значение приобретает исторический аспект метода, ибо не только результат, но и все движение к нему необходимо [5, с. 9]. Историческое — присущая диалектике форма развертывания определений предмета — заключается в последовательной смене формообразований, в их

снятии. Полученный же таким образом результат — не только конечный пункт, но также исходный пункт полагания, поскольку в снятии отрицание есть также и удержание исходной основы, а значит возвращение к одной из сторон полагания. Отсюда процесс смены формообразований не уходит в дурную бесконечность, а имеет обогащенный предыдущим развитием конечный пункт движения — он же и начало (предполагание).

Обнаруженный переход субъективности как существенной фигуры отношения внутри продуктивной деятельности из состояния «в-себе» в состояние «для-себя» открывает перед Гегелем перспективы построения Системы с особой функцией в ней философии как науки, предметом которой выступает природа логического.

II

Следующим на пути к Системе становится феноменологический срез действительности («Феноменология духа») — изображение развития субъективности в соотношении с реальным историческим процессом. Ибо требовалось показать весь процесс развития субъективного и объективного духа как опосредствованный внутри в виде «обращения» знания (Интеллект — Воля). Порядок и последовательность этого движения Гегель уподобляет ступеням, по которым индивид как по «лестнице» должен добраться до понимания себя как абсолютного субъекта.

Однако, несмотря на логическую стройность концепции субъективности и ее критический вид, Гегель в «Феноменологии духа» получает те же трудности, с которыми столкнулся в изображении систематического развития субъективности Фихте — границы свободному действию «Я». При выявлении необходимой внутренней связи ступеней «возвышения духа от явления — через достоверность — до истины» (Сознание, Самосознание, Разум, Дух, Религия, Абсолютное знание), опосредствование (имманентный переход от одной формы к другой) не получено, что ставило под сомнение истину результата — форму абсолютного. И эта трудность

выглядит неустранимой, если основу взаимосвязи формообразований духа искать только в *отобранных* Гегелем объективных формах исторического процесса [1].

И хотя весь последовательный ряд формообразований духа, соотнесенный с событиями реальной истории, дает Гегелю возможность, как заметил К. Маркс, понять действительный процесс становления человека как «результат его собственного труда» [9, с. 158—159], тем не менее «образы духа» или «ступени возвышения духа» до формы абсолютного, в феноменологическом рассмотрении выглядят лишь как преднайденные, действительная основа которых скрыта. Они — явления духа. Явление же, по Гегелю, хотя есть бытие в сфере сущности, но бытие с отрицанием, имеющее основание в ином — в законе явления [2, с. 453].

В итоге феноменологический анализ позволяет обнаружить противоречия и даже полноту формообразований духа, описать их, но не позволяет вскрыть действительную причину отчуждения индивида. От наблюдающего за развертыванием этой специфической «истории человечества», каковой является «Феноменология духа», ускользает закономерная основа всего движения. Фиксируется только «образ духа» как лежащий на поверхности устойчивый результат развития деятельной формы. Причина же перехода к более высокой форме скрыта за переплетением существенного и несущественного во внешнем проявлении, отсюда обнаружение способов снятия отчуждения становится проблематичным.

Таким образом, рассмотрение «образов духа», как они есть в своем явлении, получает непреодолимые границы в понимании способов снятия отчуждения индивида от результатов его собственного труда. Поэтому претендовать на роль исходной основы в общей систематике, к которой стремится Гегель, «Феноменология духа» никак не могла. В лучшем случае — она не более чем сохраненная в памяти история становления субъективности через ее отношение к предметному. В «Энциклопедии философских наук» Гегель отводит «Феноменологии духа»

место только в качестве главы в разделе «Субъективный дух» (Философия духа) [7, с. 218—250]. Результатом здесь выступает не абсолютное, а, напротив, абстрактное или внешнее единство Сознания и Самосознания в Разуме: «простое *тождество субъективности* понятия с его *объективностью* и всеобщностью» [7, с. 250].

Тем не менее важным итогом «Феноменологии» выступила форма абсолютного. И хотя Абсолютное знание осталось только внешней формой «примирения сознания с самосознанием», что делало проблематичным разрешение противоречий абстрактного существования индивида, но оно также раскрылось как определенность формы — тождество: «субстанция-субъект — субъект-субстанция» [5, с. 406], предопределив в итоге новое направление поиска формы «совершенного объединения Я и предмета».

О новом повороте Гегель определенно высказывается в финале «Феноменологии духа», где он характеризует Абсолютное знание как путь «воспоминания» о формообразованиях духа. Этот путь с внешней стороны выглядит как история, а внутреннее движение подчинено закону — внутреннему противоречию цели. Но обе стороны вместе — это история субъективности, постигнутая в понятии [5, с. 410], т. е. система мирового целого, построенная на логическом фундаменте [2; 6]. Логическое должно выступить основанием Абсолютного, а логически определенное абсолютное, в свою очередь, — основанием для освоения индивидами содержательных определений Природы и Духа.

Генезис понятия в Науке Логики таков, что оно раскрывается не только как формально-логическое (таково оно уже в Логике Аристотеля), понятие опосредствуется объективностью, оно есть специфическое бытие, поскольку оно — снятая сущность, следовательно, восстановленное бытие. И если понятие — абсолютная мощь по отношению ко всему существующему объективному, к субстанции, но также и развитое субъективно-логическое, то оно как полное конкретное бытие содержит способ снятия границ субъ-

ективной деятельности. Значит, овладение понятием как универсальным средством — единственная возможность для «Я» из формы абстрактного самосознания вернуться к конкретному единству с предметным, с объективным. По другому ««я» никогда не достигает действительного освобождения» [7, с. 184]. Однако понятие содержит снятие отчуждения, как говорит Гегель — «в себе», в нераскрытом виде.

Обогащенное развитием категорий бытия и сущности, понятие непосредственно соединяет в себе объективное и субъективное, и может служить началом опосредствования [2, с. 546], ибо абсолютное должно быть выведено. Только когда абсолютное непосредственно восстановлено из объективности, оно может служить не только ограниченным логическим средством, но и началом, по Гегелю, «всякой жизненности» и разумности, отсюда невозможен окончательный отказ от принципа историчности. Но это должно быть своеобразное восстановление истории.

Абсолютная идея должна выступить в качестве результата не только логического процесса, но и феноменологического, только феноменологического в специфической форме — это должна быть «история [субъективности] постигнутая в понятии» [7, с. 399]. Поэтому рассмотрением только природы понятия в Науке Логики Гегель не ограничивается. Если бы развертывание логического ограничилось понятием как субъективно-логическим, то абсолютное, получив окончательный вид в качестве логического средства, имело бы к объективности лишь внешнее отношение, или было бы к ней применимо только в качестве субъективного масштаба. И поэтому в последних главах «Субъективной логики» речь идет о снятии субъективности как таковой. Здесь нет непосредственного перехода к абсолютному, выраженному в определенности логической формы, каковым является диалектический метод, а все движение логического переводится в «Объективность»: «понятие вообще реализовалось; или приобрело такую реальность, которая есть объ-

ективность» [2, с. 645].

По сути, результатом развития понятия выступает раскрытие глубинного противоречия деятельности (как внутреннего отношения субъективной и объективной цели), чему посвящены итоговые разделы Науки Логики: «Объективность» и «Идея». Не случайно в «экспозицию понятия» включены такие категории, как: «Жизнь», «Теоретическая идея», «Практическая идея». Отсюда и высший пункт всего систематического движения, опосредствованный объективными характеристиками деятельной формы, — Абсолютная идея или диалектический метод — не только универсальное логическое средство, но также и средство продуктивной деятельности человека, понимающего состав своих действий по преобразованию Природы в широком смысле.

Литература

1. Барсуков И.С. Границы феноменологического подхода в рассмотрении развития определений субъективности (к вопросу об изменении основного замысла Гегеля в построении системы) // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск: Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе, 2012. № 5. С. 267—273.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука Логики. СПб: Наука, 1997. 799 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. 438 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972. 668 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 3: Философия духа. М.: Мысль, 1977. 470 с.
8. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 614 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т., изд. 2-е, Т. 42. М.: Политиздат, 1974. 536 с.
10. Хандруев А. А. Гегель и политическая экономика. М.: Экономика, 1990. 127 с.

Поступила 10.08.2020

Барсуков Игорь Сергеевич — канд. филос. наук, доцент, почетный работник общего образования, независимый исследователь, bis24310@mail.ru

References

1. Barsukov I.S. Granicy fenomenologicheskogo podhoda v rassmotrenii razvitiya opredelenij sub#ektivnosti (k voprosu ob izmenenii osnovnogo zamysla Gegelja v postroenii sistemy) [THE LIMITS OF THE PHENOMENOLOGICAL OBSERVING OF SUBJECTIVITY EVOLUTION (A CONTRIBUTION TO THE MAIN HEGEL'S INTENTION CHANGE IN THE CONSTRUCTING OF SYSTEM)] // Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij. Pjatigorsk: Institut regional'nyh problem rossijskoj gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze, 2012. № 5. S. 267—273.
2. Gegel' G.V.F. Nauka Logiki. SPb: Nauka, 1997. 799 s.
3. Gegel' G.V.F. Politicheskie proizvedenija. M.: Nauka, 1978. 438 s.
4. Gegel' G.V.F. Raboty raznyh let: v 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1972. 668 s.
5. Gegel' G.V.F. Fenomenologija duha. M.: Nauka, 2000. 495 s.
6. Gegel' G.V.F. Jenciklopedija filosofskih nauk: v 3 t. T. 1: Nauka logiki. M: Mysl', 1974. 452 s.
7. Gegel' G.V.F. Jenciklopedija filosofskih nauk: v 3 t. T. 3: Filosofija duha. M.: Mysl', 1977. 470 s.
8. Lukach D. Molodoj Gegel' i problemy kapitalisticheskogo obshhestva. M: Nauka, 1987. 614 s.
9. Marks K., Jengel's F. Sochinenija: v 50 t., izd. 2-e, T. 42. M: Politizdat, 1974. 536 s.
10. Handruev A. A. Gegel' i politicheskaja jekonomija. M.: Jekonomika, 1990. 127 s.

Submitted 10.08.2020

Barsukov Igor S, Candidate of philosophy, Docent, Honorary worker of General education, Independent researcher, bis24310@mail.ru

Демократическая система управления и ее противоречия

М. С. Кальней¹

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

marina.kalnej@yandex.ru

Рассмотрены противоречия демократической системы управления: существенное место среди них занимает проблема компетентного и ответственного участия народных масс в принятии управленческих решений. Сделан вывод о фактическом несоответствии личностных свойств массы желаемым для процесса управления свойствам личности, что порождает представления политической элиты о некомпетентности, безответственности народной массы, ее подверженности манипуляциям. Утверждается, что источник этого противоречия во многом связан с системой представительной демократии.

Ключевые слова: демократия, тоталитаризм, компетентность, ответственность, противоречие.

Democratic governance system and its contradictions

M. S. Kal'ney¹

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

marina.kalnej@yandex.ru

The contradictions of democratic governance system are considered. An essential place among them is occupied by the problem of competent and responsible participation of masses of people in making managerial decisions. The conclusion about actual inconsistency of personal properties of the masses with the personality properties desirable for the process of management is made. This generates ideas of political elite about incompetence, irresponsibility of the masses and their susceptibility to manipulations. It is argued that the source of this contradiction is largely related to the system of representative democracy.

Key words: democracy, totalitarianism, competence, responsibility, contradiction.

В настоящее время проблема демократического общественного устройства приобретает особую актуальность. Одной из значимых задач современного общества считается преодоление авторитарных и тоталитарных тенденций в управлении и развитие демократических начал социальной организации. Для того чтобы развить демократическую составляющую жизни общества, необходим анализ концепта демокра-

тии и связанных с ним проблем и противоречий.

Очевидным преимуществом демократического режима считается возможность свободного массового участия граждан в принятии решений. Это является основной ценностью современного общества, в противовес тоталитарному режиму, где правящая элита принимает управленческие решения неподконтрольно, руководствуясь

своими личными интересами в ущерб интересам общества.

Однако здесь заслуживает внимания отмеченное многими философами противоречие, связанное с мерой ответственности граждан в принятии решений. В частности, И. А. Ильин указывал, что идея демократии исходит из представления о том, что «каждый гражданин, как таковой, заранее считается разумным и просвещенным, благонамеренным и лояльным, неподкупным и «почтенным» [1, с. 158]. Иными словами, участие в демократическом процессе требует развития личностных свойств, которые не наблюдаются в полной мере у каждого индивида. В соответствии с этим необходимо либо ограничивать участие граждан в принятии решений, либо создавать систему развития гражданского общества. Последнее рассматривается как сфера формирования социальной ответственности и выработки положительных свойств личности гражданина.

Ввиду того что ограничение участия граждан в процессах управления рассматривается как отход от демократических принципов, а переход к развитому гражданскому обществу во многом остается проектом, необходимо рассмотреть противоречия демократического процесса в применении к текущему состоянию общества. В частности, следует обратить внимание на то, что народное волеизъявление как основная ценность демократической идеи может войти в противоречие с иными демократическими ценностями. На это указывал Н. А. Бердяев: «Воля народная может быть направлена на зло, и тогда она подлежит осуждению, или она направлена на высшее добро, на божественное содержание жизни, и тогда не воля народная, а само это добро и это божественное содержание должно быть признано верховным началом» (Философия неравенства. См.: [2, с. 191]).

Таким образом, управленческие решения принимаются на основе тех или иных ценностей. Если правящая элита в тоталитарном обществе может утратить понимание базовых ценностей и социальную ответ-

ственность, то и народная масса при демократическом волеизъявлении способна к той же самой ошибке. Следовательно, ставится вопрос о возможности и необходимости коррекции такого рода ошибок.

Примером такого подхода в современной политической практике может быть мнение американского социолога Ф. Фукуямы о праве на смену режимов и внедрение демократии: «Важен внутренний характер режима: либеральные демократии уважают основные права своих граждан и менее агрессивны во внешних сношениях, нежели диктатуры. Поэтому необходимо освободить народы от тираний и внедрять в мире демократию, проникая в иностранные государства и формируя их базисные институты» [3, с. 152]. Этот подход мыслитель называет «благодетельной гегемонией» [3, с. 148]. Очевидно, что основой любой гегемонии может быть только признание высокого уровня компетентности власти, понимания властью тех базовых ценностей, согласно которым должно жить общество.

Таким образом, одним из противоречий демократического концепта является проблема компетентности и ответственности в принятии решений. Если народное волеизъявление как одна из основ демократии обнаруживает некомпетентность, отказ от базовых человеческих ценностей, допускается внешнее вмешательство в целях предотвращения негативных последствий ошибочного волеизъявления масс. Однако само такое вмешательство вопреки массовому волеизъявлению с неизбежностью носит авторитарный характер.

Заслуживает внимания сходство взглядов Ф. Фукуямы на продвижение демократии с одним из аспектов концепции идеального государства Т. Мора. Описывая обычаи вымышленного государства, английский философ-утопист указывал: «Они никогда не начинают войны зря, а только в тех случаях, когда защищают свои пределы, или прогоняют врагов, вторгшихся в страну их друзей, или сожалеют какой-либо народ, угнетенный тиранией, и своими силами освобождают его от ига тирана и от рабства;

это делают они по человеколюбию» [4, с. 105].

Иными словами, система власти, не соответствующая базовым ценностям идеального общества, приравнивается к непосредственной агрессии против государства, требующей военного противодействия. При этом перечисляется ряд способов достижения геополитических целей без прямого военного вмешательства [4, с. 107—108]. Обращает на себя внимание близость этих способов к тем инструментам «мягкой мощи», которые Ф. Фукуяма рассматривает как примеры успешного продвижения демократии. Америка на распутье [3, с. 182—183].

Не менее важно и сходство морального обоснования внешней политики вымышленного государства Т. Мора с современной геополитической практикой. В одном случае человеколюбие вынуждает власть идеального государства способствовать смене власти в других странах. В другом — «тот факт, что США в меморандуме о стратегии национальной безопасности присваивают себе право, в котором отказывают другим странам, основан на невысказанном прямо предположении, что Соединенные Штаты отличаются от других стран, и можно верить, что они используют свою военную мощь справедливо и разумно, на что другие государства неспособны» [3, с. 136—137]. Однако сам факт признания исключительности противоречит таким демократическим ценностям, как равенство и уважение чужого мнения. Таким образом этот подход обнаруживает свою близость к концепциям «просвещенного деспотизма».

С точки зрения данной концепции существует носитель власти, обладающий знанием тех ценностей, на которых должно быть построено общество, и целей развития общества. Неспособность народной массы понять и воспринять эти ценности делает необходимыми авторитарные меры продвижения желаемых ценностей и идей. Общеизвестно, что данная идея получила свое развитие в эпоху Просвещения, но ее предпосылки обнаруживаются в том числе и в утопических проектах с неограниченной

пожизненной властью правителя-философа. Один из наиболее ярких примеров проявления «просвещенного деспотизма» на практике — петровские реформы в России. Их основное противоречие отмечал В.О. Ключевский: «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самостоятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение, как необходимое условие общественной самостоятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно» [5, с. 665].

В этом и заключается одно из противоречий демократии и ее продвижения. С одной стороны, демократия предполагает свободное волеизъявление граждан как основу принятия решений. При этом от граждан ожидается компетентность, ответственность, понимание базовых человеческих ценностей, которые позволяют принимать решения, соответствующие интересам социума. С другой стороны, недостаточная развитость указанных качеств порождает такие явления, как популизм и демагогия, — воздействие на эгоистические интересы, импульсивные побуждения, негативные чувства массы. Признание отсутствия у народной массы достаточной компетентности и ответственности за принятие решений указывает на необходимость внешней силы, способной принудить народные массы к принятию правильных решений и усвоению желаемых ценностей.

Это с неизбежностью означает перенос центра принятия решений: всеобщее волеизъявление как неотъемлемая часть демократического процесса заменяется решениями элиты, противопоставленной массе. При этом элита, обладающая достаточной компетентностью, ответственностью и нравственностью противопоставляется невежественной, импульсивной, эгоистической массе. Одним из первых такое противопоставление сделал Платон. В мифе о пещере мыслитель сравнил выход из пещеры с усвоением истинного знания и указал на

неспособность других обитателей пещеры воспринять это знание [6, с. 517—518]. Следовательно, компетентная и социально ответственная правящая элита выполняет функции своеобразной «опеки» над народными массами в силу их неспособности принять правильные решения. Очевидно, что это положение лежит в основе идеологии консерватизма. Примером такого подхода может служить точка зрения русского философа И. А. Ильина: «поскольку государство есть учреждение, постольку народ в нем не учреждается собою и не распоряжается, а воспитывается, опекается и повинуется» [1, с. 42].

Необходимость такого общественного порядка со времен Платона обосновывалась негативными социальными последствиями неограниченного участия граждан в процессе управления и принятия решений. К таким последствиям традиционно относились гедонизм и индивидуализм в ущерб социальной ответственности. В частности, Платон утверждал о «демократическом человеке», что «в его жизни нет порядка, в ней не царит необходимость: приятной, вольной и блаженной называет он эту жизнь и так все время ею и пользуется» [6, с. 562].

Таким образом, противоречия демократической системы управления можно было бы усмотреть в отсутствии у широких масс населения необходимых свойств для принятия ответственных решений. Следует обратить внимание на сам характер этих свойств. В античной интеллектуальной традиции необходимым свойством для управления государством считается умение следовать всеобщему благу, а следовательно, ограничивать индивидуалистические и гедонистические склонности. Однако дальнейшее развитие философской мысли привело к формированию либеральной идеологии. Общеизвестно, что для либерализма характерно признание естественным индивидуализма и гедонизма. Индивид, исходя из своих личных интересов, способен принять разумные решения, обеспечивающие удовлетворение его потребностей. Иными словами, сообщество рационально мыслящих индивидуалистов способно

к самоуправлению и принятию верных решений.

Тем не менее, как указывает И. Валлерстайн, либеральная идеология, признавая равенство и независимость всех граждан, делает исключения для тех групп населения, которые признаются неспособными к принятию рациональных решений, следовательно, «независимая личность является кем-то, чье право на независимость определяется другими людьми». После либерализма [7, с. 80]. Иначе говоря, либеральная демократия, основанная на признании всеобщего равенства и независимости, в неявном виде предполагает наличие управляющей элиты и управляемой, манипулируемой массы. Особенно явно это проявляется в тех случаях, когда сама идея демократии воспринимается как идеал, требующий продвижения в массы извне. В этом случае демократический идеал рассматривается как единственно возможный результат естественно-исторического процесса. Всякие отступления от идеала считаются угрозой естественно-историческому развитию, что и требует внешнего продвижения идеала и преодоления в человеке всех склонностей, препятствующих осуществлению идеала.

Однако само такое восприятие демократической идеи приводит к ее превращению в свою противоположность. На это, в частности, указывает А. С. Панарин: «Состояние воспитуемого и перевоспитуемого перечеркивает главную посылку демократии — об автономии человеческой личности и ее идеологически не подопечном статусе». Правда железного занавеса [8, с. 23]. Принятие же идеи продвижения демократии приводит к представлению о том, что «демократическое меньшинство живет в окружении недемократического большинства со всеми вытекающими отсюда опасностями и для меньшинства, и для самой демократии» [8, с. 24].

Примером такого подхода может служить работа предпринимателя А. Крола «Теория каст и ролей». С точки зрения автора, в обществе существуют «касты», различные по уровню свободы и безопасности, а также поведенческие модели, определяющие успех

или неуспех индивида. В своей работе А. Крол описывает способы продвижения в высшие слои общества. Необходимость такого продвижения автор мотивирует тем, что «смыслом и целью для человека является лишь *перемещение* из низких каст в верхние касты. Не ради жажды власти и амбиций, это мотивационные химеры. Все проще. Только в высших кастах человек обретет достаточно свободы, чтобы реализовать свои не то что самые амбициозные, а просто элементарные планы. Чем выше каста, тем больше власти и силы для управления *своей судьбой*, тем большими ресурсами человек может управлять!» [9, с. 32].

Иными словами, личная свобода и материальный успех здесь объявляются главной ценностью и смыслом человеческого существования. Хотя значение этих ценностей невозможно оспаривать, спорным представляется противопоставление высших слоев общества низшим. С одной стороны, отмечается способность управлять ресурсами, распоряжаться своей судьбой, а следовательно, участвовать в принятии решений. С другой стороны, отмечается отсутствие власти и возможностей свободной самореализации, судьба манипулируемого и управляемого индивида. Сам факт такого рода противопоставления с очевидностью указывает на значительную трансформацию идеи равенства и независимости как неотъемлемой части демократического концепта.

Таким образом, противоречие идеи демократии наблюдается в ее трансформации в свою противоположность. Наиболее характерной чертой этой трансформации представляются свойственные политической и интеллектуальной элите утверждения о неспособности масс к принятию компетентных и социально ответственных решений. Фактическим следствием таких утверждений является идея необходимости авторитарных мер воздействия на массы.

Здесь требует особого внимания вопрос участия масс в процессе принятия управленческих решений. В связи с этим необходимо обратить внимание на тот факт, что демократия как форма управления зарождалась

в условиях античного полиса. Общеизвестно, что демократическое управление этой эпохи предполагало обязательное участие всех свободных граждан полиса в общественно-политической жизни с исключением из нее большинства населения полиса. Казалось бы, растущая демократизация жизни общества предполагает рост вовлечения в общественно-политическую жизнь всех слоев общества. На противоречия этого процесса указывал В. И. Ленин в работе «Государство и революция»: «Современные наемные рабы, в силу условий капиталистической эксплуатации, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено» [10, с. 85].

Представляется, что причина отстранения большинства населения от участия в общественно-политической жизни не сводима к условиям эксплуатации. Одним из общеизвестных результатов развития индустриального общества было выделение досуга как сферы человеческого существования. Выход производственной деятельности из сферы семьи, установление нормированного рабочего дня способствовало разделению человеческого бытия на рабочее время и частную жизнь. В то же время усложнение социальной структуры потребовало отказа от прямой демократии античности и перехода к системе представительной демократии. В свою очередь, представительная демократия предполагает выделение общественно-политической жизни в сферу профессиональной деятельности политической элиты. Следовательно, выделяется элита политиков-профессионалов, участвующая в общественно-политической жизни и принимающая управленческие решения, с одной стороны, и массы, сконцентрированные на своей частной жизни, — с другой.

Таким образом, демократизация жизни общества предполагает рост участия граждан в процессах принятия управленческих решений. Однако сами реалии современного

общества затрудняют возврат к тому участию граждан в управлении, которое было возможно в античном полисе. При этом факт развития информационных технологий в последние десятилетия и развитие коммуникативной сферы в киберпространстве не является признаком повышения компетентности и ответственности граждан в вопросах принятия управленческих решений (достаточно упомянуть вошедшее в обиход выражение «диванные аналитики»). Казалось бы, решением этого противоречия могло бы быть развитие структур гражданского общества, повышение информированности граждан в сфере государственного управления.

В связи с этим необходимо принять во внимание следующие риски. Общеизвестно, что одним из свойств тоталитарного режима является «политизация» всех сфер жизни общества и обязательное участие граждан в общественно-политической жизни. На этот аспект жизни советского общества указывает А. А. Зиновьев в работе «Коммунизм как реальность»: «...члены партии и комсомола обязаны заниматься общественной работой. Иначе — взыскания, проработки. Прочие тоже обязаны, поскольку в характеристику сотрудника обязательно включается указание на участие в общественной работе. Конечно, не в такой мере, как члены партии или комсомольцы, но так или иначе. Человека, который уклоняется от общественной работы, берут на заметку и принимают меры. А меры разные. Начиная от надбавки к зарплате, повышения в должности и кончая квартирными делами, поездками за границу, публикацией работ. Лишь те, кто утратил всякие перспективы роста и улучшения жизни, игнорируют общественную работу» [11, с. 68].

Иными словами, тоталитарное государство стремится вытеснить частную жизнь и заменить ее жизнью общественной в целях контроля над гражданами. Сущность этого процесса И. А. Ильин характеризовал следующим образом: «чаяния “народа” же — аплодировать высшей власти и помогать ей воплощать в жизнь ее мудрые предначертания. Но делать это так и высшая власть

должна при этом выглядеть так, будто они независимы друг от друга и по своей воле выполняют какие-то свои функции» [1, с. 187]. Иначе говоря, для легитимации действий тоталитарной власти требуется обязательное участие масс в общественно-политической жизни, по факту контролируемой политической элитой.

Таким образом, добровольное участие граждан в общественно-политической жизни предполагает уклонение от нее того или иного числа граждан. В этом случае система представительной демократии предоставляет возможность для участия в общественно-политической жизни, тогда как в основном принятие управленческих решений остается сферой профессиональной деятельности политической элиты. Внешнее же вовлечение в общественно-политическую жизнь несет в себе риски трансформации в тоталитаризм, исключая реальное участие граждан в управленческих решениях.

Подведем итог нашему исследованию. Одно из противоречий демократической идеи заключается в том, что народ признается высшим источником принятия решений, тогда как решения народной массы по факту могут быть недостаточно компетентны и повлечь за собой негативные социальные последствия. Характерные для политической элиты представления о народной массе как некомпетентной, безответственной, подверженной манипуляциям, основаны на том, что система представительной демократии сама по себе предполагает выделение профессиональной политической элиты из основной массы населения, сконцентрированной на своей частной жизни. Идея внешнего продвижения желаемых ценностей, развития желаемых личностных свойств в гражданах, равно как идея внешнего вовлечения граждан в общественно-политические процессы, с неизбежностью включает в себя риск трансформации демократии в авторитаризм и тоталитаризм. В этом и заключается одно из противоречий демократической идеи.

Литература

1. **Ильин И. А.** Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. М.: Русская книга, 1993. 496 с.
2. **Бердяев Н. А.** Философия неравенства. М.: АСТ: АСТ Москва; АСТ Хранитель, 2006. 349 с.
3. **Фукуяма Ф.** Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. 282 с.
4. Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. Социальные утопии. М.: Правда, 1989. 611 с.
5. **Ключевский В. О.** Русская история. М.: Эксмо, 2012. 912 с.
6. **Платон.** Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М., Мысль, 1994. 656 с.
7. **Валлерстайн И.** После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 253 с.
8. **Панарин А.С.** Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.
9. **Крол А.** Теория каст и ролей. Москва: Бомбора: Эксмо, 2020. 160 с.
10. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. Т. 33: Государство и революция. М.: Госполитиздат, 1962. XXII. 433 с.
11. **Зиновьев А. А.** Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. 495 с.

Поступила: 27.08.2020.

Кальней Марина Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), marina.kalnej@yandex.ru

References

1. Il'in I. A. Sobraie sochinenij: v 10 t. T. 2. M.: Russkaja kniga, 1993. 496 s.
2. Berdjaev N. A. Filosofija neravenstva. M.: AST: AST Moskva; AST Hranitel', 2006. 349 s.
3. Fukujama F. Amerika na rasput'e: Demokratija, vlast' i neokonservativnoe nasledie. M.: AST: AST Moskva, 2008. 282 s.
4. Zarubezhnaja fantasticheskaja proza proshlyh vekov. Social'nye utopii. M.: Pravda, 1989. 611 s.
5. Kljuchevskij V. O. Russkaja istorija. M.: Jeksmo, 2012. 912 s.
6. Platon. Sobraie sochinenij: v 4 t. T. 3. M., Mysl', 1994. 656 s.
7. Vallerstajn I. Posle liberalizma. M.: Editorial URSS, 2003. 253 s.
8. Panarin A.S. Pravda zheleznogo zanavesa. M.: Algoritm, 2006. 336 s.
9. Krol A. Teorija kast i rolej. Moskva: Bombora: Jeksmo, 2020. 160 s.
10. Lenin V. I. Polnoe sobraie sochinenij. T. 33: Gosudarstvo i revoljucija. M.: Gospolitizdat, 1962. XXII. 433 s.
11. Zinov'ev A. A. Kommunizm kak real'nost'. Krizis kommunizma. M.: Centrpoligraf, 1994. 495 s.

Kal'ney Marina S., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, associate professor of the Department of Philosophy, Sociology and Politology, National Research University of Electronic Technology (Shokin Square, 1, 124498, Zelenograd, Moscow, Russia), marina.kalnej@yandex.ru

Генезис диалектической связи права и социальной теории. Право как модель регулирования моральных связей

А. А. Ковалев¹, В. Л. Мрочко²

¹Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

²Институт образовательных технологий и гуманитарных наук

kovalev-aa@ranepa.ru

Исследуются различные подходы к пониманию соотношения теоретических представлений о праве и разнообразных теорий социального. Методы исследования включают компоненты социально-философского, историко-логического, политологического, а также сравнительно-правового анализа. Исследование осуществлено на материале изданных трудов и статей отечественных и зарубежных авторов второй половины XIX — XX веков. Рассматриваются исторические корни диалектической связи теорий права и социального бытия, поскольку обращение к теоретическому наследию прошлого поможет разрешить многие проблемы современного правоприменения.

Ключевые слова: социальная теория, право, диалектическая взаимосвязь, этатизм, справедливость, аутопоз, демократия, рационализм, общество, социальное, моральные связи.

The Genesis of the Dialectical Connection of Law and Social Theory. Law as a model for regulating moral linkages

A. A. Kovalev¹, V. L. Mrochko²

¹North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

²Institute of Educational Technologies and Humanities

kovalev-aa@ranepa.ru

Various approaches to understanding the relationship between theoretical concepts of law and various social theories are studied. Research methods include components of socio-philosophical, historical-logical, political science, and comparative legal analysis. The research is based on published works and articles of domestic and foreign authors of the second half of the XIX — XX centuries. The historical roots of the dialectical connection between the theories of law and social existence are considered. Turning to the theoretical legacy of the past will help solve many problems of modern law enforcement.

Keywords: social theory, law, dialectical relationship, etatism, justice, autopoiesis, democracy, rationalism, society, social, moral linkages.

Проблема соотношения и диалектической связи социального бытия и права остается актуальной в эпоху, когда глобальным трансформациям подвергаются привычные социокультурные структуры, когда под угрозу поставлены все проверенные временем основания бытия. Многие современные проблемы были предугаданы крупными мыслителями — философами, социологами и юристами. Эти ученые, работавшие на стыке нескольких отраслей общественно-научного знания, внесли значительный вклад в теорию права и государства. Поэтому обращение к их теоретическому наследию полезно для поиска нового правопонимания, необходимость которого назрела уже давно. В идеале необходимо преодолеть то положение вещей, о котором писал еще Г.Ф. Шершеневич в начале XX века: «Философы не желают сходить с неба на землю, а юристы не хотят поднять своих глаз от земли повыше» [22, с. 20]. К сожалению, данная констатация Шершеневича во многом верна и сегодня.

Сегодня социальная теория — это система знаний, раскрывающих генезис, сущность и содержание социального бытия, механизма взаимодействия и взаимоотношений между людьми. Социальное — это ежедневное непрерывное взаимодействие людей, живущих рядом и общающихся друг с другом. Это — совокупность институтов, сетей, моделей и структур коллективной жизни, возникающих в результате человеческого сосуществования. Таким образом, это коллективная жизнь человеческих групп и популяций, но также и жизнь индивидов, поскольку целое формируется из частей, хотя и не представляет собой простую сумму этих частей.

Социальное — это новое качество, возникающее на определенной ступени развития общества. Социальное — это сфера не только солидарности, идентичности и сотрудничества, но и власти, конфликта, отчуждения и изоляции. Социальное не только отражает стабильные ожидания, поступательное развитие систем, определенные обычаи, общественное доверие и уверенность в завтрашнем дне, но также дифференцирует

и непредсказуемые действия, непредвиденные изменения, насилие, разрушение и разрыв привычных связей.

Иногда социальное рассматривалось с точки зрения эволюции человеческих отношений, например, в знаменитом анализе французского социолога и этнографа Марселя Мосса о значении дарственных отношений [14]. Сущность социального также выявлена в различных типах сплоченности человеческих популяций, или связанности между членами социальных групп. Иногда социальное понималось как категория или институциональная форма, в пределах которой индивиды взаимодействуют, — например, в анализе немецкого философа и социолога Георга Зиммеля. Этот мыслитель анализировал через категориальные понятия такие явления, как «чужой», «метрополия», «мода», «конфликт», «обмен» [8].

Споры о природе и значении социального являются сегодня основополагающими в оценке значимости любой социальной теории. Данное в многочисленных дефинициях в разнообразных трудах, социальное кажется удивительно общим понятием, как объект или область исследования. Тем не менее сущность социального выражается в социальных теориях совершенно по-разному. Например, в классических социологических работах Макса Вебера оно предстает как ограниченное число различных типов социального действия, объединенных бесчисленными способами, чтобы дать начало тому, что мы признаем как «капитализм», «бюрократию», «господство» и как другие, казалось бы, прочные структуры социального мира [3].

Объектом, который служил — имплицитно или эксплицитно — в качестве основной точки притяжения для большинства социальных теорий, является общество, понимаемое как единая целостность. Бытие этой целостности изучается с помощью политики, права, экономики или других, более конкретных, видов социального действия или опыта. Общество в этом смысле есть «сумма связей и отношений между индивидами и событиями — экономическими, моральными,

политическими — на более или менее ограниченной территории, управляемой своими собственными законами» [4].

Даже там, где социальная теория не рассматривала общество непосредственно в качестве своего объекта, ее трактовка социального предполагала, что социальные явления связаны существенным образом. Так, социальная жизнь образует некоторую ткань, она имеет непрерывность и масштаб. Социальное включает в себя классовые, расовые и гендерные, а также определенные экономические отношения. Социальная теория предполагала, что она должна рассматривать все это как компоненты или аспекты более общих моделей или особенностей человеческого взаимодействия и что ее неуклонное внимание должно быть сосредоточено на этой общности. Социальное всегда полагается в некотором смысле уопостижимым — как единство, целостность или некая тотальность.

В классической социальной теории конца XIX — начала XX века понятие «общество» в основном отождествлялось с политически организованным и территориально ограниченным обществом западного национального государства того времени. Поэтому неудивительно, что наиболее существенные и влиятельные вклады в теорию права обнаруживаются в работах французского социолога Эмиля Дюркгейма [7], немецкого социолога Макса Вебера [35] и немецкого философа и экономиста Карла Маркса [12]. Взгляды зарубежных мыслителей во многом соотносились с воззрениями видных отечественных теоретиков права Н.М. Коркунова [10], П.И. Новгородцева [15], Л.И. Петражицкого [17], Б.Н. Чичерина [21] и многих других.

Теоретическое объяснение общества в философских и социологических концепциях можно рассматривать как параллельное изучению правовых систем национальных государств теоретико-правовыми науками. Поскольку социальная теория объединяла в систему знания об общих общественных отношениях и структурах, составляющих общество, она столкнулась с современным правом как общесоциальной

системой определения и регулирования этих отношений и структур. В некотором смысле право и социальная теория конкурировали в характеристике современного общества. Право может рассматриваться в социальной теории как пример определенных структур и моделей, фундаментальных для этого общества.

Так, для Эмиля Дюркгейма сущность права и происходящих в нем процессов отражала частные характеристики современной социальной солидарности, под которой он понимал способ интеграции в современное общество и придание ему чувства единства, несмотря на все возрастающую сложность, на изменчивость и разнообразие [7]. Изучение развития права на протяжении столетий могло бы показать, как постепенно формировались структуры солидарности, позволяющие современному обществу сосуществовать. Ученый сделал вывод, что интегрировать современные общества сможет такая единственная система ценностей, которая потребует всеобщего уважения, автономии и человеческого достоинства каждого отдельного гражданина. Здесь право понималось не столько как совокупность кодифицированных законов, сколько как идея справедливости и гуманизма.

Классическая социальная теория Эмиля Дюркгейма предполагала, что право и мораль неразделимы и что мораль — это «душа» права. Поскольку он понимал мораль как составной элемент нормативной структуры общества, его социальная теория утверждает, что право находит весь свой смысл, авторитет и эффективность в конечном счете в этой моральной структуре [29].

Однако социальная теория Вебера в некотором смысле перевернула утверждения Дюркгейма с ног на голову. Современное право, утратив по причине дискредитации естественно-правовых теорий свое «метафизическое достоинство», раскрывается, по его мнению, не более как «продукт или техническое средство для компромисса интересов». Право не нуждается в моральном авторитете. Вместо этого его правила и процедуры в своей абстрактной формальности

могут сами стать средством придания законности власти, как это имеет место в политическом авторитете — в верховенстве права посредством легитимации правительства. Труды Вебера являются одним из наиболее ярких источников известной идеи: легитимность через нормативную законность и соответствующие процедуры.

Противоположные в некоторых моментах позиции Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера до сих пор находят свое отражение в работах по праву — в социальной теории и в приложении социальной теории к юридическим исследованиям [23; 26; 11]. Постмодернистские идеи о крахе великих нарративов могут предполагать, что авторитет, или обоснованность, всех крупномасштабных структур знания была поставлена под сомнение. Но можно утверждать, что некая идея Вебера о достижении легитимности через легальность остается до сих пор авторитетной в постмодернистской социальной среде. Современное право эпохи глобализации — явно сконструированное, частное и локальное по своему масштабу и постоянно меняющееся — может показаться квинтэссенцией постмодернистской формы знания: не в каком-либо смысле грандиозное «повествование», но совершенно прагматическое воплощение случайности, непостоянства, искусственности, скоротечности и одноразовости. Доктрины и основы права постоянно адаптируются, изменяются, отменяются, дополняются или переосмысливаются для решения новых проблем.

Постмодернистская литература о праве часто подчеркивает одновременную моральную пустоту права и социальную власть в мире, который потерял веру в другие дискурсы [30]. А беспечное признание теорией аутопоэза того, что сама суть юридического дискурса — это круговое рассуждение, имеет некоторое сходство с утверждениями, основанными на постмодернистских взглядах. Например, следующими: самопровозглашенный авторитет права действует достаточно эффективно, чтобы скрыть несогласованность таких понятий, как «общество» и «нация», хотя само юридическое мышление предполагает эти понятия.

Не без связи с этими направлениями мысли появляется акцент, сделанный в гораздо более поздних социально-правовых работах, на конститутивную силу права. Имеется в виду его способность фактически создавать социальное путем формирования с течением времени таких общих идей, как собственность, ответственность, контракт, права, вина, а также понятий интересов, идентичности и общности [9]. Чтобы быть теоретически последовательной, идея права как конститутивная в этом смысле должна, в конечном счете, либо предполагать представление о праве как самодостаточной основе, либо признать, что право и социальное взаимно конституируют. Нужно согласиться, что право получает свой смысл и предельный авторитет от социального в то же самое время, когда оно формирует социальное через свою регулятивную силу. Иными словами, право — это аспект или поле для применения социального опыта, а не некая таинственная внешняя сила, действующая на него.

Этот последний вывод может вновь сделать актуальными вопросы Э. Дюркгейма о социальных основаниях авторитета права и подразумевать, что социальное является более последовательным, стабильным и поддающимся теоретизации, чем предполагают многие работы по постмодернизму [5; 28]. Именно это утверждает влиятельная социальная теория немецкого философа Юргена Хабермаса. Теория представляет образ общества, состоящего частично из систем — экономических, политических и правовых (описанных, например, Никласом Луманом), и частично из той реальности, что Хабермас называет «жизненным миром».

Жизненный мир — это среда повседневного социального опыта, в которой формируются и воспроизводятся несхожие обычаи, различные культуры, нравственные идеи и народные представления. Жизненный мир предоставляет эмпирическое «фоновое знание», с помощью которого люди интерпретируют поведение и коммуникативные действия друг друга. Он также является источником солидарности

и легитимации, необходимых для поддержания различных систем, составляющих общество. И все же общество постоянно колонизируется и трансформируется этими системами. Итак, для Юргена Хабермаса социальное существует во взаимодействии системы и жизненного мира.

В отличие от всех постмодернистских представлений о случайности, неопределенности и моральной пустоте как характеристиках современной жизни, Хабермас в условиях глобализирующегося общества разрабатывает просветительский проект открытия разума в праве, обществе и природе. Он рассматривает право не как самосозидание, а как производное авторитета от разума. Он называет это коммуникативной рациональностью, зависящей от определенных условий, идеальных для его адекватного развития, при которых становится возможным соглашение между лицами, преследующими противоположные или расходящиеся интересы [20].

Право, по Хабермасу, является единственным средством, которое может связать жизненный мир и различные сложные системы современных обществ. Право как система — зависит от жизненного мира в отношении его авторитета и значимости. Дюркгеймовский аспект мысли Хабермаса, таким образом, состоит в настойчивом утверждении, что право должно быть укоренено и должно быть источником социальной солидарности в жизненном мире. Он считает, что право несет главную ответственность за координацию современных обществ, участвуя как в инструментальной рациональности, пронизывающей социальные системы, так и в консенсусной коммуникативной рациональности, необходимой для поддержания солидарности.

В основной работе по теории права Хабермас настаивает на том, что право и мораль различны, хотя и вытекают из одного и того же основополагающего принципа коммуникативной рациональности [31]. Условия для расцвета этой рациональности включают конкретные основные права, которые могут быть обеспечены только с помощью

правовых процедур. Эти процессы, в свою очередь, должны быть направлены на поддержку демократических структур. Таким образом, право и демократия неразрывно связаны между собой.

Взаимодействие между правоведением и социальной теорией вне фокуса национального государства не зависит полностью от новых социально-правовых проблем. Это также может быть постановка старых вопросов в новых контекстах. Некоторые из наиболее важных старых вопросов касаются того, каким образом право обеспечивает свой авторитет посредством реагирования на жизненный опыт или ментальность населения, жизнь которого оно регулирует. Эмиль Дюркгейм, всегда занимавшийся этими вопросами, предложил важную теорию демократии, которая в значительной степени не признана социально-правовыми исследованиями [1; 27]. Он понимал демократию как идеальную практику, которая является вопросом не столько народного представительства, сколько деликатного, осознанного обсуждения, с помощью которого могут быть признаны и подвержены эффективному регулированию основные проблемы и базовые ценности, укорененные в широко распространенном повседневном социальном опыте.

Используя новые методы, Макс Вебер прочно связал изучение права с изучением социального в его современных формах [35]. Современное Веберу право являло собой своего рода зеркальное отражение рациональности и развивалось параллельно с рационализацией других сторон жизни на Западе. Хотя формально-правовая рациональность является особым способом мышления и практики, она может рассматриваться как часть гораздо более широкой рационализации современного мира. Изучение развития правовой рациональности и ее взаимосвязей с другими видами рациональности (особенно в экономической деятельности, управлении и политике) могло бы, по мнению Вебера, дать масштабное представление о природе социального в тех уникальных формах, которые оно приняло на Западе.

Идеи Хабермаса о праве широко обсуждались в социально-правовой литературе, возможно, главным образом потому, что они ясно подтверждают отношение права к разуму и возможность рационального обоснования права перед лицом постмодернистских сомнений [32; 24]. Но эти идеи значительно изменились с течением времени. Из компонентов эмпирической социальной теории, ориентированной главным образом на условия легитимной власти в капиталистических обществах, они превратились в более спекулятивную правовую философию. Интересно, что Хабермас критиковал взгляды Фуко на власть как «совершенно не социологические», но то же самое можно сказать и о некоторых его собственных, очень абстрактных, общих рассуждениях о коммуникативной рациональности.

Возможно, самым поразительным в работах Хабермаса является тот факт, что право стало занимать центральное место в его картине общества. Право может показаться в некоторых образах постмодерна воплощением современного достоверного знания, но в совершенно ином мировоззрении Хабермаса оно представляется, по крайней мере потенциально, воплощающим существенные социальные процессы формирования консенсуса; его интерпретационные процедуры открывают возможности для развития коммуникативной рациональности. Правовые процедуры — это средства, с помощью которых рационально ориентированное коммуникативное действие становится в масштабах всего общества практически возможным. Право — это основа центральных структур общественной жизни, совокупность процессов и процедур, от которых зависит сама целостность общества. Право представляет собой в регулятивных терминах то, что ученый рассматривает как социальное, но оно должно предполагать общую концепцию социального, в которой его регулирующие действия могут иметь смысл. В течение длительного времени западная правовая мысль предполагала политическое общество современного национального государства как отражение общей концепции социального [34; 36].

Карл Маркс, стремясь проанализировать природу и судьбу капитализма, рассматривал право как в некотором смысле надстройку, продукт экономических отношений, а не как некий двигатель, задающий траекторию для развития капитализма [13]. Право зависит от способа производства и от общей структуры социального. Он подчеркивал роль права в определении общественных отношений, подавлении классовых волнений и помощь права в создании способов мышления — прежде всего терминов теоретической области собственности и договора, которые служат фундаментальными идеологическими опорами капиталистических общественных отношений. Подобно Дюркгейму и Веберу, Карл Маркс видел необходимость учитывать развитие права для понимания того, каким образом оно порождало идеи, способы теоретической рефлексии или формы практической деятельности на определенных этапах истории.

Марксистское понимание права как надстроечного явления, детерминированного экономикой, получило широкое распространение в странах, осуществлявших на протяжении XX столетия построение социализма. В Советском Союзе на основе марксистской концепции сложилось этатистское понимание права, характерные черты которого выделил в 1938 г. А. Вышинский: «Советское социалистическое право есть совокупность правил поведения (норм), установленных или санкционированных социалистическим государством и выражающих волю рабочего класса и всех трудящихся, правил поведения, применение которых обеспечивается принудительной силой социалистического государства» [16].

Как отмечает профессор П.А. Горохов, в основе этой формулы лежит «определение Энгельса (“право есть возведенная в закон воля рабочего класса”)». Центральным пунктом этого определения является государство, именно оно устанавливает и санкционирует нормы права, обеспечивая их принудительное выполнение. В случае необходимости государству вполне дозволено переступить через право, личности же — никогда.

Эта этактическая концепция права долгое время безраздельно господствовала в советской юриспруденции. Все другие теоретические схемы были надолго преданы анафеме, в том числе и социологические подходы к праву» [6, с. 108—109].

Таким образом, все рассмотренные мыслители понимали право как существенный элемент преобразования базовых устоев современного общества, как бы по-разному они ни характеризовали эту современность в своих исследованиях.

Этих кратких комментариев достаточно, чтобы проиллюстрировать два момента: во-первых, понимание современности часто на практике было неотделимо от концепции общества в любой социальной теории; во-вторых, право часто трактовалось в классической социальной теории как в некотором роде решающий маркер, компонент или движущий фактор возникновения современного мира. Позднее социальные теоретики часто рассматривали появление определенного вида правовой системы как решающее обстоятельство в этом отношении. Американский социолог Талькотт Парсонс, например, видел в возникновении «общей правовой системы», пронизывающей все традиционные особые статусы и обеспечивающей универсальную систему прав и обязанностей, — «наиболее важную единственную отличительную черту современного общества» [33].

Сегодня рост транснационального регулирования и регулятивных устремлений создает новые стимулы для проведения правовых исследований с опорой на ресурсы социальной теории. Это происходит потому, что потенциально нарушаются давние предпосылки о стабильном отношении права к политическому обществу национального государства. В этом смысле усилия социальной теории, направленные на понимание социального как выходящего за пределы общества или формируемого мощными транснациональными силами, в настоящее время организованы главным образом вокруг концепции глобализации американского экономиста Майкла Портера [18].

Но право не играет заметной роли в теориях глобализации. Это происходит, возможно, потому, что оно обычно рассматривается как пассивный элемент, а не как активно действующее, транснациональное расширение социальной реальности. Глобализация часто описывается в терминах конкретных форм такого расширения, это — гармонизация рынков, трансформация культуры или воздействие новых коммуникационных технологий. Роль права, даже там, где она понимается как жизненно важная в этих разработках, обычно рассматривается как чисто техническая.

Дискуссии, вдохновленные работами Фуко, затрагивают природу современного регулирования и сложность сетей власти в социальном [19; 25]. Эти дебаты имеют большое значение для попыток понять природу и социальные контексты транснационального регулирования. В работах немецкого политического философа и социолога Ульриха Бека выявляются — с точки зрения индивидуализации и риска — новые проблемы регулирования, но также и новые фокусы освободительных политических действий, которые могут, как он подчеркивает, относиться как к транснациональным, так и к национальным аренам [2].

Вернемся к заботе Дюркгейма о нравственных основаниях права, поскольку вопросы нравственности не утратили своей актуальности. Но их гораздо труднее решить, когда социальное уже не может рассматриваться без труда, просто как единое национальное политическое общество. Стало трудно предположить или определить основу моральной сплоченности в таком обществе, учитывая то, что социальная теория учила разнообразию, текучести и случайности социального. И более широкий спектр социальных проблем, на которые в настоящее время распространяется транснациональное регулирование, может казаться еще более очевидным в культурном отношении, разнообразным, изменчивым, фрагментированным и неопределенным по своим масштабам.

Труды по коммуникации исследовали, какие моральные связи возможны и необходимы

в сложных современных обществах. Несмотря на попытки анализировать в традициях социальной теории, они, как правило, неясны в отношении степени существующего в обществах морального консенсуса. Общества в эпоху глобализации рискуют впасть в тоску по старым формам социальной солидарности или моралистическим призывам восстановить проверенные всей человеческой историей ценности. Некоторые альтернативные подходы искали в до-социальной «этике инаковости» основу нравственной оценки социального и, как следствие, средство моральной оценки современного права.

Другой путь вперед может состоять в том, чтобы признать концепцию общины как потенциально полезную замену или дополнение к концепции (национального) общества, и признать необходимость солидарности в общинах в качестве морального оправдания их регулирования. Но любое сообщество должно рассматриваться как существующее в различных формах: в инструментальных отношениях, таких как те, которые обеспечивают основу торговли; в аффективных отношениях дружбы, любви или заботы; в отношениях, основанных на общих верованиях или конечных ценностях; в традиционных отношениях, основанных на общих условиях или историческом опыте.

С этой точки зрения социальное структурируется текучим, сложным переплетением различных типов общности, независимо от того, образует ли это переплетение общество национального государства, или отдельные группы или модели человеческого взаимодействия в этом обществе, или сети взаимодействия, интересы или проблемы, простирающиеся за границы национального государства. С этой точки зрения закон является регулированием и выражением интересов общин.

Мы проанализировали взгляды ведущих теоретиков, рассматривавших соотношение права и социальных теорий. Социальное в общественных науках часто рассматривалось с точки зрения эволюции человеческих отношений. Сущность социального выявля-

лась в различных типах сплоченности человеческих популяций или связанности между членами социальных групп. В таких связях важным элементом была мораль, возникшая намного раньше права. Мораль возникла с зарождением социального, право — лишь с появлением государства.

В классических социальных теориях конца XIX — начала XX века понятие «общество» в основном отождествлялось с политически организованным и территориально ограниченным обществом современного западного национального государства.

Социальная теория рассматривала общие общественные отношения и структуры, а потому в сферу ее интереса неизбежно попало право как общая система определения и регулирования этих отношений и структур. В некотором смысле право и социальная теория конкурировали в характеристике современного общества. Право может рассматриваться в социальной теории как пример определенных структур и моделей, фундаментальных для этого общества.

Литература

1. *Асемоглу Д., Робинсон Д.А.* Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Издательский дом ВШЭ, 2018. 510 с.
2. *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 459 с.
3. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия. М.: РИПОЛ классик, 2018. 288 с.
4. *Гагинский А.М.* Философия беспредпосылочных начал: монография. М.: ИФ РАН, 2018. 191 с.
5. *Горбовец Л.О.* Постмодернизм. Взгляд изнутри: статьи, заметки, размышления. Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2017. 304 с.
6. *Горохов П.А.* Правовой нигилизм: опыт философского анализа: монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 237 с.
7. *Дюркгейм Э.* Социология: Ее предмет, метод, предназначение: пер. с фр. М.: Канон, 1995. 349 с. (История социологии в памятниках).
8. *Зиммель Г.* Избранное. Проблемы социологии / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с. (Книга света).
9. *Исаков И.Н.* Правовая система общества: теория, практика формирования, перспективы развития: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 226 с.
10. *Коркунов Н.М.* История философии права. М.: URSS, 2014. 431 с. (Из наследия мировой философской мысли: социальная философия).

11. **Мариничев Д.А.** Нормативные ценности в современном обществе и их социальная трансформация: монография. Нижний Новгород: ВГИПУ, 2010. 181 с.
12. **Маркс К.** Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. М.: Прогресс, 1987. 203 с.
13. **Маркс К.** О критике гегелевской философии права. Нищета философии. М.: Мир книги: Литература, 2009. 414 с.
14. **Мосс М.** Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии. М.: Книжный дом «Университет» [МГУ им. Ломоносова], 2011. 413 с.
15. **Новгородцев П.И.** Сочинения. М.: Раритет, 1995. 446 с. (Библиотека духовного возрождения).
16. Основные задачи науки советского социалистического права: Мат-лы совещания научных работников права (16—19 июля 1938 г.). М.: Юриздат, 1938. 192 с.
17. **Петражицкий Л.И.** Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М.: РОССПЭН, 2010. 798 с.
18. **Портер М.** Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 452 с.
19. Социальный либерализм: между свободой и этатизмом / [под ред. А.П. Заостровцева]. СПб.: Леонтьевский центр, 2015. 189 с.
20. **Хабермас Ю.** От картин мира к жизненному миру = Von den Weltbildern zur Lebenswelt. М.: Идея-Пресс, 2015. 127 с.
21. **Чичерин Б.Н.** Общее государственное право. М.: Зерцало, 2006. 505 с. (Русское юридическое наследие).
22. **Шершеневич Г.Ф.** Общая теория права. М., Издательство Бр. Башмаковых, 1911. 698 с.
23. **Banakar R., Travers M.** Theory and Method in Socio-Legal Research. Great Britain: Bloomsbury Academic, 2005. 376 p.
24. **Chambers S.** Reasonable Democracy: Jürgen Habermas and the Politics of Discourse. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2018. 256 p.
25. **Cofta P.** Trust, Complexity and Control: Confidence in a Convergent World. New York: John Wiley & Sons, 2007. 310 p.
26. **Creutzfeldt N., Mason M., McConnachie K.** Routledge Handbook of Socio-legal Theory and Methods. Routledge, 2019. 408 p.
27. **Cunningham F.** Theories of Democracy: A Critical Introduction. Routledge, 2002. 256 p.
28. **Docherty T.** Postmodernism: A Reader. Routledge, 2016. 540 p.
29. **Durkheim E.** The Division of Labor in Society. New York: Simon and Schuster, 1997. 352 p.
30. **Goldberg E.S., Moore A.S.** Theoretical Perspectives on Human Rights and Literature. Routledge, 2013. 318 p.
31. **Habermas J.** The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry Into a Category of Bourgeois Society. Massachusetts: MIT Press, 1991. 301 p.
32. **Murphy M.** Habermas and Social Research: Between Theory and Method. Routledge, 2016. 214 p.
33. **Parsons T.** Essays in Sociological Theory. New York: Simon and Schuster, 2010. 460 p.
34. **Sarat A.** Studies in Law, Politics, and Society. Bingley, West Yorkshire: Emerald Group Publishing Limited, 2007. 196 p.
35. **Weber M.** From Max Weber: Essays in Sociology. United Kingdom: Psychology Press, 1991. 490 p.
36. **Whittington K.E., Kelemen R.D., Caldeira G.A.** The Oxford Handbook of Law and Politics. Great Britain: Oxford University Press, 2010. 832 p.

Поступила 14.07.2020

Ковалев Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43), kovalev-aa@ranepa.ru

Мрочко Владимир Леонидович — кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Института образовательных технологий и гуманитарных наук (105005, Москва, ул. Малая Почтовая, д.2/2, стр.8), vlmrochko@mail.ru

References

1. Asemoglu D., Robinson D.A. Jekonomicheskie istoki diktatury i demokratii. M.: Izdatel'skij dom VShJe, 2018. 510 s.
2. Bek U. Vlast' i ee opponenty v jepohu globalizma. Novaja vsemirno-politicheskaja jekonomija. M.: Progress-Tradicija, 2007. 459 s.
3. Veber M. Politika kak prizvanie i professija. M.: RIPOl klassik, 2018. 288 s.
4. Gaginskij A.M. Filosofija bespredposylochnyh nachal: monografija. M.: IF RAN, 2018. 191 s.
5. Gorbovec L.O. Postmodernizm. Vzgljad iznutri: stat'i, zametki, razmyshlenija. Ekaterinburg: Izd. Ural'skogo universiteta, 2017. 304 s.
6. Gorohov P.A. Pravovoj nigilizm: opyt filosofskogo analiza: monografija. M.: INFRA-M, 2019. 237 s.
7. Djurkgejm Je. Sociologija: Ee predmet, metod, prednaznachenie: per. s fr. M.: Kanon, 1995. 349 s. (Istorija sociologii v pamjatnikah).
8. Zimmel' G. Izbrannoe. Problemy sociologii / Sost. S.Ja. Levit. M.; SPb.: Universitetskaja kniga, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. 416 s. (Kniga sveta).
9. Isakov I.N. Pravovaja sistema obshhestva: teorija, praktika formirovanija, perspektivy razvitija: monografija. M.: Jurlitinform, 2016. 226 s.
10. Korkunov N.M. Istorija filosofii prava. M.: URSS, 2014. 431 s. (Iz nasledija mirovoj filosofskoj mysli: social'naja filosofija).
11. Marinychev D.A. Normativnye cennosti v sovremenom obshhestve i ih social'naja transformacija: monografija. Nizhnij Novgorod: VGIPU, 2010. 181 s.
12. Marks K. Nishheta filosofii. Otvet na «Filosofiju nishhety» g-na Prudona. M.: Progress, 1987. 203 s.

13. Marks K. O kritike gegelevskoj filosofii prava. Nishheta filosofii. M.: Mir knigi: Literatura, 2009. 414 s.
14. Moss M. Obshhestva. Obmen. Lichnost': trudy po social'noj antropologii. M.: Knizhnyj dom «Universitet» [MGU im. Lomonosova], 2011. 413 s.
15. Novgorodcev P.I. Sochinenija. M.: Raritet, 1995. 446 s. (Biblioteka duhovnogo vrozozhdenija).
16. Osnovnye zadachi nauki sovetskogo socialisticheskogo prava: Mat-ly soveshhanija nauchnyh rabotnikov prava (16—19 ijulja 1938 g.). M.: Jurizdat, 1938. 192 s.
17. Petrazhickij L.I. Teorija prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. M.: ROSSPJeN, 2010. 798 s.
18. Porter M. Konkurentnaja strategija: metodika analiza otraslej i konkurentov. M.: Al'pina Biznes Buks, 2007. 452 s.
19. Social'nyj liberalizm: mezhdru svobodoy i jetatizmom / [pod red. A.P. Zaostrovceva]. SPb.: Leont'evskij centr, 2015. 189 s.
20. Habermas Ju. Ot kartin mira k zhiznennomu miru = Von den Weltbildern zur Lebenswelt. M.: Ideja-Press, 2015. 127 s.
21. Chicherin B.N. Obshhee gosudarstvennoe pravo. M.: Zercalo, 2006. 505 s. (Russkoe juridicheskoe nasledie).
22. Shershenevich G.F. Obshhaja teorija prava. M., Izdatel'stvo Br. Bashmakovyh, 1911. 698 c.
23. Banakar R., Travers M. Theory and Method in Socio-Legal Research. Great Britain: Bloomsbury Academic, 2005. 376 p.
24. Chambers S. Reasonable Democracy: Jürgen Habermas and the Politics of Discourse. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2018. 256 p.
25. Cofta P. Trust, Complexity and Control: Confidence in a Convergent World. New York: John Wiley & Sons, 2007. 310 p.
26. Creutzfeldt N., Mason M., McConnachie K. Routledge Handbook of Socio-legal Theory and Methods. Routledge, 2019. 408 p.
27. Cunningham F. Theories of Democracy: A Critical Introduction. Routledge, 2002. 256 p.
28. Docherty T. Postmodernism: A Reader. Routledge, 2016. 540 p.
29. Durkheim E. The Division of Labor in Society. New York: Simon and Schuster, 1997. 352 p.
30. Goldberg E.S., Moore A.S. Theoretical Perspectives on Human Rights and Literature. Routledge, 2013. 318 p.
31. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry Into a Category of Bourgeois Society. Massachusetts: MIT Press, 1991. 301 p.
32. Murphy M. Habermas and Social Research: Between Theory and Method. Routledge, 2016. 214 p.
33. Parsons T. Essays in Sociological Theory. New York: Simon and Schuster, 2010. 460 p.
34. Sarat A. Studies in Law, Politics, and Society. Bingley, West Yorkshire: Emerald Group Publishing Limited, 2007. 196 p.
35. Weber M. From Max Weber: Essays in Sociology. United Kingdom: Psychology Press, 1991. 490 p.
36. Whittington K.E., Kelemen R.D., Caldeira G.A. The Oxford Handbook of Law and Politics. Great Britain: Oxford University Press, 2010. 832 p.

Kovalev Andrey Andreevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (199178, St. Petersburg, Middle Ave. V.O., d. 57/43), kovalev-aa@ranepa.ru

Mrochko Vladimir Leonidovich, candidate of historical sciences, associate professor of the department of general humanitarian and socio-economic disciplines of the Institute of Educational Technologies and Humanities (105005, Moscow, Malaya Pochtovaya, 2/2, p. 8), vlmrochko@mail.ru

«Сон разума рождает чудовищ»

Г. В. Лобастов

Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет), Москва, Россия

lobastov.g.v@yandex.ru

Рассмотрен широкий спектр представлений обыденного сознания, который, по мысли автора, не способны преодолеть ни школа, ни педагогика, ни наука. Демонстрация этого выводит на узловые проблемы философской мысли, исследование которых есть одновременно и вхождение в культуру мышления, без освоения которой, без включения ее в контекст образовательной практики формирование свободно-творческого мышления не может быть рационально поставлено. Способ обнаружить чистое начало этой деятельности автор видит в философии Декарта. Через анализ исходных принципов философии Декарта приоткрывается состояние школы и ее неспособность взять в себя исторически развитый ум. Безумие как «сон разума», заключает автор, проникает во все поры жизни и остается там жить, проходя мимо исторически развитой мыслительной культуры.

Ключевые слова: мышление, рассудок, разум, предрассудок, понятие, теоретическая форма, философия, педагогика, школа.

«The sleep of reason gives birth to monsters»

G. V. Lobastov

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

lobastov.g.v@yandex.ru

A wide range of representations of everyday consciousness is considered, which, according to the author, cannot be overcome by school, pedagogy, or science. Demonstration of this leads to the key problems of philosophical thought, the study of which is at the same time entering the culture of thinking, without mastering which, without including it in the context of educational practice, the formation of free creative thinking cannot be rationally posed. The author sees the way to discover the pure beginning of this activity in the philosophy of Descartes. Through the analysis of the initial principles of Descartes's philosophy, the state of the school and its inability to take in the historically developed mind are revealed. Madness as a «dream of reason», the author concludes, penetrates into all pores of life and remains to live there, passing by a historically developed thinking culture.

Key words: thinking, reason, reason, prejudice, concept, theoretical form, philosophy, pedagogy, school.

Если бы к тем максимам, которые зародились в неизвестных глубинах и выразились через умные умы, человечество не относилось с улыбкой как к досужим, пусть и мудрым, а вникло, как верующий вникает

в божественные смыслы, наверное, оно бы ужаснулось от такого многообразия мудрости, свести которое в некое целое просто уму непостижимо. Столько разнообразных суждений, без сомнения, где-то попадающих

в цель, претендуют на всеобщность, и подводят себя под широчайший спектр жизненных проявлений! Разноцветие и блеск этих максим и афоризмов питает наш ум медом мысли, их заманчивой противоречивостью, случайной сменой позиций. И ум не успевает их совместить и, вместо того чтобы выйти на позицию его единства, утомляется этой мыслящей суетой. Все противостоит всему, и во всем есть смысл. Но суета мысли наталкивается на, казалось бы, неоспоримые пределы, и, устав, понимает, что это именно суета. На том, как будто, и успокаивается. А действительная мысль, спрятанная в глубинах истории, там, в этих глубинах и остается.

Но туда, в эту глубину, всматривается философия и религия. «Так как мы появляемся на свет младенцами и выносим различные суждения о чувственных вещах прежде, чем полностью овладеваем своим разумом, нас отвлекает от истинного познания множество предрассудков» [1, с. 314].

А не в этих ли максимах лежит это указанное Декартом «множество предрассудков»? Известно, что философия — Кант первый — разделила мыслящую способность на формы рассудка и разума. *Рассудок* схватывает и упорядочивает факты, выражает их через строгую формальную форму, удерживая эти факты в их покое и самотождественности. Это — господствующая форма в обыденном сознании и науке. Объект здесь всегда мыслится как внешний и противоположный сознанию. Традиционная формальная логика — это теория рассудка.

Разумная форма входит в любую предметность, исходя из принципа самой этой предметности, в ней воссоздается бытие предмета в его внутренней логике от возникновения до завершения в своих собственных пределах, — до перехода в другое, то есть в полном объеме его пространственно-временного существования. Но и, следовательно, с исследованием самого принципа, основания, начала этой особой предметности. Сознание здесь не противостоит действительности, наоборот, оно мыслит себя пустой бессодержательной способностью

исполнять себя содержанием мыслимого предмета. И задача такого совпадения мышления и бытия здесь мыслится как задача обнаружения истины.

Кажется, что и в рассудке, и в разуме стоит одна и та же задача. Рассудок ищет полноты описания факта, выразить его в общезначимых формах своей логики. То же самое будто бы делает и разум. Только разум как бы выходит за пределы «факта», видя в них только внешнее проявление действительности, исполненной такими определениями, которые скрыты от непосредственного опыта. Здесь ищется и обнаруживается полнота самой действительности. В ее предельных формах, где причинение доведено до самопричинения, необходимость — до свободы. Здесь абсолютное есть необходимая категория. И здесь есть требование это абсолютное выразить в его внутренней логике.

Но и в максимах мы имеем дело с претензией на абсолютность. Однако здесь эта абсолютность дается как абстрактно-всеобщая форма, требующая от субъективного ума способности свои смыслы определить через выраженное в максиме всеобщее определение. В этом и заключается *предрассудок* — как форма неразвернутой в себе мысли, где нет рефлексии, нет размышления, т.е. нет даже рассудочной формы. Как форма, схватывающая некое абстрактно-всеобщее свойство, которое может быть бесспорным, но до предела односторонним. Фиксирующим то ли наличный признак некоего бытия, то ли некое всеобщее требование. Именно — максима.

А что же такое «истинное познание», от которого нас отвлекают эти предрассудки, как говорит Декарт?

По Декарту, истина дана в своей очевидности. А там, где есть сомнение в ней, человечество ищет способы ее обоснования. Доказательство в науке — это от ума. В живой действительности, где ума всегда бывает недостаточно, об истине заботятся далеко не всегда, и часто даже открытую фальшь прячут под формой «мимикрии» — как в животном мире. Здесь не обязательно раздуться, чтобы напугать, хотя нечто подобное

в культуре вы встретите, достаточно знака, что ты «раздутый», или, в современном жаргоне, «раскрученный». Ну а медали, пьедесталы, свидетельства и дипломы — здесь, даже внутри этого способа представления себя, давно появилась своя особая мимикрия: подделать бумагу — это ведь никому не кажется «подделать себя». Не кажется потому, что ты сам давно уже подделка, и требуется еще одна особая форма мимикрии под человека. Как исторически сформировавшийся социально-культурный тип, способ обнаруживать себя в бытии. «Быть или казаться». Широчайшее поле для пустых дискуссий.

Потому ум в своей истине и ум, представляющий себя таковым только в своем самосознании, — вещи совершенно разные. Если он, ум, знает себя и обосновал себя как универсальную всеобщую способность, равную возможностям субстанции, Богу, то такая форма ума свободна и в себе, и в бытии. Поскольку *способна знать* это бытие и выстраивать свою деятельность на основе знания его, бытия, необходимых форм движения. Философия всегда искала эту способность.

Что же должна делать школа в этой ситуации?

Боюсь сказать, но с достаточной определенностью кажется, что для школы проблемы истины, иначе говоря, понятия как выражения сути вещи, — для школы такой проблемы просто не существует. Такая проблема даже в науке возникает редко, но наука свои понятия отрабатывает по мере погружения в материал и выстраивает их содержание по мере обнаружения определенности тех свойств, которые она в этом материале находит. Методология научного познания отражает этот процесс, но в своих суждениях эту проблему — проблему понятия — специально не тематизирует, идя вслед стихийно сложившимся представлениям на этот счет самой науки. А наука, если рефлектирует свою *понимающую* способность, то явно исходит из стихийно-позитивистских представлений, дальше эмпирических обобщений не идущих.

Поэтому и понятие представляется как четко определенный термин, как образ той абстракции, которая сложилась в движении познания. Поскольку школа преподает начала научного знания, постольку она опирается именно на эти представления, освященные авторитетом науки. И вслед за наукой выстраивает понятия, т.е. понимающую способность в сознании школьника.

И иллюзия понимания здесь совершается разного рода ассоциациями, наглядностью, субъективной модальностью и т.д., не говоря уже о методиках, закрепляющих в себе эти наличные формы «образовательно-воспитательной» деятельности. И о тех структурах сознания, которые в стихийном опыте ребенка складываются и развиваются. Тем самым еще дальше уходя от *понятия* как вполне особой и определенной формы мышления, выработанной в человеческой культуре.

Двигаясь таким образом в стихии бытия и в формах мышления науки, сами эти формы начинают представляться как сами собой разумеющиеся. Они уютно живут и в предрасудке, и в подсознании, т.е. остаются неосознаваемыми. И поставить задачу обнаружить и понять природу этой способности, становится еще сложнее. А сама ведь эта задача объективно возникает как необходимость разобраться в составе человеческой субъективности, — чтобы различающая способность педагога могла сознательно формировать именно понимающую способность, не путая ее с чем-то другим и чем-то другим не подменяя. Сегодняшняя собственно практически-педагогическая проблема и заключается в том, что фундаментальная форма мышления, центральная, ключевая его способность, *способность понятия*, оказывается подмененной традиционной формально-логической ее трактовкой. А суть формально-логической трактовки понятия заключается в обобщении эмпирического материала на основе тех или иных признаков, которые обнаруживаются в этом материале и из него абстрагируются. Совокупность ясно очерченных и осознанных этих признаков и трактуется как понимание, как понятие вещи.

Представление о такой форме мышления столь банально и кажется настолько естественным, что и наука, и школа воспринимают его без всякой критики. Это даже может показаться очевидностью. *Содержание* понятия, говорит формальная логика, описывающая мышление, — это совокупность необходимых и достаточных признаков мыслимого предмета. Этой мысленной акцией я не только фиксирую определенность предмета, но и, естественно, выделяю его из состава всего прочего множества предметной действительности. Четко и ясно. И тут уж квадрат никогда не перепутаешь с кругом. А если начинается путаница, ум ученого начинает уточнять состав признаков, ищет такой, который позволил бы восстановить исчезнувшую определенность в восприятии действительности. Для большей ясности это понятие определяется еще через отношение к составу самой предметной действительности (денотат): какой класс, какое множество вещей, через совокупность признаков выделенных, фиксирует это понятие. Скажем, понятие «звезда» составом своих признаков относится ко всем звездам, найденным и находимым, возможным и действительным. И наука этой традиционной логики называет это обстоятельство *объемом* понятия.

Студент, даже самый недалекий, никакой проблемы тут не видит. Не видит он проблемы и тогда, когда эта логика рассказывает об отношениях понятий по объему, — как некий предварительный абрис для объяснения *формы суждения*, которая выражается через отношение минимум двух понятий в рассуждающей деятельности. «Солнце есть звезда», «Круг не есть квадрат». Банальности. И студент с этой банальностью соглашается, опять все понятно.

Что же, однако, происходит, когда с этими правилами логики человек пытается войти в реальную действительность? Вот, скажем, требуется выразить отношения сугубо бытовых понятий — «окно», «подоконник», «комнатный цветок». Этот тест на «логическую оформленность мышления» я практикую столь давно, что его уже «полмира» знает

и приспособились «списывать». Ибо только единицы могут логические отношения между этими понятиями выразить правильно, т. е. по только что разъясненным правилам логики. Остальные сразу впадают в эмпирическое болото и начинают выдавать все возможные перестановки их, выделенных этими «понятиями», вещей: цветок оказывается и под окном, и на подоконнике и вообще вне комнаты (а ведь комнатным называется!). А подоконник то полностью включается в окно, то исключается, то их объемы пересекаются.

Забавно. Но и печально. Абсолютно отсутствует способность различения логического и эмпирического. Фразы про отношения этих разных «уровней» знания, услышанные по курсу философии, так фразами и зависли. Подобное происходит и в околонаучном интеллигентствующем сознании. Спросите, что оно, это сознание, скажет про объем и содержание, например, таких понятий как государство и общество, право и справедливость, коммунизм и фашизм. Ушлые телеведущие в своих интеллектуальных шоу на этих вещах выстраивают свои сюжеты. А публика слюной исходит в попытке перекричать друг друга.

А в науке как? Это в математике вы не перепутаете круг с квадратом. Хотя совсем бессознательно (поскольку без всякой логической рефлексии) без всякого смущения определяете окружность через многоугольник с бесконечным числом сторон. То есть сводите в тождество прямое и кривое (помните Гераклита?). Это — в точной-то и «однозначной» математике! Формальная логика математики, не заметив, вышла за свои собственные пределы.

А когда мы слышим попытки различения животного и человека, психики и мозга и др.? Пределов спорам тут даже не видно. И кажется, все дело науки заключается в нахождении четких границ между понятиями.

И что же можно хотеть от школы, если в науке все далеко от идеала четкости и однозначности, которую требует «правильная» школа? Только исключением из программ того, что «не нужно», включая сюда и логические формы. Логика как науки, как

учебной дисциплины, давно уже нет ни в школах, ни в вузах. Как нет там и философии, набор максим и пословиц и прочей чепухи начинает выглядеть гораздо глубже отвлеченных законов и догм, пустых фраз и биографических картинок, возносимых от имени философии. Обезьяна (не обязательно уровня шимпанзе) без труда (именно без труда!) пройдет тестовую проверку в магистратуре — не только по философии. А логические противоречия исключаются не только из школы, но и из науки. Ибо до сих пор мыслятся абсурдом.

С чего начинается школа? С ума, который она содержит в себе. Что это за ум? Задачку, которую я придумал для студентов, показать объективные условия превращения четырех капель воды в двадцать одну, каких всеобщих и необходимых физических условий требует осуществление этого единичного случая, показать их особый синтез, приводящий к этой «случайности» (в традиционной формальной логике это называется конкретизацией) без вмешательства каких-либо субъективных действий — задачка эта обнаруживает полное отсутствие ума, т. е. способности движения по логике объективной действительности. А ведь ближайшим образом через эту задачку прорисовывается и проблема (в ее общем «схематизме») возникновения человека, и проблема человеческой индивидуальности (что «очень умные умы» ищут в мозгах или в генетическом материале; а которые вообще без ума — в Боге). Не разберетесь, не увидите этот *логический путь синтеза* «определений Космоса в космос человеческой Личности» — забудьте претензию на разумность своего человеческого бытия.

Гераклита называли плачущим. Горе от ума, с иронией фиксировал это обстоятельство в мире Грибоедов. Тогда эту задачку я, — правда, не без дьявольской улыбки, — предложил своим знакомым коллегам (кстати, все доктора наук) из области философии, психологии, математики, физики, техники, экономики. И здесь обнаружилась картина, которую, правда, дьявольщина во мне предчувствовала, но чтобы получить такой боже-

ственный идиотизм — этого я никак ожидать не мог [2].

Что же произошло? И студенты, и доктора оказались неспособными увидеть в этой задаче методологическую проблему. Даже в такой примитивно-простой ее форме как математическая: показать общематематические условия превращения четырех в двадцать один. Известно же, что поставить проблему, это наполовину решить ее. Где же спрятаны начала всех этих трудностей? Но следует заметить, что начала, из каких исходят студенты и доктора наук — это и в подметки не годится той «великой человеческой мудрости», которая сосредоточена в максимах. Которые я отнес на счет предрассудков.

Декарт (это знают и студенты, и доктора) подверг сомнению все предрассудки, содержащиеся в составе человеческих представлений. И все, что почиталось истиной. Включая Бога. И начал все с начала. И первая проблема, которая тут возникала, определить это начало. Делает это Декарт для того, чтобы, обнаружив начало мышления, выстроить такой метод, прорисовать такой путь, идя по которому (даже без собственного ума, а только не теряя из виду этот путь), обязательно придешь к истине. Вот бы такую задачу поставить перед собой школе!

Но здесь не место обсуждать программные требования системы образования, заметим лишь, как отмечает Гегель, что вместе с Декартом «начинается новая эпоха философии, благодаря которой образование получило возможность облечь принцип своего высшего духа в мысль, в форму всеобщности» [3, с. 257].

Но разве Демокрит, Платон и др. не занимаются тем же самым? Однако это проделал и «в мысль, в форму всеобщности», вошел только Гегель. До Гегеля любая попытка осмыслить мир в его абсолютном содержании, а тем самым и *осознать всеобщий способ своего осмысления*, наталкивалась на логические противоречия. Очевидность принципов формального мышления была столь убедительна для самого мышления, что Декарт самое эту *очевидность* сделал опорой в своей попытке выстроить теоретический метод мышления.

Эта декартовская очевидность, как данная уму (не глазу) истина, оказалась основанием утверждения, что эти истины врожденны человеку, положены в нем самим Богом. Если я Бога прочитаю как общественно-историческую духовную культуру, но не смогу из этой культуры мышлением выстроить человеческое «Я» в полноте его существенных определений, то эти лакуны мышления, провалы в логике, окажутся завалами субъективного мусора. Мусора липкого — как паутина на глазах.

И должна быть смелость и чуткость ума, чтобы усмотреть этот самый ум в его чистой форме. И эту форму развернуть в ее полноте. Повторю, что это удалось только Гегелю. Но то, что сделал Декарт, является непреходящей его заслугой. Ибо здесь не только намечена, но и во многом развернута диалектика движения от единичного к всеобщему и, одновременно, от всеобщего к единичному, — как движение мысли к абсолютной истине с обоснованием каждого шага этого движения.

Но логическая мысль, как движение в пространстве предельных форм, как выражение связи этих пределов, чистых форм, категорий, которые суть *безусловные* формы мысли, необходимые и всеобщие формы ее существования, эта мысль наталкивается на свой абсолютный предел — на противоречие своих собственных форм, на противоречие этих категорий. Противоречие для мышления всегда, вплоть до Гегеля, выступало досадным явлением, из которого делали различные выводы, ближайшим из которых было видеть в этом предел самого мышления, его неспособность проникнуть в мыслимую вещь дальше этого противоречия. Это четко зафиксировал Кант. Элеаты в противоречии увидели плутающее по фактам досужее *мнение*, не содержащее в себе истины. Максимы — точки опоры *мнящего* сознания. Их разнообразие и противоречивость — питательная почва любой софистики.

Эти, как будто бы естественные, выводы из противоречий в мышлении ориентировали и поиск истинной логической формы. Чтобы, определив ее, можно было с уверен-

ностью говорить, что ее выводы в познании того или иного предмета тоже будут истинными. Такая логика в глазах логиков начинает выглядеть универсальным средством истинного познания, познания истины. Начиная с Френсиса Бэкона это становится сознательной установкой. Разработка и обоснование такой логики (метода познания) становится специальным занятием философии.

«Рене Декарт является героем, еще раз предпринявшим дело философствования, начавшим совершенно заново все с самого начала и создавшим снова ту почву, на которую она теперь впервые возвратилась после тысячелетия отречения от нее. Влияние этого человека на его эпоху и вообще на ход развития философии так велико, что как бы ни было подробно изложение, оно не будет слишком пространным. Этим своим влиянием Декарт обязан преимущественно тому обстоятельству, что он в свободной, простой и вместе с тем популярной манере, отбрасывая всякие недоказанные предпосылки, начал с самой общедоступной мысли и совершенно простых положений и свел содержание познания к *мысли и протяжению* или *бытию*, как бы поставил перед мыслью эту открытую им противоположность. Это простое мышление выступило в форме *определенного, ясного* рассудка и, таким образом, его нельзя назвать *спекулятивным* мышлением, *спекулятивным разумом*» [3, с. 254—255]. В этой, весьма четкой и точной оценке философии Декарта легко увидеть, что именно с него и надо бы начинать введение в мышление. Но чтобы развернуть эту краткую гегелевскую характеристику философии Декарта, требуется, как минимум, показать тождество мышления и бытия, т. е. решить задачу, которую он так отчетливо, «совершенно заново» поставил.

Декартовская философия не просто привлекательна, а в силу неспособности нашего сознания мыслить глубже форм здравого смысла, она оказывается и сегодня той исходной предпосылкой и каймой мышления, которым живет не только обыденное сознание, но даже наука. Там, где наука пытается

очистить себя от привходящего «мусора», она находит в себе именно эти рассудочные формы, а если пытается идти дальше, то наталкивается на предрассудки, которые и принимает как основоположения. Декарт как раз и пробивает этот предрассудок, начиная с формы сомнения и пытаясь найти такой принцип, который бы сам себя обосновывал. Современная наука, с помощью позитивистской философии всматриваясь в себя, не может так просто, как Декарт, усомниться в своих бессознательных предположениях по существу, и попытки ее перестраивать свои парадигмы касаются только тех принципов, которые сводятся к предметному содержанию, но никак не к принципу мышления вообще. Не поднимается наука и выше — в те слои, которые послекартезианская философия выработала и утвердила.

Именно эти позиции картезианской философии, бытующие в обыденном сознании, школе и науке, и представляют собой начала, господствующие в этих сферах. И, одновременно, — как следствия, этими сферами порожаемые. Потому, по большому счету, это не вина Декарта, в философско-абстрактной форме открывшего сознанию его, сознания, собственный рассудочный образ мысли, а, скорее, великая заслуга, ибо теперь можно в зеркале его философии видеть самого себя.

Формы мышления, на которые выходит человеческое познание, всегда остаются в стороне от движения общественных смыслов, оставаясь доступными только научно-обособленным формам познавательной деятельности. То, что добывает философия, проходит мимо общественного сознания, касаясь его лишь той стороной, которая ассимилируется лишь формами актуальных потребностей. И этими формами преобразуется.

Ни одна философская система не вошла в общественное сознание в своей истине и полноте. Декарт гораздо плотнее совместился с представлениями обыденного сознания и сообразно этим представлениям его образ мышления культивировался во всех сферах, поскольку во всех сферах принципы рассудочного сознания имели (имеют) гос-

подствующее значение. Везде отрабатывался его дуализм, естественным образом тяготеющий к Богу, везде имел место бессознательный религиозный взгляд. Эта ситуация сохраняется и по сей день.

Тут, похоже, требуется некоторое пояснение. Понятие в диалектике (диалектической логике) — это не просто результат всего познавательного процесса, в котором, результате, понятие представлено как синтез многообразных определений. Понятие — это деятельная *способность* понимания, способность, несущая в себе *способ* движения к сущности вещей, содержащий в себе форму преобразования этих вещей. Понятие — это *образ вещи во всех ее образах*, как явленных, так и потенциальных. Понятие поэтому-то и разворачивается как категориальная мыслящая форма, закрепляющая себя в теории. Процесс понимания (понятия) есть процесс выведение всех определений мыслимого предмета, это движение мысли, выстраивающей предмет в сознании таким, каков он на самом деле. В наличном бытии мы его, правда, находим всегда в застывшей форме, в неизменном состоянии, «его время» эмпирически не дано, мы можем только экспериментально, воспроизводя этот предмет, «видеть» чистое время его бытия, в мышлении же время вообще исключается, там образ предмета дан в своей внутренней последовательности только как последовательности логической. А не фактически-эмпирической. В реальной же истории этого предмета, наполненной случайными обстоятельствами, время его становления может быть растянуто на неопределяемую величину. И в силу тех же самых случайных обстоятельств это становление может быть и не завершено, вещь не достигает своего объективного идеала, завершения, своей замкнутой на себя безусловной формы.

Формирование понятий в представлениях традиционной рассудочной логики осуществляется через абстракцию, сравнение, обобщение, ограничение. Чему в школе и учат. Правда, без сознательной рефлексии этих форм движения субъективности. А сознательной рефлексии нет, потому что

даже эта «школьная», по выражению Канта, логика, повторю, в школе не изучается, как не изучается она и в педагогических вузах.

«Понятие возникает тогда, — пишет Л. С. Выготский, — когда ряд абстрагированных признаков вновь синтезируется и когда полученный таким образом абстрактный синтез становится основной формой мышления, с помощью которого ребенок постигает и осмысливает окружающую действительность» [4, с. 174]. Эта мысль Выготского как будто мало чем отличается от традиционной трактовки понятия в формальной логике. Обособление ряда признаков даже при условии их особого синтеза еще не свидетельствует о наличии истинного понятия, хотя функционально такое мысленное образование может использоваться именно как средство осмысления пространства восприятия. Эта форма, как ясно, складывается стихийно, и Выготский дает анализ всех объективно складывающихся форм развивающегося в онтогенезе мышления, и этот путь становления понятия в детском возрасте очень интересно сравнить с теми формами, какими живет мышление взрослого.

Удивляет факт, что мы мыслим гораздо шире и глубже, чем то мышление, которым нас питает школа — любой сознательный процесс воспитания и образования. И, кажется, что человек от самой природы есть человек, и в стихии бытия он только обнаруживает то, что ему принадлежит от природы. Ибо и вне школы начинается в человеческом мире все понимать по-человечески. Поэтому с легкостью берутся заниматься воспитанием и образованием, даже не коснувшись предварительно умом проблемы того, что есть человек. Удовлетворяются самыми примитивными и расхожими представлениями на этот счет. Сообразно тем формам и способам понимания, которые там, в этих представлениях, имеют место.

Но ум, воспринявший историческую культуру мышления, осуществляет себя как способность критичная к себе и к наличному содержанию действительности. Как способность, не зависящая от текущего положения вещей и *свободная в себе*, поскольку

зависит только от *идеального* содержания этого мира. От тех чистых форм объективной действительности, которые выявляют практика и познание.

Л. С. Выготский разворачивает целую панораму форм становящейся способности понимания, фиксируя и определяя ряд форм мышления (как они выглядят с психологической стороны), которые еще понятия не достигают и которые Выготский именует предпонятиями. Мышление, существующее в формах предпонятия, — это *здоровый смысл* не только обыденного сознания, но и научного мышления.

Одна из таких форм предпонятия есть «псевдопонятие» — «обобщение, возникающее в мышлении ребенка, напоминает по внешнему виду понятие, которым пользуется в интеллектуальной деятельности взрослый человек, но которое по своей сущности, по своей психологической природе представляет нечто совершенно иное, чем понятие в собственном смысле». «...Перед нами комплексное объединение ряда конкретных предметов, которое фенотипически, т. е. по внешнему виду, по совокупности внешних особенностей, совершенно совпадает с понятием, но по генетической природе, по условиям возникновения и развития, по каузально-динамическим связям, лежащим в его основе, отнюдь не является понятием. С внешней стороны перед нами понятие, с внутренней стороны — комплекс. Мы поэтому называем его псевдопонятием» [4, с. 148]. Выготский пишет про детский возраст, но где вы увидите в поколениях взрослых мышление в понятиях?

Откуда и почему возникает такая ситуация?

«Утверждая абстрактно-потребительское отношение к вещам природы, гасящее всякий интерес к ним самим по себе, к их определенности, эта жизнедеятельность необходимо полагает ситуативную логику мышления. Жизнетворящая сила вещей летуча, сверхконечна, абстрактна, она принадлежит не вещи в ее определенности и необходимости, а ситуации — во всей ее случайности и неопределенности. Эта сила

всегда зависит от чего-то другого, вообще говоря — «от всего». Вещь в силу этого превращается в комплекс, объединяющий в себе это «все» [5, с. 40]. «Комплекс» — не мистический домысел, он — нерасчлененный, не проанализированный, непосредственный образ практически нерасчлененной действительности» [5, с. 40, прим.].

А вот что пишут даже в учебных пособиях: «В тех случаях, когда наука не может дать четкого определения какому-то предмету или явлению, люди пользуются понятиями» [6, с. 22]. Конечно, каковы учителя, таковы будут и ученики. Но ведь такие суждения о понятии авторы этой «мысли» вынесли не из школы, скорее из криминальной среды, однако ничто не мешает им нести этот «маразм от науки» в ум школьников.

Не читайте учебники, кричу я студентам, начните с Декарта!

В учебниках поумнее мы можем прочитывать, что мышление осуществляет себя в движении от абсолютного к относительному, от всеобщего к единичному, от бесконечного к конечному и т. д. Как это часто делают, пытаясь объяснить диалектику мышления. Сами по себе эти фразы не несут в себе *понятия*, но способны, конечно, воссоздать определенную картину в образе воспринимающей субъективности. Таких фраз, вынутых из самых различных областей знания, по миру гуляет множество, и они, как те максимы от человеческой мудрости и догмы от науки, тем опаснее, как подчеркивал Э. В. Ильенков, чем больше в них отражено истины. Ибо смысл этой истины остается за фразой. Формулировка закона всемирного тяготения опирается на теоретический опыт физики, но никак не на наблюдаемые факты падения всех тел на землю. А наблюдаемый факт «Луна не падает на Землю» не вызывает недоумения, и никакого вывода из этого факта не может сделать студент-магистр технического вуза. Сколь бы он ни гулял под Луной, ньютоновской «эврики» не получается. Даже осведомленный в теории физики, он объяснить этот факт не может. Что это, — «сон разума», или безумная (без ума)

школа не ввела в способность объяснять факты через закон?

А ведь все определения мышления получают свой полный и развернутый смысл только тогда, когда мышление *сознательно выходит на свои абсолютные пределы*, где любая относительная, конечная форма вынуждена проявлять себя через форму абсолютную. Этот предел, абсолютное, дает устойчивость самой форме мышления, и переход абсолютного в относительное, в подвижное бытие определенной особенной вещи, дает нам картину движения самого мышления.

Хотя Гегель и говорит, что изложение у Декарта, «особенно в тех его произведениях, которые содержат основы его философии, носит какой-то весьма популярный характер, заставляющий очень рекомендовать их для начала философских занятий» [3, с. 256], эти рекомендации прошли как бы мимо. Способ вхождения в философию совпадает со способом исторического развития самой философии, но это так, если на дело смотреть в его «чистоте». Философия ищет начало, такой принцип, такое основание, из которого выводилась бы сама мысль в ее необходимом развитии. Ведь только таким образом можно показать, как в мышлении проявляется суть любого предметного содержания. Мыслить с *начала* самое *мысль как некий предмет* или некий предмет мыслить с *его начала* — это, по существу, одно и то же.

Ибо мысль обязана развернуть любой предмет, входя в его начало и из этого начала воспроизводя все его необходимые формы в их последовательно-временном ряду до объективно-логического завершения его бытия. В этом и состоит истинный смысл философии — дать способ мышления действительности.

А педагогика, как будто бы призванная вводить в существо известного культурно-исторического предметного содержания, вполне обходится без философии, без того, чтобы начинать с *начала*. А ведь именно теоретическое знание предмета, воспроизводящее его с начала, с момента возникновения

до «идеального завершения», есть *идеал* научного познания, но никак не практически-прикладного освоения. Поэтому вещь и не постигается в ее истине, в ее собственном объективном содержании, которое, конечно же, явно превосходит то знание этой вещи, которое востребовано актуальными потребностями бытия.

С творчеством Декарта, говорит Гегель, в это сознание вошла *мысль*, форма всеобщности. Но если эта форма всеобщности найдена в некоем особенном содержании, то с изменением этого содержания (или с прохождением его вообще) возникает необходимость изменения самого принципа, — что история и философия науки оправдывает именно историческим характером познания. Однако это весьма односторонний взгляд на процесс познания, взгляд, который постоянно выпадает в релятивизм, а потому и в агностицизм. Абсолютный момент, *форма всеобщности в своей собственной всеобщей форме* остается невыраженной, а потому и непонятой. Философия обязана выявить всеобщее в чистом виде, искать универсальный принцип, способный обосновать самого себя. Именно так и поступает Декарт.

И здесь он вполне определенно указывает, что мысль должна начинать с самой себя. Его знаменитое *cogito ergo sum* поэтому должно быть — как начало мышления — понято не в том примитивном духе, который так легко превращает это положение в банальность. Но чтобы увидеть небанальное содержание *cogito ergo sum*, придется заглянуть в контекст той серьезной исторической традиции в философии, где мышлению придавали значение определяющего начала в понимании бытия и вопрос сводили, так или иначе, к взаимосвязи бытия и мышления. Ибо, не обнаружив формы их отношения, мышление не может что-либо сказать о бытии. Сам переход в бытие остается необъясненным, а потому и само бытие оказывается сомнительным. Педагогическая задача сводится в конечном счете к выстраиванию мышления, его способа, ибо только в процессе этого выстраивания и осуществляется теоретическое освоение действительности.

Чтобы выйти на такое абсолютное основание, Декарт делает первым требованием философии устранение всяких определений. Мы должны отказаться от всякого *предрассудка*, говорит он, т. е. от всяких *предпосылок*, которые непосредственно принимаются как *истинные*, — и начать с мышления, чтобы, лишь исходя из него и с опорой на него вывести «чистое начало». Чтобы осуществить выражение предмета в едином мыслительном поле.

Начинать с Декарта в деле выстраивания своей мысли — дело не такое простое. До *cogito ergo sum* даже дойти не удастся — не то, чтобы его анализировать в качестве исходного принципа, посредством которого требуется вывести все последующие определения. А не сумев сделать это, думать, что нечто в твоём движении мысли можно принимать как истинное — нелепость. Педагогическая практика с такой попыткой выведения на абсолютное основание показывает полное отсутствие способности теоретического мышления. Более того, такое положение не только в сфере образования, где задача исключить все предпосылки и привходящие определения при попытке войти в понятие предмета скорее оказывается задачей не учебной, а всего лишь *задачей определения уровня* развития мыслительной способности. Точно такая же ситуация и в сфере науки.

Познание интересует содержание и сущность самих фактов, *их природа*, и проникнуть туда мы можем только посредством их теоретического анализа. А вот что это такое теоретический анализ, нельзя рассказать без анализа самой этой теоретической формы. Разложение познавательной способности на ее составляющие, абстрагирование от нее и отвлеченный анализ входящих в нее форм-функций — такое разложение еще не дает нам образа работы субъективности. Трафаретный ряд последовательности этих функций, склоняемый в учебниках и, по существу, признаваемый широким общественным сознанием, включая научное, абсолютно ничего не дает для понимания самого процесса познания.

Это даже школа понимает, разводя математическую «теорию» и практику решения задач. Выстраивание математического

образа реальной ситуации, требующей разрешения, есть нечто иное, чем движение согласно математическим операциям внутри полученного уравнения. Более того, ясно, что математическое выражение действительности не есть познание этой действительности. Потому кажется понятным, что за математическим мышлением лежит некая другая способность, дающая полноту определений предмета, а не только его математический образ. Где сходятся (и сходятся ли?) эти два вектора движения — математически-предметный и субъективно-познавательный, как видим, остается проблемой.

Кант имел основания заявить, что никакая школа уму не научает. Ибо ум осуществляется именно в переходе от всеобщего к особенному. А это противоречие. Понятие перехода, форма превращения одного в другое здесь остается непонятой и неописанной. Если Декарт не выстраивает такого перехода, то своей попыткой выстроить метод познания *для любой науки* он дает достаточно осмысленные методологические ориентиры для работы самоконтролируемой субъективности. Происходит это потому, что он остается в рамках рассудка с его принципами, описанными формальной логикой.

Система координат, созданная Декартом, как раз есть метод, и принцип ее вполне согласован с системой его философии. Объясняющее мышление восходит к началу, и Декарт показывает, что такое начало вне мышления найти нельзя — без допущения неких предпосылок. Но эти предпосылки точно так же допускаются мыслью, а потому имеют опосредованный, следовательно, не изначальный характер.

Математика, например, работает с чистыми формами, и ей наплевать, каким цветом художники расписывают ее эти чистые формы. В сфере же более *сложной*, где в каждой вещи, в каждом явлении *сложены* (и всякий раз по своему закону — то как химическая связь, то как механическая и т. д.) многообразные воздействующие и взаимодействующие обстоятельства, способность различения (как первое движение мысли) должна быть исполнена великой внутренней

силы, чтобы в абстракциях удержать весь состав этой «сложенности», не потеряв одновременно принципа их синтетического единства.

Вглядываясь в работу детского мышления, кажется, легко выйти на позиции Канта — без того, чтобы читать «Критику чистого разума». Школа этого не знает, и ее желание опереться на уровень развития индивидуальных способностей обречено на стихийно-интуитивное действие. Именно эту стихию упорядочивает теоретическая педагогика с ее методическими выходами: внутренней природы жизни человеческой субъективности она не знает. Декарт хочет выстроить такой путь, такой метод, который бы позволил всегда и везде достичь истины, и метод этот он как раз обосновывает попыткой выявить *чистую форму работы мысли*. Потому и очищает ее первоначала.

Кант позже покажет, что всеобщие и необходимые определения вещей из опыта не выводимы, они даны иначе, априори. Окружность, прямая и т.д. даны мне как формы восприятия объективных пространственных вещей. И если пространственные образы этих вещей в обыденном опыте «списываются» с предметных форм культурного мира, то только потому, что сам этот культурный мир выстроен в соответствии с этим идеальным миром. Эта-то идеальная форма и неведома Декарту — как неведома она и современному ученому миру, включая, говоря словами Декарта, «общераспространенную» философию. Реформируя начала философии, он пишет: «...Я предложил бы обсудить полезность этой философии и вместе с тем доказал бы, что философия, поскольку она простирается на все доступное для человеческого познания, одна только отличает нас от дикарей и варваров и что каждый народ тем более цивилизован и образован, чем лучше в нем философствуют; поэтому нет для государства большего блага, как иметь истинных философов» [1, с. 302].

Эту мысль Декарта можно тоже отнести к максимам, ибо благих пожеланий в мире ходит немало, но всмотреться в мировой ум, как он себя конституировал в культурной истории, разумеется, стоит каждому. Чтобы

рассмотреть в нем порожденных безумием чудовищ.

Литература

1. **Декарт Р.** Сочинения: в 2 т. 1989—1994. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 656 с. (Философское наследие).
2. **Лобастов Г.В.** В одной капле океан воды (Философско-педагогическое эссе) // Педагогика и психология: проблемы развития мышления. Развитие личности в изменяющихся условиях: Мат-лы IV Всероссийской науч.-практ. конференции с междунар. участием (17 апреля 2019). Красноярск. С. 91—108.
3. **Гегель.** Сочинения. Т.11: Лекции по истории философии. М.: М.-Л.: Гос. изд-во. 1935. 527 с.
4. **Выготский Л.С.** Собрание сочинений: в 6 т. 1982—1984. Т. 2: Проблемы общей психологии. М.: Педагогика. 1982. 504 с.
5. **Науменко Л.К.** Монизм как принцип диалектической логики: монография. М.: СГУ, 2013. 357 с.
6. Общая информатика: учеб. пособ. для средн. школы / С. В. Симонович, Г. А. Евсеев, А. Г. Алексеев. М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. 591 с.

Поступила 14.08.2020

Лобастов Геннадий Васильевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского авиационного института (национальный исследовательский университет) — МАИ, (Россия, 125993, Москва, Волоколамское ш., 4), Президент Российского философского общества Диалектика и культура, lobastov.g.v@yandex.ru

References

1. Dekart R. Sochinenija: v 2 t. 1989—1994. T. 1. M.: Mysl', 1989. 656 s. (Filosofskoe nasledie).
2. Lobastov G.V. V odnoj kaple okean vody (Filosofsko-pedagogicheskoe jesse) // Pedagogika i psihologija: problemy razvitija myshlenija. Razvitie lichnosti v izmenjajushhjsja uslovijah: Mat-ly IV Vserossijskoj nauch.-prakt. Konferencii s mezhdunar. Uchastiem (17 aprelja 2019). Krasnojarsk. S. 91—108.
3. Gegel'. Sochinenija. T.11: Lekcii po istorii filosofii. M.: M.-L.: Gos. Izd-vo. 1935. 527 s.
4. Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: v 6 t. 1982—1984. T. 2: Problemy obshhej psihologii. M.: Pedagogika. 1982. 504 s.
5. Naumenko L.K. Monizm kak princip dialekticheskoy logiki: monografija. M.: SGU, 2013. 357 s.
6. Obshhaja informatika: ucheb. Posob. Dlja sredn. Shkoly / S. V. Simonovich, G. A. Evseev, A. G. Alekseev. M.: AST-PRESS, 1998. 591 s.

Submitted 14.08.2020

Lobastov Gennadiy V., Doctor of Philosophical

Sciences, Professor; professor of Philosophy Department, Moscow Aviation Institute (National Research University), — MAI (4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russia), President of the Russian Philosophical Society «Dialectics and Culture», lobastov.g.v@yandex.ru

Становление управленческих и трудовых ценностей в этике Ренессанса

С. А. Михайлина¹

¹Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

mikhaylina_s@mail.ru

Выявляются истоки хозяйственной и управленческой этики, возникшей в эпоху Возрождения в трудах Альберти, Кастильоне, Монтеня на гуманистических основаниях. Утверждается, что первые нормативные своды, одобряемые нравственно-поведенческие модели опираются не на религиозную традицию, сакральный авторитет, а на разум, свободную волю активного человека, здравый смысл и ценность индивидуальности. Показано, как образ достойного хозяина у Альберти и человека свиты (светской культуры) у Кастильоне сопрягается с античным идеалом калокагатии. Названы основные пути его достижения: умение управлять собой; поиск и обретение должного соотношения между личным и общественным благом. Указывается, что в период позднего Ренессанса при переходе к мировоззрению Нового Времени акценты в проблематике трудовых ценностей смещаются в сторону значимости досуга, праздности как пространства свободы и самопознания, продуцирующее творческие импульсы. Проанализированы проблемы управления, труда и досуга в «Опытах» Монтеня. Раскрыт исторический и диалектический характер хозяйственных и трудовых ценностей, отмечена актуальность наследия гуманизма Возрождения для современной практики управления.

Ключевые слова: гуманизм, труд, трудовые ценности, праздность, досуг, гармония, управление, достоинство, хозяйственная этика.

Formation of managerial and work values in the ethics of the Renaissance

S. A. Mikhailina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

mikhaylina_s@mail.ru

The sources of economic and managerial ethics that arose in the Renaissance in the works of Alberti, Castiglione, Montaigne on humanistic grounds are revealed. It is argued that for the first time, normative codes, approved moral and behavioral models are based not on religious tradition, sacred authority, but on reason, free will of an active person, common sense and the value of individuality. It is shown how the image of a worthy master in Alberti and a man of his suite (secular culture) in Castiglione is combined with the ancient ideal of Kalokagati. The main ways to achieve it are named: the ability to manage oneself; search and finding the proper balance between personal and public goods. It is pointed out that during the period of the late Renaissance, during the transition to the worldview of the New Time, the accents in the problems of labor values are shifted towards the importance of leisure, idleness as a space of freedom and self-knowledge, producing creative impulses. The historical and dialectical nature of economic and labor values is revealed, the relevance of the heritage of Renaissance humanism for modern management practice is noted.

Key words: humanism, labor, labor values, idleness, leisure, harmony, management, dignity, values, economic ethics.

Институционализация отношений управления происходит на основе определения статуса и социальной роли субъекта, обладающего ресурсами и инструментами власти. Одновременно происходит становление системы норм, регулирующей степень ответственности данного статуса. К основным задачам управленческих регулятивов можно отнести легитимацию форм и способов взаимодействий, поддержание социального порядка, самоопределение субъектов по отношению к ценности труда. Нормы и установления исторически изменчивы, подвижны, зачастую не формализованы. При этом любые из них определяют права и обязанности управляющих и управляемых, поддерживают определенные модели поведения в хозяйственной, трудовой сфере.

Составление сводов норм, разного рода наставлений имеет давнюю традицию и традиционные же основания: божественное происхождение, ссылки на авторитет предков либо духовного учителя, «отца-основателя»; в современности — на лидеров мнения для данной социальной группы. Чтобы обрести значимость, нравственно-поведенческие своды нуждаются в сакрализованных источниках, в своего рода мифотворчестве. Ссылка на духовный авторитет и в современных культурных условиях служит необходимым ориентиром в лавине информации, многообразии мнений, интересов. В коллективном сознании всегда существует потребность охранения особо значимых ценностных ориентиров.

Впервые в истории европейской культуры поведенческие модели, своды-наставления, регламентирующие управленческие и трудовые отношения, основанные не на религиозной традиции, сакральном либо историческом авторитете, но опирающиеся на здравый смысл и ценность человеческой индивидуальности появляются в трудах гуманистов Ренессанса. Сущность человека раскрывается гуманистами как наделенность свободной волей, потенциальным достоинством, мерой, гармонией, которые разворачиваются в формах активной созидательной деятельности и рационального познания.

Нравственно-поведенческие модели и нормы, которые соотносятся с тем, что признается достойным и благородным, гуманисты Возрождения называли «цивилизованными» (*civil, courtois*). Здесь оценка образа и поступков в качестве подобающих или, напротив, непристойных, обусловлена как социальным положением, так и рационально-практически, а также имманентно присущим эстетическим идеалом. Достойное поведение являет подлинную сущность человека и ее нравственную составляющую. Утверждалось, что индивид сам прежде всего должен уметь управлять собой, что позволяло преодолеть одобряемое в эпоху средневековья общее, типичное и выдвинуть на первый план особенное, осознать индивидуальность как ценность. Индивидуальность проявляется через волю и позволяет соответствовать предназначению, данному человеку Творцом. Пико делла Мирандола утверждает, что человек, не сдерживаемый никакими ограничениями, «по своему произволу» устанавливает границы той природы, в чьи руки отдает его Господь. По словам Л. Б. Альберти, человек по природе наделен особыми качествами, способными удержать его от всего дурного и низкого. Гуманисты установили, что благородство и достоинство зависят не от происхождения, а определяются благими делами, которые в свою очередь способны вершить разумные, просвещенные и свободные люди. Невежество Альберти считал величайшим пороком, ведь именно оно ограничивает свободу, сворачивая перспективу совершенствования человека.

Универсальная ценность личностного достоинства парадоксальным образом разворачивается в партикулярных описаниях-наставлениях, содержащихся в знаковых произведениях мыслителей Ренессанса: трактатах «О семье», «Домострой» Леона Баттисты Альберти и «Книге придворного» (или «Придворный») Бальдассаре Кастильоне.

В сочинениях Альберти представлен идеал разумного и достойного человека-хозяина в его самоопределении. Вера в потенциально безграничные возможности человека приводят автора к размышлениям о тех

условиях существования, в которых актуализируются божественные дары. Гуманист утверждает, что человек не для того родился на свет, чтобы проспать свою жизнь, но для того, чтобы прожить ее достойно и прекрасно. Соотношение достоинства и хозяйственности (*masserizia*), образец «человека рачительного» раскрывается как собрание наставлений автора управляющему домашним хозяйством или советам отца семейства своим сыновьям и домочадцам. Великий гуманист широко трактует термин *masserizia*, называя ее «святым делом» (*Sancta cosa*) в силу того, что она творит упорядоченность, гармонию повседневности, трудов и радостей жизни. С одной стороны, автор декларирует необходимость постоянной занятости каждого члена семьи, праздность является непозволительной; с другой стороны, труды должны быть уравновешены радостным настроением: «Хозяйственность означает правильное распоряжение собственной душой, телом и временем. <...> Тело должно быть здоровым, крепким, красивым... Следует владеть своими страстями; не нарушать душевного спокойствия завистью; сохранять хорошее и веселое расположение духа» [9, с. 375]. Значение здоровой психологической атмосферы в семейных занятиях неоднократно подчеркивается автором.

Альберти советует хозяину тщательно планировать трудовой день, так как организуя свое время, можно стать «господином всего», чего пожелаешь. Всякое время будет потерянным, если оно не употребляется на то, чтобы поступать наилучшим образом, стать образованнее, приятнее и полезнее людям благодаря практикуемым добродетелям. Время рассматривается как важнейший фактор земного бытия, его надлежащее использование приобретает моральный смысл. Здесь реализуется свобода воли, направленная на совершенствование человека, его активное утверждение во внешнем мире. У гуманистов время перестает быть исключительной прерогативой Бога и переходит во власть человека. В домохозяйстве, где нет

праздности и расточительности, принцип экономии распространяется и на время: с ним нужно обращаться так же бережно, как и с другим имуществом, с проявлением индивидуальности (самости) человека. Более того, время, данное человеку наряду с душой и телом, является его собственностью, гораздо более ценной, чем подвластные фортуны власть, богатство, положение в обществе. Один из персонажей Альберти советует каждое из планируемых дел рассчитывать по времени: если вечером, когда подводят итоги сделанного за день, обнаруживается некое упущение, то его следует тотчас исправить, пренебрегая сном, едой и другими занятиями, которые в отличие от времени можно наверстать. Но следует знать меру между делами и веселым заслуженным отдыхом. Важна в доме и мера комфорта: удобство и добротность вещей свидетельствует о прочности и при этом радует глаз, что предпочтительнее изысканной роскоши.

Стремление к богатству Леон Баттиста считает естественным для человека: во-первых, в семье не должно быть недостатка; во-вторых, деньги, преумноженные трудом и бережливостью, являются залогом независимости и безопасности человека; в-третьих, они — условие достойного положения в обществе домохозяина и его семьи. Нечестные методы обогащения недопустимы, поскольку лишают семью доброй репутации. Автор последовательно осуждает обладание ради обладания; ценностью является скорее умение разумно распоряжаться своим достоянием. Все расходы делятся на необходимые и необязательные, а последние — на допустимые и безумные. К необходимым относятся расходы на содержание дома и на ведение *своего дела*. Следует быть щедрым, когда необходимо поддержать честь семьи и отечества. «Бережливость позволяет помочь родственнику, другу или отечеству». Следует держаться золотой середины (умеренность, *liberalita*) между скарденностью и расточительством¹. «*Fama, Gloria, Onore* (известность, слава, честь), достигаемые богатством

¹ Определение добродетели щедрости у Аристотеля, ставшее классическим.

и личными заслугами...» — лейтмотив трактата гуманиста [см.: 9, с. 377].

Самым подходящим для гармонии личной и общественной пользы является такое предприятие, где «занято много рук», — в этом случае «денежные средства распределяются среди большого количества людей, из чего проистекает немалая польза для бедных». Альберти считает, что для обогащения следует избирать подобную общественно полезную сферу предпринимательства, но и в любом деле нужно использовать честные пути к благосостоянию: «бережливость, умелое ведение торгово-промышленных дел, правильная организация хозяйства семьи, строгий баланс ее доходов и расходов» [см.: 2, с. 167].

Указав, что данную человеку от природы способность к деятельности следует настойчиво развивать, Альберти советует молодежи подбирать для себя наиболее полезное и почетное дело. Управлять божественными дарами-способностями нужно в разнообразных ситуациях, применяя научное знание. «Правильный выбор занятий — лишь первый шаг к успеху: важно приложить максимум усилий, весь свой опыт и знания, только тогда труд увенчается почетом» [2, с. 158]. Техническая изобретательность Альберти как архитектора дает ему право от каждого требовать творческой рациональной организации жизненной среды. Управляя собой: своими страстями, телом, временем, хозяйством и имуществом, способностями, — человек творит порядок (гармонию) и в самом себе, и вокруг. Основа и критерий порядка — мера, постигаемая эстетическим чувством, которое, согласно Альберти, присуще человеку от природы. Призывая к обретению достойного облика, к прекрасному поведению, выражающему зрелость и *umanità* (человечность, уважение и снисходительность к людям), Альберти настаивает на подлинности чувств, искренности намерений: «быть такими, какими вы желаете выглядеть» [9, с. 381]. Зная, что есть порок, избегая корыстолюбия, сварливости, развязности, хозяин должен завоевывать сердца, приобретать доброе имя и симпатию сограждан. Автор трактата

«О семье» заповедует сыновьям внушительный перечень добродетелей хозяина, которым следует овладеть: трудолюбие, умеренность, благоразумие, учтивость, справедливость, скромность, а также «*onestà*» (честность, верность, как супружеская, так и верность договорам). При этом важно правильное отношение к добродетели; это не аскеза, а нечто скорее очаровательное: *la virtù è tutto lieta e graziosa*. Радостной должна быть и повседневная жизнь.

Ценность достойного положения, как и доброй славы семьи, утверждает согласие в отношениях индивида и общества, личного и общего блага. Эта цель деятельности совпадает, по сути, с актуальным концептом современности: социальной ответственностью бизнеса. Однако Альберти считал возможным ставить интересы семьи выше сиюминутной общественной пользы в определенных обстоятельствах. Допускается, например, отказ от государственной службы ради сосредоточения на хозяйственной работе, так как благосостояние государства зиждется на прочности и процветании отдельных семей и хозяйств.

В трактате Балдассаре Кастильоне «Придворный» сформулирован свод правил, достоинств и обязанностей того, кто делает свиту, а значит, представляет правящую группу. Стержнем данной модели поведения благородного человека является естественность совершенства, «простота» сложного. Цель, к которой стремится обхождение светского человека, — овладение «*spezzatura*»: способностью придавать трудному вид простого. Манеры придворного должны быть естественными без неловкости; он обязан владеть несколькими искусствами, знать языки, практиковать модные виды спорта; быть любезным и внимательным, избегать сплетен, злоязычия и лжи. Верная служба королю важна, но до определенного предела; существуют такие обстоятельства, в которых личная ответственность главенствует, ставится выше приказов и верности монарху. Подобного рода дилеммы, моральные конфликты описываются в трагедиях Шекспира. Например, в ситуации, когда повелевается

совершить либо предательство, либо то, что вредит, роняет честь и государя, и самого придворного, неповиновение является обязанностью человека, который хранит достоинство (см.: [5]). «Придворный», по замечанию Я. Буркгардта, служит образцом обхождения, но «еще в большей степени примером личного совершенствования ради себя самого» [7, с. 139].

В соответствии с калокагатийным идеалом, в воззрениях Б. Кастильоне на совершенного человека собственно этическое начало не отделяется от эстетического. В «придворном» все должно быть гармонично, причем прекрасный внешний облик не может не выражать красоту души. Красота и грация, если они не даны от природы, вырабатываются упражнениями (программа телесного воспитания включает бег, плавание, верховую езду и т. д.). Выразительной иллюстрацией данных воззрений является история с портретом самого Б. Кастильоне кисти гениального Рафаэля. Считается, что гуманист писал свой трактат, часто посматривая в зеркало. Облик рассказчика не менее привлекателен, чем другие персонажи книги, и, возможно, наиболее полно соответствует исповедуемым идеалам. Сам идеал совершенного человека внесословен, «аристократизмом» для Кастильоне выступает благородство как этическое понятие. Борис Бим-Бад, высоко оценивая наследие гуманиста, пишет, что оно развило светскую культуру, как культуру синтетическую. «В ней сочеталась ученость с практическим действием, интеллект с волей, физическая сила — с моральной» [1].

В трудах «Придворный» и «О семье» нравственно-поведенческие правила презентованы авторами как идеально всеобщие, истинные применительно к «проекту человека» эпохи Ренессанса. При этом как у Альберти, так и у Кастильоне нет необходимости ссылаться на традицию, авторитет, мифологические истоки и т. п.; их собственные высокие достижения и яркая индивидуальная форма выражения достоинства дают им право на роль наставника, являются основанием своеобразного «лидерства мнений». Свиде-

тели и биографы сообщают о редких достоинствах гуманистов, их человеколюбии, щедрости и сдержанности, прекрасных манерах, настойчивости и выдающихся успехах в физическом и интеллектуальном совершенствовании. Например, Дж. Вазари писал об Альберти: «Был Леон Баттиста человеком нрава обходительнейшего и похвального, другом людей добродетельных, приветливым и вежливым со всеми без исключения; и прожил он всю свою жизнь достойно и, <...> довольный и спокойный, ушел в лучшую жизнь, оставив по себе почетнейшую славу» [3, с. 8].

Столь же влиятельной личностью в социокультурном пространстве своего времени (XVI век) был Мишель Эйкем де Монтень — аристократ, мэр Бордо, депутат Генеральных штатов, автор новаторского по форме и духу сочинения «Опыты». Оно включает собрание моралистических эссе, описывающих жизненные ситуации, исторические события и казусы, опыт саморефлексии, философские размышления блестящего эрудита с позиций скептического эмпиризма. *Von sens* (здравый смысл), пирронизм, эпикурейская этика стали здесь основанием для острой критики закоренелых предрассудков, догматизма разного рода, религиозного авторитаризма. Взгляды мыслителя сочетают в себе гуманистическое мировоззрение эпохи Возрождения и характерные особенности философии Нового Времени.

Исследователей творчества Монтеня занимает проблема порядка рассуждений, композиционных приемов «Опытов». Кажущаяся неупорядоченность наблюдений и описаний событий, противоречивость выводов-сентенций, согласно многим исследователям, есть способ выражения принципа спонтанности (непреднамеренности), естественной легкости в изложении содержательно глубоких мировоззренческих оснований позиции гуманиста. В эссе «О праздности» первой книги «Опытов» автор замечает, что в состоянии праздности его ум, словно вырвавшийся на свободу конь, производит больше мыслей, хоть и более хаотично, непоследовательно, чем если бы он был занят

работой для других. Автор счел необходимым занести на бумагу свои беспорядочные «причудливые и нелепые мысли», чтобы, как он с иронией указывает, в дальнейшем ум их устыдился (см.: [8; 1, с. 33]). Изменчивость человеческой природы, знаний, общественных устоев, отражающих противоречивость самой жизни, — одна из ведущих тем наблюдений и философских рассуждений Монтеня.

Французский искусствовед Даниэль Араасс считает, что «именно sprezzatura — притворная небрежность, таящая в себе саму сущность эстетического опыта, сближает автора знаменитого трехтомника с представителями знати, которые следовали правилам поведенческой этики, сформулированным Бальдассаре Кастильоне в его книге «Придворный» [10, с. 191]. Принцип sprezzatura («искусство искусно утаивать искусство») определяет стиль, модель общения высокостатусного и образованного человека того времени, придавая свободу и легкость, лишая пафоса в изложении философско-этических взглядов писателя, выявляя «талант изобретать новые литературные формы» [Там же]. Статус — не единственная предпосылка творческой раскованности бордосского мыслителя. Здравый смысл и познавательная установка эмпиризма, сосредоточенность на персональном, как бы единичном, экзистенциальном и социальном опыте, последовательный отказ от наставлений общего характера (явных назиданий) — вот истоки свободы и новаторства Монтеня, причина необычайной популярности самой читаемой книги XVII столетия, которая «в живой и блестящей литературной форме» раскрывает «глубину, крайнюю напряженность и увлекательную сложность внутреннего мира человеческой личности» (см.: [4, с. 314]).

Тотальное непостоянство и текучесть жизненных обстоятельств, отраженное в композиции «Опытов» (изложение мыслей в их естественном, часто непоследовательном ходе возникновения, переплетений, зигзагов), обусловило диалектико-критическую позицию автора, неприятие абсолютизации

каких-либо установлений, абстрактных добродетелей — своего рода толерантность. В главе XII второй книги Монтень предполагает, «что Платон умышленно любил философствовать в диалогической форме, ибо многообразие и противоречивость его взглядов не так бросались в глаза, когда их излагали разные собеседники. Рассматривать предметы с разных точек зрения так же хорошо, как и рассматривать их под одним углом зрения, или даже еще лучше, ибо такое рассмотрение шире и полезнее» [8; 2, с. 193]. Монтень посвятил эссе «О непостоянстве наших поступков» теме противоречивости качеств и многомерности человеческого характера, в том числе на примере критического самоисследования. В зависимости от точки зрения он находит в себе «...и трудолюбие, и изнеженность; и изобретательность, и тупость; и угрюмость и добродушие; и лживость, и правдивость; и ученость, и невежество; и щедрость, и скупость, и расточительность» [8; 2, с. 9]. Цельно, без сочетания противоположностей определить человека невозможно, к оценке поступков также следует подходить взвешенно, исходя из принципа конкретности истины. Несмотря на то что похвалы достойно деяние, а не сам индивид, зрелый ум не станет судить поверхностно: значение имеют и намерения, более глубокие духовные движения и внутренние мотивы.

Подобные установки мы находим в рассуждениях о делах хозяйственных. Монтень замечает, что излишнее стремление во всем упорядочить хозяйственную деятельность (например, управление своим имением) наталкивается на событийную неопределенность: обеспеченность, на которую хотя бы опереться хорошие хозяева, «столь же неустойчива и столь же подвержена разного рода случайностям, как и сам случай» [8; 1, с. 67]. Поэтому сам он погоне за обеспеченностью предпочитает получение дохода на повседневные нужды, тем паче, что представления о довольстве и бедности субъективны: «и богатство, равно как и слава или здоровье, прекрасны и привлекательны лишь настолько, насколько таковыми находят

их те, кто пользуется ими. Каждому живется хорошо или плохо в зависимости от того, что он сам по этому поводу думает» [Там же]. В главе XXII с говорящим названием «Выгода одного — ущерб для другого» сформулирован отрезвляющий взгляд скептика на идеал гармонии общественных и личных интересов: «вообще говоря, нет такой выгоды, которая не была бы связана с ущербом для других; и потому, если рассуждать как Демад, следовало бы осудить любой заработок» [8; 1, с. 115].

Глава «О суетности» повествует о соотношении между занятиями по призванию и деятельностью, необходимой для заработка. Монтень пишет, что охотно отвлекается от управления хозяйством, так как привык к другим занятиям, более подходившим его душевному складу. С присущей самоиронией он относит это к числу своих слабостей. Автор сожалеет, что отец, которого призвание сделало счастливым, не оставил ему в наследство «страстную любовь к своему хозяйству». Всякому хозяйственному рвению успешный во многих отношениях бордосский вельможа предпочитает умеренность, соизмеримость накопления и потребления, исповедует принцип достаточности. Здесь же Монтень позволяет себе дать совет² другим: «На худой конец, ускользайте от разорения, урезывая свои расходы. Я это и делаю, одновременно стараясь поправить свои дела, прежде чем они заставят меня взяться за них. А пока я установил для себя различные ступени самоограничения, имея в виду довольствоваться меньшим, чем то, что у меня есть; и, хотя я говорю «довольствоваться», это вовсе не означает, что я обрекаю себя на лишения» [8; 3, с. 193]. Благополучие, по признанию Монтеня, дисциплинировало и научало его сильнее, чем «невзгоды и розги» — других. Для бордосского мыслителя умение соблюдать взаимные обязательства, тонкое искусство «оказывать благодеяния и платить признательностью за те, что тебе оказаны», — важнее обогащения. Искусство быть благодарным требует опыта, обязательства не должны ста-

вить человека в зависимость; тягостная форма обязательств, от которых зависит сама жизнь и смерть, подавляет.

Монтень верно подмечает, что распространённые правила и установления призваны обеспечить коллективный труд и общее благо, обуздывая индивидуализм как «чрезмерную, хотя и естественную привязанность к самому себе». В труде на благо общества все же следует избегать крайностей: обладатель должности не вправе отказываться от заботы, внимания, от «пота и крови, если это понадобится», которых требуют связанные с ней обязанности. Но и отказ от удовольствия жить здраво и весело во имя служения другим — противоестественный путь: нельзя допускать, чтобы дух был бездеятелен, вместе с тем он не должен чувствовать гнет, пишет Монтень в эссе «О том, что нужно владеть своей волей». «Я умел выполнять общественные обязанности, не отдаляясь от себя ни на одну пядь, и отдавать себя на службу другим, ничего не отнимая от самого себя» [8; 3, с. 265] — вот тот важнейший жизненный опыт, которым необходимо поделиться. В человеке же, поглощенном тираническим стремлением решать и повелевать, неудержимость желания неизбежно берет над ним верх, заставляя совершать безрассудства и несправедливость; и, если тому не улыбнется удача, служение общественному благу может оказаться своей противоположностью [Там же]. Тирания и в речах, и в поступках ненавистна Монтеню. Столь же диалектически взвешенно автор относится к новшествам. Много блеска в том, чтобы вводить их, но они и без того довлеют в меняющемся мире; подчас более благородно бездействовать, оставаясь в тени, что Монтень и ставит себе в заслугу. На общественном поприще достойный человек совершает необходимые для дела поступки; то, что предпринимается ради честолюбия, — пустая трата сил. Человеку чести мудрец советует избегать запутанности в делах и не ввязываться в сомнительность предприятия и «крикливые споры» [8; 3, с. 274].

² Хотя мыслитель и предупреждает, что всякий совет действителен лишь в определенное времени в силу непрерывной изменчивости обстоятельств и даже сущность вещей [8; 3, с. 34].

«Господин мэ́р и Мишель Монтень никогда не были одним и тем же лицом, и между ними всегда пролегла отчетливо обозначенная граница» [8; 3, с. 270]. Так автор «Опытов» формулирует положение о том, что человек не есть только его должность или какая-либо социальная роль, которую нужно играть добросовестно, не забывая, что «это всего-навсего роль, которую нам поручили. Маску и внешний облик нельзя делать сущностью, чужое — своим» [Там же]. Необходимо видеть и хранить в себе сокровище индивидуальности и внутренней свободы, ориентируясь на принципы «уместности» и «*bon sens*» в отношении всякого рода формальных предписаний.

В решающие жизненные моменты бездействие недопустимо, — основной тезис эссе «Против безделья». На примере полководцев и мыслителей прошлого автор развивает мысль об особом рода мужестве даже перед лицом смертельной опасности, следуя знаменитой сентенции: «возделывай свой сад», занимайся своим делом. Верность ему при любых обстоятельствах возведена в ранг высокой добродетели, именно это и обеспечивает победу, сохраняет человеческое достоинство и приносит плоды, пусть и не материальные. Замечания об относительности ценностей трудолюбия и рвения, справедливых обязательств и тягостных зависимостей, как и другие соображения автора, представляют его не как человека, «решения которого заранее предопределены высшими социальными инстанциями или «объективными» духовными системами» [4, с. 314], а в качестве самостоятельно мыслящей, внимающей собственным чувствам личности.

Не оставлены без внимания гуманиста особенности человеческой природы, проявляющиеся в отношениях власти и управления. Монтень считает естественным стремление любого человека к власти и свободе: выйти из подчинения и присвоить себе право распоряжаться. Для вышестоящего нет ничего в подчиненном «более ценного, чем простодушное и бесхитростное повиновение», которое, впрочем, полезно только при условии «точного и определен-

ного приказания» (см.: [8; 1, с. 79]). В свою очередь, в обязанности подчиненного входит правдивое и полное информирование руководителя, что поможет тому определиться с решением и отдать более четкое распоряжение. Речь идет о взаимной ответственности, о пути с двусторонним движением. Человек высокого во всех отношениях уровня, находящийся в подчинении, может быть максимально плодотворным в атмосфере взаимного доверия. О себе Монтень пишет, что ему редко приходилось заниматься не своими делами. Выполнять же чужие дела-поручения он соглашался при условии своей автономности, самостоятельности в выборе времени и прочего. Монтень отмечает, что люди, которые что-либо поручали ему, хорошо знали, что он собой представляет, и доверяли, «не толкая в спину». Подмеченный таким образом характер взаимодействия в отношениях «руководство — подчинение» требует соответствующих форм общения. Монтень настаивает, что предписание обращаться к слугам повелительным тоном, не допуская непринужденности или шуток, — бесчеловечно. Несправедливо подчеркивать несущественное, дарованное судьбой преимущество, «и порядки, установленные в домах, где различие между господами и слугами ощущается наименее резко, кажутся мне наилучшими», пишет он в эссе «О трех видах общения» (см.: [8; 3, с. 43]). Данное замечание не утрачивает актуальности, ведь форма общения, в которой намеренно выпячиваются иерархические различия (помимо реализации рациональной субординации), лишает коммуникации, человечности, достоинства, что в конечном итоге нарушает эффективность взаимодействия. Опираясь на индуктивный метод и принцип многообразия, Монтень указывает, что людей несхожих склонностей и способностей следует вести к благу различными путями, исходя из их нрава (см.: [8; 3]). Такой же индивидуальный подход автор рекомендует применять и к обучению, где строгость должна сочетаться с мягкостью. «Откажитесь от насилия и принуждения; нет ничего, по моему мнению, что так бы уродовало и извращало натуру

с хорошими задатками». Развивать ум, а не просто нагружать знаниями, прививать вкус и любовь к науке, — в этом смысл и благо воспитания (эссе «О воспитании детей») [8; 1, с. 183].

Среди ярких афоризмов Монтеня выделяются те, что посвящены праздности как излюбленной форме времяпрепровождения мыслителя. Он благодарен судьбе за то, что по рождению обладал тем уровнем благополучия, который избавляет от необходимости быть под началом и оставляет время для праздности и безделья. За самоироничным откровением писателя, который ставит опыты по познанию самого себя, скрываются глубокие мысли мудреца о назначении человека, о траекториях его самосовершенствования и достижения счастья. «Я плохо умею управлять и распоряжаться собой. Случай имеет надо мной большую власть, чем я сам», — признается Монтень в эссе «О праздности». Свободное время в уединении — наибольшее благо для ума философа, которому предоставлена возможность «вести беседу с самим собою, сосредоточиться и замкнуться в себе» [8; 1, с. 33]. «Монтень был вдохновлен утопией праздности», следуя установке скептицизма «воздерживаться от суждений, претендующих на безусловную достоверность, понимая безразличие как дистанцированную, отстраненную позицию познающего» [10, с. 199]. В опыте спонтанной праздности, отражающем жизненное непостоянство, изменчивость мира и человека, обретается идентичность и творческая свобода, обнаруживается твердое основание гармонии с самим собой. Из противопоставления стихийной событийности, суеты повседневных дел состоянию праздности мыслящего и чувствующего человека извлекается общий принцип самоактуализации, своего рода энтелехии души.

Скептическая этика Монтеня фиксирует раздвоенность морали, вытекающую из несовпадения абсолютизированных моральных требований, пусть даже глубоко интериоризированных субъектом, и реальных нравов, ситуаций, в которых общепризнанные еще с античных времен добродетели

оказываются относительными. Нравственное самоосуществление индивида имеет уникальную траекторию, сформированную векторами рефлексии эмпирического многообразия жизненных событий, интеллектуальной проработки личных убеждений («Всякое убеждение может быть достаточно сильным, чтобы заставить людей отстаивать его даже ценою жизни» [8; 1, с. 53], а также образованием и воспитанием. Эта духовная работа требует отстраненности в формах спонтанной праздности или лени, в тех моментах времени, когда индивид может выйти за пределы своей личности и довлеющих социальных устоев в пространство свободы в поиске истинного назначения и глубинного потенциала.

Тема диалектической взаимосвязи труда и отдыха свободного человека затрагивается в творчестве Джордано Бруно. Труд у него рассматривается не как добывание средств к существованию, а как свободная творческая самодеятельность, достойная «героического энтузиазма». Ценность человека заключается в деятельности, а досуг — ее неотъемлемая составляющая, так как представляет собой отдых, дающий силы, свежесть эмоциям и разуму, которые продуцируют творческие импульсы. Ничто ценное без досуга не может возникнуть. «Труд должен управляться Досугом, а Досуг — умеряться Трудом. Благодаря Досугу Труд становится разумнее, скорее и производительнее, ибо от труда очень тяжело переходить снова к труду...» (цит. по: [4, с. 301]).

Известно, что К. Маркс считал свободное время важнейшей ценностью, «формой общественного богатства», «мерилом богатства коммунистического общества», которое раскрывает простор для свободной деятельности и развития [6, с. 217].

Уроки мыслителей Возрождения находят свое развитие в управленческой концепции «человеческих отношений», оставаясь актуальными для современной практики, вменяя руководителю ответственность за выстраивание, презентацию и исполнение должных образцов организационного поведения. Понимание необходимости самосовершенствования путем

овладения основными добродетелями: благородием (самоконтроль) и справедливостью, терпимостью и открытостью новому, психологической гибкостью и неприятием штампов — дает возможность в любого рода предпринимательстве сочетать личные интересы с общественной пользой.

Литература

1. Бим-Бад Б. М. Характер и жизнь как произведение искусства. [Электронный ресурс] // Бим-Бад Борис Михайлович: [авт. сайт]. URL: http://bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1754 (дата обращения 10.09.2020).
2. Брагина Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов. Вторая половина XV века. М.: Изд-во МГУ, 1983. 303 с.
3. Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве. М.: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1935—1937. Т. 2: Вазари Дж. Жизнеописание Леона Баттисты Альберти. XIV. 792 с.
4. Гусейнов А.А., Иррилиц Герт. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987. 589 с.
5. Кастильоне Б. Придворный / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Сочинения великих итальянцев XVI века. СПб.: Алетейя, 2002. С. 181—247.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46: Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. М.: Политиздат, 1968. Ч. I. С. 5—392.
7. Михайлов А. Д. Кастильоне. Мемуарная и биографическая проза // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1983—1994. [На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т.]. Т. 3. 1985. С. 137—141.
8. Монтень Мишель. Опыты. Избранные произведения: в 3 т. М.: Голос, 1992. Т.1. 384 с.; Т.2. 560 с.; Т.3. 416 с.
9. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
10. Савицкий Станислав. Праздность и свобода по Монтеню // Логос. Т. 29(1). 2019. С.189—202.
2. Bragina L.M. Social'no-jeticheskie vzglyady ital'janskikh humanistov. Vtoraja polovina XV veka. M.: Izd-vo MGU, 1983. 303 s.
3. Al'berti L.B. Desjat' knig o zodchestve. M.: Izdatel'stvo Vsesojuznoj akademii arhitektury, 1935—1937. T. 2: Vazari Dzh. Zhizneopisanie Leon-Battisty Al'berti. XIV. 792 s.
4. Gusejnov A.A., Irrlitc Gerd. Kratkaja istorija jetiki. M.: Mysl', 1987. 589 s.
5. Kastil'one B. Pridvornyj / Per. O.F. Kudrjavceva // Sochinenija velikih ital'jancev XVI veka. SPb.: Aleteja, 2002. S. 181—247.
6. Marks K., Jengel's F. Sochinenija. 2-e izd. T. 46: Marks K. Jekonomicheskie rukopisi 1857—1859 godov. M.: Politizdat, 1968. Ch. I. S. 5—392.
7. Mihajlov A. D. Kastil'one. Memuarnaja i biograficheskaja proza // Istorija vseмирnoj literatury: v 8 t. / AN SSSR; In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. M.: Nauka, 1983—1994. [Na titl. l. izd.: Istorija vseмирnoj literatury: v 9 t.]. T. 3. 1985. S. 137—141.
8. Monten' Mishel'. Opyty. Izbrannye proizvedenija: v 3 t. M.: Golos, 1992. T.1. 384 s.; T.2. 560 s.; T.3. 416 s.
9. Ossovskaja M. Rycar' i burzhua: issledovanija po istorii morali. M.: Progress, 1987. 528 s.
10. Savickij Stanislav. Prazdnost' i svoboda po Montenu // Logos. T. 29(1). 2019. S.189—202.

Submitted 16.08.2020

Mikhaylina Svetlana A., Candidate of Philosophy, Associate Professor. Associate Professor philosophy, sociology and political science National Research University «MIET» (124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), mikhaylina_s@mail.ru

Поступила 16.08.2020

Михайлина Светлана Анатольевна — кандидат философских наук, доцент. Доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), mikhaylina_s@mail.ru

References

1. Bim-Bad B. M. Harakter i zhizn' kak proizvedenie iskusstva. [Elektronnyj resurs] // Bim-Bad Boris Mihajlovich: [avt. sajт]. URL: http://bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1754 (data obrashhenija 10.09.2020).

Идейная детерминация социальных преобразований: теоретико-прикладной аспект

Н. Н. Равочкин¹, В. П. Щенников²

¹*Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия*

¹*Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия*

nickravochkin@mail.ru

²*Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки
работников образования, г. Кемерово*

volodia.logos2011@yandex.ru

Авторы разрабатывают теоретический и прикладной аспекты идейной детерминации социальных преобразований. Пристальное внимание уделяется проблематике функционирования сетей интеллектуалов, продуцирующих идеи на актуальные вызовы современного мира. Авторы не только подчеркивают роль субъектов социальных преобразований, которыми, как правило, выступают властные акторы, но и определяют взаимообуславливающий характер функционирования современных обществ. Предлагая рабочую схему механизма отбора идей, которые предстоит реализовать субъектам в программах социальных преобразований, авторы анализируют принципы функционирования сетей интеллектуалов и в целях создания эффективных идей социальных изменений выводят критерии классификации параметров, на которые проецируются актуальные проблемы.

Ключевые слова: идея, социальные преобразования, сети интеллектуалов, общество, культура.

Ideological determination of social transformations: theoretical and applied aspect

N. N. Ravochkin¹, V. P. Shchennikov²

¹*Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia*

¹*Kuzbass state agricultural academy, Kemerovo, Russia*

nickravochkin@mail.ru

²*Kuzbass Regional Institute for Advanced Studies and Retraining of Educators, Kemerovo,
Russia*

volodia.logos2011@yandex.ru

The authors develop the theoretical and applied aspects of the ideological determination of social transformations. Close attention is paid to the problems of functioning of networks of intellectuals producing ideas for the urgent challenges of the modern world. The principles of functioning of networks of intellectuals and the creation of effective ideas for social changes have been clarified. The role of the subjects of social transformations, which, as a rule, are powerful actors, is emphasized. The interdependent nature of the functioning of modern societies has been determined. A working scheme is proposed that reflects the mechanism for selecting ideas implemented by subjects in programs of social transformations, and its description is also given.

Keywords: idea, social transformations, networks of intellectuals, society, culture.

*Ясная и четкая постановка новых проблем
есть несомненное движение в сторону новых идей.
В.А. Окладной*

Сегодня изменяется взгляд на соотношение теории и практики: «Теория живет полноценной жизнью, когда оказывает реальное влияние на бытие, способна его совершенствовать» [8, с. 8]. По нашему мнению, практическое значение философии определяется, прежде всего, необходимостью разрабатывать новые подходы к осмыслению ситуаций, которые складываются в стремительно усложняющемся социуме, в макрорегионах страны. В самом деле, вряд ли кто-то может назвать такие регионы Земли, в которых не возникали бы трудности при организации и последующем развитии структур, находящихся под прямым и/или опосредованным воздействием социальных и природных процессов. Анализ социальной динамики отчетливо показывает, что теперь выигрыш государств в плане эволюционного пути развития зависит главным образом от интеллектуальных ресурсов, а именно — от продуцируемых идей. К слову, несмотря на то что эта проблематика не получает должного исследования в отечественной науке [7], необходимость ее разработки ввиду особой роли потенциала идей (*а не идеологий — прим. авторов*), прежде всего применяемых к социальным процессам, кажется нам весьма перспективной, поскольку соответствует зарубежному научному дискурсу [9—19]. В самом деле, многие российские авторы попросту не вовлечены в современные социально-философские дебаты, что касается не только производства идей, но и других предметных областей, и, как метко подчеркивает О.Б. Давыдов, «продолжают спорить с тем, что давно утратило

актуальность в мировом философском контексте» [1, с. 9].

Несмотря на скепсис исследователей, либо придающих сети интеллектуалов пассивную роль, либо категорирующих их как маргиналов, они обладают куда большим потенциалом, при реализации которого властные акторы могут конструировать и изменять конкретные социальные структуры. Более того, детерминирующие возможности идей, как правило, проявляются в обществах и государствах, открытых для диалога с интеллектуалами и заинтересованных в результатах их непосредственной деятельности.

Предлагаем понимать «идею» как результат интеллектуальной деятельности (продукт сети мыслителей), положенный в основу программы желаемых и возможных социальных преобразований, поскольку отражает представления об актуальных вызовах современности в том или ином государстве/обществе. Логично в связи с этим под «программой» обозначить систематизированную совокупность таких идей.

Поставим задачу не только оценить и сравнить открытость различных социумов, но и показать механизм идейной детерминации социальных изменений. По нашему мнению, решение этой задачи составит основу методологии поиска и отбора идей, воплощение которых способствовало преодолению социальных вызовов. Именно поэтому исследовательский интерес к идеям должен выйти за рамки их познавательных функций к инструментальному

значению, которое обуславливает социальное бытие.

Для современных общественных наук характерна плюралистическая целостность, что делает возможным создание новых (порой прямо противоположных) концепций, подходов и теорий и дает понимание магистралей дальнейшего социального развития. Не вдаваясь в точную статистику, скажем, что один лишь XX век принес несколько сотен разнонаправленных мыслительных конструктов. Дискуссионность и критика, взаимообусловленность и противодействие, солидарность и отчуждение, и отсутствие жесткого диктата одной точки зрения мнению всего сообщества — вот основные параметры нормы для современных сетей интеллектуалов, играющих важную роль в различных областях общественной жизни.

Заслуживает внимания тот факт, что идеи, лежащие в основе концепций и теорий, представляют собой результаты коммуникации между сетями интеллектуалов и де-факто приобретают парадигмальное значение в масштабе эпох. Мы солидарны с американским мыслителем Р. Коллинзом, который увидел во взаимодействии интеллектуалов разных сообществ не простой обмен информацией, но генезис новых продуктов мыслительной деятельности. Отметим, что Коллинз пришел к такому выводу благодаря обращению к наследию мировой философской мысли, через множество дискурсивных практик. Позиция социолога предполагает количественный учет поколений в непрерывно развивающемся интеллектуальном сообществе, для этого он приближает и отдаляет разные по масштабности идейные (и даже идеологические) линии [3]. Проще говоря, углубление в интеллектуальные направления, традиции и школы фактически открывает бесконечное множество идей. Для того чтобы подтвердить это суждение, обратимся к опыту XX столетия, богатого институционализацией новых и переосмыслением,

казалось, забытых интеллектуальных течений и традиций. XX век послужил окончательному разрыву с метафизикой во многих концепциях и был ориентирован на практику, прежде всего на социальный заказ. Классические философские проблемы, затрагивающие производство идей, находят свое новое воплощение, полагая идеи неразрывно связанными не столько с разумной деятельностью, сколько с общественными переменами. По сути, понимание особенностей сетевой коммуникации между интеллектуалами делает справедливым утверждение о генезисе «социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, находящие свое выражение путем формирования подобных сетей» (см. М. Кастельс в: [2, с. 495]). Сетевой подход к коммуникации позволяет исследователю снять функциональные ограничения, тем самым устранив слабую сторону субстанциональной концепции, обусловленную интересами малого числа акторов. В коммуникации между сетями интеллектуалов значимость смещается от индивида к субъектам, к сети как системе, что делает коллективную деятельность более эффективной за счет той или иной степени со-участия в ней всех ее членов¹.

Итак, сегодня особенно актуальным становится влияние идей на социальные изменения, причем требуются такие идеи, которые наиболее полно учитывали бы всю палитру вызовов современности применительно к конкретному обществу. Таким образом, мышление интеллектуалов не должно быть в плену априори нереализуемых социальных проектов. Если направление мышления прагматично, исходит из текущих контекстуальных реалий, то идеи, предлагаемые для выхода из кризисных ситуаций, коррелируют с возможностями (а на практике — и со стремлениями) властных акторов. По сути, наше понимание идей как инструментов социальных преобразований

¹ Цит. по докладу Н.Н. Равочкина «Роль коммуникации между интеллектуалами в аспекте генезиса и развития идей как инструментов социальных преобразований» (Конференция «Социальные коммуникации и эволюция обществ». г. Новосибирск, 27—28 сентября 2019 г.).

лежит в плоскости построения определенных моделей по преодолению кризиса и максимально полной их реализации и ни в коей мере не относится к так называемой наивной методологии бесконечных проб и ошибок одного-единственного варианта [8, с. 4—5].

Идеи, ориентированные на реализацию социальных преобразований, многогранны: отражают осмысление причин, которые привели социум к нынешнему состоянию, а также прогнозирование, т. е. содержат конструктивные предложения, программы по выходу на эволюционный путь развития, более того, еще учитывают и множество влияющих на эволюцию факторов. Полагая, многие согласятся с нашим тезисом: каждый новый этап в развитии государства должен сопровождаться глубинным анализом его источников, или влияющих на него факторов, поскольку в первую очередь это необходимо для переосмысления концептуальных основ социального развития. Следует сказать, что социально-гуманитарные и междисциплинарные исследования внесли колоссальный вклад в осмысление и ранжирование факторов, детерминирующих развитие государств и альянсов, причем в последнее время — их взаимодействие между собой. Обобщая тезисы, приведенные в этой микротеме, можно сформулировать две главные задачи, выполняемые сетями интеллектуалов при продуцировании для социальных преобразований эффективных идей. Во-первых, это всесторонняя характеристика проблем развития общества и действующих препятствий; во-вторых, прорисовка траектории будущего состояния социума с учетом реализации на практике мыслительных конструктов и под воздействием «плюрализма факторов» (в условиях плюрализма). Также мы полагаем, что уровень осознанности и качество реконструкции мышления есть те показатели, которые способствуют реализации регулятивного функционала социальных структур применительно к типам отношений.

Влияние идей на структуру социального бытия всегда сопряжено с противоречиями между содержанием результатов мыслительной деятельности и реальным ходом развития

общества. Помимо этих сложных взаимодействий, обращает на себя внимание проблема взаимного влияния интеллектуальных конструктов. Само содержание идей, продуцируемых сетями интеллектуалов, во многом обусловлено социальными процессами. Хотя бы того властные акторы или нет, но чтобы достичь социальной эволюции, придется отказаться от таких рецептов (накопившихся стереотипов), которые, как показала практика, не могут быть универсальными для отличных друг от друга обществ. Таким образом, даже самые закрытые от диалога государственные структуры вынуждены обращаться к сетям интеллектуалов именно ввиду их умения лучше видеть системы различных связей и фиксировать уровень вызовов современности. В противном случае, по нашему мнению, высока доля вероятности, что даже скрупулезное извлечение властными акторами «проверенных и универсальных рецептов» из работ мыслителей того или иного времени приобретет не созидательные и прогрессивные идеи, а догмы. Следует помнить, что успешные социальные преобразования составляют «синтез старых и новых системообразующих идей» [8, с. 174]. Идеи всегда порождают другие идеи, их сочетание приводит к генезису, более сложным идеальным конструктам (причем не обязательно именно в той сфере, применительно к которой изначально создавалась идея). К ним относятся гипотезы, концепции, теории, программы, порой восходящие до философских оснований [6].

Многоаспектность результатов мыслительной деятельности обеспечивается за счет наличия в них нескольких причинно-следственных связей и зависимостей, поскольку они описывают текущее и будущее состояние социума и ранжируют их определенным образом, исходя, разумеется, из методологической установки. Однако именно здесь важно понимать, какие срезы готовой к воплощению идеи, вопреки внешнему положительному эффекту, окажутся непринятыми (а то и заблокированными) теми или иными социальными группами и/или слоями, что с большой долей вероятности приведет к негативным

последствиям. Именно поэтому мы делаем акцент на значимости аксиологических оснований идей, выделяем контекст, построенный на анализе экспектаций социальных групп и слоев. Культуральные параметры во многом определяют дихотомию «эффективность/неэффективность», которая априори заложена в идеи, позволяют вскрыть будущие сущностные противоречия и тем самым минимизировать их. Предлагаемая рекомендация действенна тогда, когда мы диагностируем специфику общественных отношений, а в процессе оформления идей в программы социального развития корректируем их содержание соответственно специфике.

Очевидно, что усложнение современно-го нам социума предполагает преобразования, различные по масштабу и по сути в разных государствах и макрорегионах. Поэтому наивно полагать, что эволюция общественной жизни зависит от одной-единственной идеи, которая могла бы объять все стоящие перед социумом вызовы. Отсюда вывод: субъекты социальных преобразований² реализуют программы, которые, в сущности, представляют собой конфигурации определенных идей, адаптированные под реалии конкретного государства.

Перейдем к специфике вызовов современности. Абсолютно для любого общества вызовы, возникающие в нем, могут быть охарактеризованы как совокупность *уникальных* преград и трудностей на пути к эволюционному пути его развития. Более того, в каждом случае вызовы имеют свои, конкретные причины, свою основу. Даже те вызовы, которые имеют характер различной общности (охватывают два и более двух государств, а также мировые), персонифицируются главным образом в зависимости от следующего набора параметров: состояние экономики, территория, уровень политико-правовой сферы и, конечно, культура, в любом ее значении, и др. Более того, сети интеллектуалов вправе предлагать собственные критерии классификации параметров, на которые проецируются актуальные проблемы.

Исходя из того, что нет и не может быть двух стопроцентно одинаковых экономик или практик правоприменения, уникальность как маркер вызовов также несомненна.

Далее, многое зависит от «социального профиля» интеллектуалов. Сформулируем принципиальное положение: даже на теоретическом уровне продуцируемые идеи по-разному участвуют в жизни конкретного общества. Преимущество идей зависит от состава артикулированных в них проблем и от обращения субъектов социальных преобразований к зарубежному опыту (о полном импорте технологии социальной инноватики здесь речь не идет). Кроме того, об идентичности идеи социального изменения (не говоря о модели) можно судить по неодинаковому характеру фиксации текущей ситуации, поскольку сети придают разное значение тем или иным факторам и ведут собственную траекторию воплощения идей на практике.

Рассмотрим сферу конструкторов, приемлемых для решения проблемы модернизации. Для наглядности приведем пример с выбором одной-единственной идеи (в реальности таковых идей гораздо больше). Допустим, сеть А настаивает на поэтапной модернизации сфер общественной жизни, тогда как сеть В — на активном, революционном преобразовании всего общества сразу. Любопытно, что, несмотря на логичность первого варианта, субъекты реализации социальных преобразований могут отдать предпочтение принципу «все и сразу»: здесь проявится детерминанта «личное обогащение ограниченного круга, властной элиты» или, наоборот, «скорейший приход к власти нового истеблишмента». Дополнительным аргументом в пользу неконструктивного варианта может стать отчуждение населения от мер управления, проводимых государством. Как показывает анализ мировой практики, подобное «извращенное» воплощение идей, да еще и не в полном объеме, выбирает большинство африканских государств. Приход к власти население этих

² Субъектами социальных преобразований чаще выступают властные акторы, тогда как крупными инициаторами могут быть: интеллектуалы, гражданское общество, транснациональные корпорации.

стран рассматривает как средство удовлетворения личных целей. В самом деле, претензии акторов на полномочия и связанные с ними имущественные блага постоянны, но при этом пребывание этих групп у государственного штурвала темпорально. Возьмем на себя смелость утверждать, что даже (относительно) длительное сохранение власти в том или ином обществе в руках одной или нескольких групп (демократия) не является гарантом того, что внутри политического образования у людей отсутствуют претензии и стремления к власти, и не исключает противоборства между этими силами, или партиями. В связи с этим чрезвычайно важно понимать: какое направление реформ будет выбрано и кто его будет осуществлять. Приведенный пример вполне может быть развернут до N-вариантов выбора так называемых революционных (по природе и содержанию) идей, причем де-факто взаимоисключающих друг друга и преумножающих противоречия. Тем не менее они помещаются субъектами социальных преобразований в одну программу.

Велико значение взаимообусловленного характера развития сфер общественной жизни. Этот фактор определяет сущностное содержание социальных структур, их актуальное состояние и необходимость обновления либо полной замены архаичных механизмов, которые тормозят функционирование социума, со свойственным ему плюрализмом взаимоотношений с другими соразмерными субъектами. Пожалуй, рубеж XX — XXI столетий наглядно показал, что формирование нового мирового порядка и расклада сил учитывает невероятное количество взаимодействий государств друг с другом, поэтому даже максимально закрытые страны (прежде всего, КНДР) при реализации идей должны прогнозировать взаимоотношения с другими участниками международных отношений.

Понятно, что имплементация идей в структуры социального бытия отражает действия субъектов по преобразованию действительности. Повышение эффективности идейной детерминации социальных изменений напрямую зависит от своевременной реакции

субъектов на ситуацию. В свою очередь принципиальным становится понимание сетями интеллектуальной динамики, поскольку общество пришло к настоящему состоянию благодаря частому обращению к определенным идеям. Еще раз подчеркнем, что предлагаемые программы должны учитывать именно тот интеллектуальный инструментарий, применение которого в прошлом дало вполне конкретные реалии настоящему. Поэтому не следует игнорировать идеи предыдущих эпох, в которых не просто отражалось желаемое сущностное устройство социума, но давались прогнозы должного, по мнению их создателей, развития. Здесь важно отметить, что идеи, которые иногда не вписываются в текущий момент времени, маркируются как опережающие (по своей природе), а также как альтернативы будущих социальных преобразований, могут быть положены в основу принципиально новой программы [4]. В этом мы усматриваем необходимость создания резервов предлагаемых интеллектуалами моделей социальных изменений. К сожалению, такая практика пока не получила соответствующего распространения.

На наш взгляд, анализирование кризисных тенденций, сопровождающих развитие современного общества в общепланетарном масштабе, позволяет достаточно обоснованно говорить о наличии множественных и почти всегда связанных между государствами систем подкризисов. Не делая целью предметное углубление в проблемные области, обобщенно скажем, что де-факто многие преобразования осуществлялись без должного учета причинно-следственных связей, причем чаще всего внимание уделялось преимущественно причинам. Следуя точке зрения футурологов о нежелании людей переживать изменения повседневности, укажем и на традиционалистские представления как отпечаток на сознании субъектов социальных преобразований в конкретном обществе. Они могут быть представлены в виде простой схемы «причина — действие — следствие». Такой механизм воплощения идей оценим как минимально рискованный. Однако его отложенный негативный эффект с большой

долей вероятности проявится, поскольку механизм изолирован от других функциональных цепей, которые также (и часто одновременно) реализуют соответствующие акторы. По нашему мнению, этот механизм был эффективным исключительно при жестко-централизованном способе управления государством [8, с. 84—85]. Однако современная действительность такова, что каждая ситуация детерминирована не одной причиной, а многими. Поэтому даже тенденции полярные, выявленные в ходе многочисленных исследований, на практике учитываться должны, если анализ показал, что именно они определенным образом оказывают сильное воздействие на социальную систему.

Детальная проработка проблемы идейной детерминации социальных преобразований показала, что сложность ее более выражена, чем в логике рассуждений лапласовского детерминизма. Вышеупомянутое практическое взаимовлияние сфер общественной жизни, динамичность и открытость социальных систем [5] являются специфичными маркерами современности и делают несостоятельными линейные варианты идейной детерминации социальных преобразований. Следовательно, сегодня при подготовке содержания идей, положенных в скорректированном виде в основу программ, недопустимо игнорировать внешний эффект, который фундирует образ государства на международной арене, вне зависимости от того, одним государством или группой он будет восприниматься и оцениваться. К примеру, излишний критицизм в отношении прошлой организации государственного устройства и, как следствие этого, чрезмерное реформирование институтов приведет, с верным расчетом, к амбивалентным оценкам той или иной страны на мировой арене. Характерным примером этому является смена государственного режима с авторитарного на демократический. Вместе с тем оценки таких реформистских практик также могут отличаться с любой стороны, если демократия используется исключительно в качестве декларативного принципа, а ее базисные ценности, соответственно, — как спекуляции.

Приближаясь к построению механизма идейной детерминации социальных преобразований, рассмотрим взаимодействие внутри сетей интеллектуалов: с различной степенью активности участники кристаллизуют идею или комплекс идей исходя из принципа функциональной детерминации. Данный маркер взаимодействий обуславливает изменение содержания идей (оно дополняется/сокращается) благодаря ориентации участников на взгляды, разделяемые другими участниками, и вариативности решений. Назвать точное количество конфигураций и модификаций, которые описывали бы взаимодействия внутренние и внешние между сетями интеллектуалов, невозможно, поскольку не поддаются учету такие характеристики, как число участников, территориальная расположенность сети, активность участия, методологические установки и др. Примером позитивной конфигурации назовем такое взаимодействие между интеллектуалами, при котором учитывается мнение каждого, а разработка идей осуществляется путем отбора наиболее значимых (в данной сети) положений. Следующий способ организации взаимодействия — это тоталитарный подход к созданию идей, когда, в отличие от объективного критицизма, лидер не ориентируется на взгляды участников и тем самым к реализации «продавливает» наименее перспективный вариант. Однако содержание продуцируемых идей главным образом определяется реалиями социального бытия, что позволяет сетям интеллектуалов максимально полно охватить проблемы в конкретной сфере, разумеется, применяя научный подход. Совокупность проблем как раз и создает настоящую палитру вызовов того или иного времени. Таким образом, идеи извлекаются из опыта путем его анализа.

Приступим к прорисовке механизма идейной детерминации социальных преобразований. На рисунках 1 и 2 изображены четыре сети интеллектуалов (ИС), участники которых (Интеллектуал 1 ... Интеллектуал n) заняты осмыслением комплексов вызовов современности в конкретном обществе либо отдельных проблем в сферах общественной

жизни (что чаще встречается на практике). Результаты своей деятельности они предлагают субъектам реализации социальных преобразований. Конечно, это далеко от реалий, но тем не менее данный механизм допускает и продуцирование ИС такого количества идей, которые распространялись бы абсолютно на все сферы общественной жизни.

Идеи как результат рефлексии и последующей кристаллизации классифицируемы по видам. Главным образом они могут восприниматься как полностью соответствующие необходимым критериям: «культура», «ценности», «своевременность», «ожидания». Критерии разделяются субъектами социальных преобразований, отдельными группами и слоями (идеализированно для ИС-1, даны некоторые модификации для ИС-2 и ИС-3). Разумеется, на практике любая идея будущего преобразования неизбежно встретится с сопротивлением/неприятием/критикой и иными маркерами негативной оценки. Однако учитывая, что идея не может быть совершенной абсолютно для всех людей, логичней рассматривать сугубо широкие социальные группы и слои (однако и среди таковых будет различная реакция на перспективу воплощения предлагаемых интеллектуалами идеальных моделей), а не анализировать детально, по критериям. Так, у образованного социального слоя, подготовленного к переменам, реформы вызовут одобрение, тогда как для представителей нижних страт потребуетс я иная, ненаучная аргументация. Поэтому перед сетями интеллектуалов и субъектами социальных преобразований возникает дополнительная задача — четко формулировать и артикулировать базисные идейные послылки будущих перемен, чтобы они были доступны максимально широкой аудитории и на деле стали детерминантами эволюционного развития общества. По нашему мнению, такой подход к репрезентации образа социума снимает противоречия, связанные с пониманием идейного инструментария, что согласуется с прагматикой

современной философской и социально-философской мысли.

Более того, на практике возможен и такой вариант: идея не принята субъектами социальных преобразований. В мировой истории бывали случаи, когда люди, совершающие изменения в координатах общественного бытия, в силу именно своего интеллектуального уровня не имели полного представления о возможных траекториях и конечных целях тех или иных трансформаций. Полнота или неполнота восприятия и осознания идей, и особенно непосредственного их воплощения, представляют собой отдельные философские проблемы, решение которых требует отдельных исследований³.

На рисунке 1 показана обратная связь взаимодействия ИС-1 и ИС-2 — это влияние интеллектуалов различных сетей на взгляды и идейно-теоретические установки друг друга.

Конечно, в соответствии с открытостью обществ и постулатами акторно-сетевой теории, можно дополнять схему механизма идейной детерминации социальных преобразований как опосредованными связями между ИС (1—4), так и связями ИС (1—4) с субъектами.

Второй вариант обратной связи — между субъектами реализации социальных преобразований ИС-1, ИС-2 и ИС-3 — призван показать вовлечение интеллектуалов в диалог в целях корректировки предлагаемых ими мыслительных конструктов (на практике она всегда необходима). Также из схемы понятно, что обратные связи позволяют субъектам реализации социальных преобразований детализировать предлагаемые установки, не блокируя другие подходы. Корректировка идей производится для того, чтобы получить максимально эффективное сочетание этих элементов в программе социальных изменений. Прямые связи на рисунке отражают присутствие идей в создаваемой субъектами программе. Программа являет собой суммарный результат используемых идей (черная стрелка на рисунке).

³ Заметим, что иллюстрированная на рисунке 1 образованность субъектов социальных преобразований несколько идеализирована.

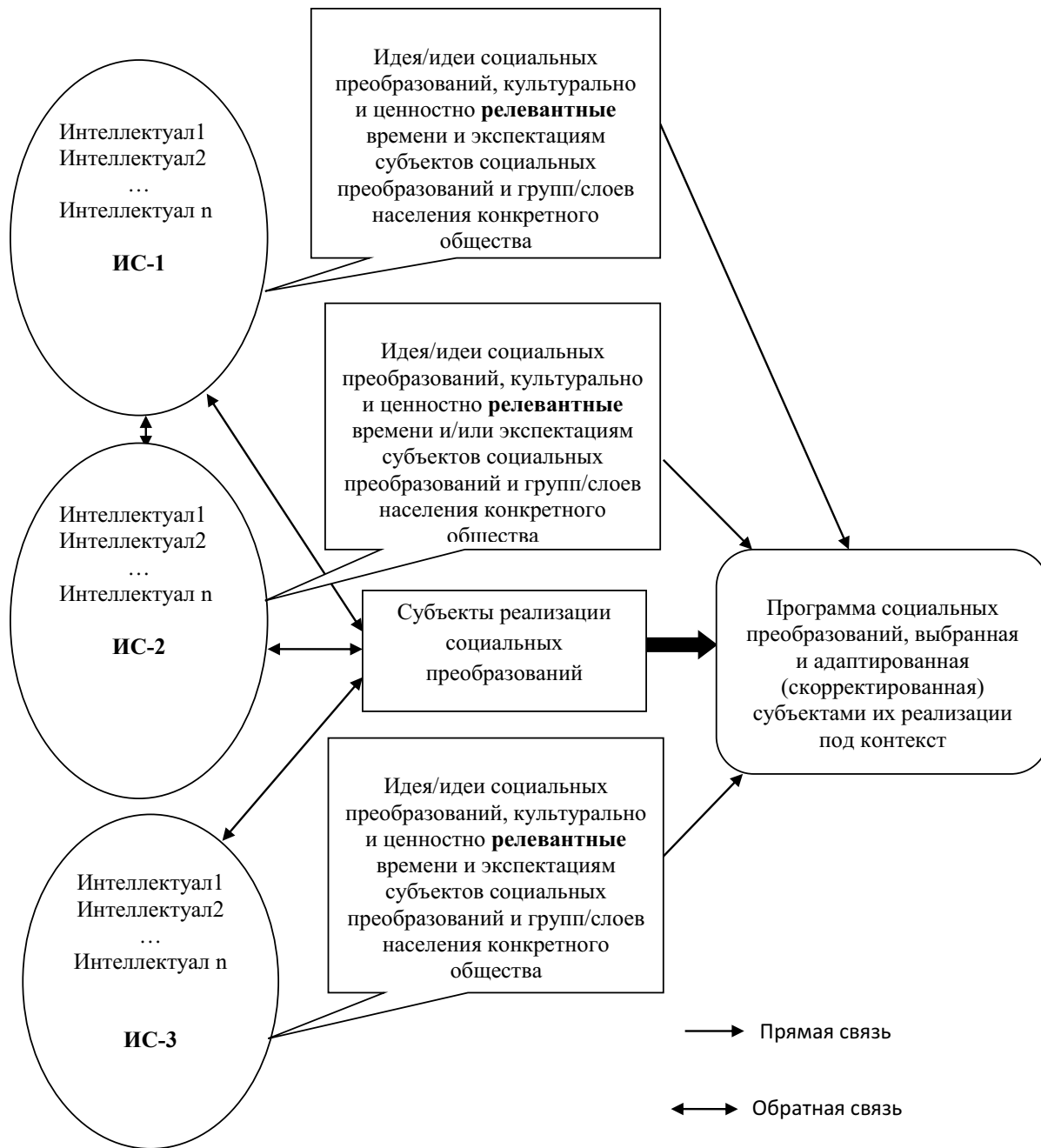

Рис. 1. Механизм реализации идейной детерминации социальных преобразований

Обратим внимание на рисунок 2. Идеи, создаваемые участниками ИС-4, после осмысления актуальных вызовов не находят отклика в конкретном обществе по тем или иным причинам, вследствие чего субъекты реализации социальных преобразований даже не считают нужным вступать в диалог с этой ИС. Однако отсутствие социального заказа ни в коей мере не означает, что идеи сообщества мыслите-

лей исчезнут. Конечно, мы допускаем различные сценарии, но для идеализированной модели выберем траекторию, благоприятную для интеллектуального наследия ИС-4. Это движение к резерву моделей будущих социальных преобразований (белая стрелка на рисунке), который, в силу мировоззренческих особенностей участников ИС-4, не имеет жесткой привязки к конкретному обществу

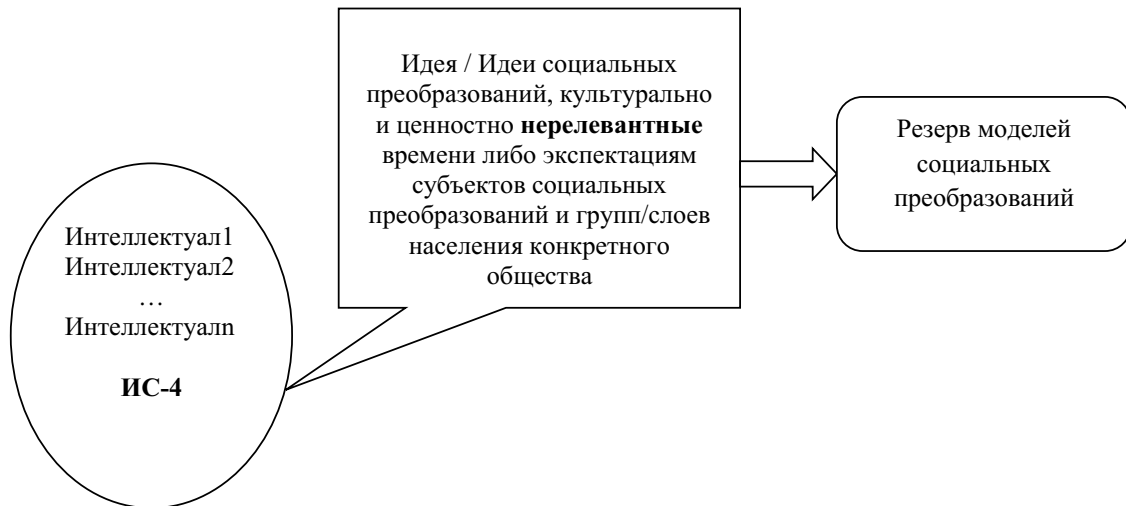

Рис. 2. Механизм создания резерва моделей социальных преобразований

и в чем-то будет действенным и для других государств.

В заключение добавим, что предложенный механизм идейной детерминации социальных преобразований допускает дополнения и может быть использован для более сложных примеров. В частности, можно варьировать количество интеллектуальных сетей, «настраивать» их взаимодействие, как между собой, так и с акторами реализации социальных преобразований. Также на рисунке можно отобразить различные группы и слои общества, которые могли бы оказывать определенное влияние на акторов. Практическое значение механизма идейной детерминации социальных преобразований предполагает масштабирование под конкретную ситуацию и дает наглядное руководство для отбора идей и их адаптации под актуальный контекст. Таким образом, мы показали роль идей, обуславливающих изменения в социальном бытии, не только на теоретическом уровне, но и в прикладном понимании.

Литература

1. Давыдов О.Б. Коммунитаристский проект общества: философская критика и обоснование: автореф. дис. ... докт. филос. н. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т., 2017. 43 с.
2. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 631 с.

3. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.
4. Окладной В. А. Диалектически противоречивый характер возникновения новых теорий // Тождество противоположностей как методологическая проблема: сб. науч. трудов / Отв. ред. И. Я. Лойфман. Свердловск: УрГУ. 1987. Вып. 10. С. 68—80. (Категории диалектики. 1970—1987).
5. Пригожин И. Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. М.: Институт философии РАН. 1991. № 6. С. 46—52.
6. Равочкин Н.Н. Идеи как философские основания: онтологический аспект // Якутский философский журнал. Якутск: Якутское регион. отд. Межрегион. Обществ. организации содействия развитию гуманизма «Российское гуманистическое общество». 2019. № 4. С. 4—13.
7. Равочкин Н.Н., Баумгартэн М.И., Порхачев В.Н. От «Проблемы идеального» Э.В. Ильенкова к исследованию идей в современной социальной философии (обзор) // Философская мысль. 2020. № 7. С. 22—44. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33375
8. Щенников В.П. Сознание как общественная детерминанта: автореф. дис. ... докт. филос. н. Екатеринбург. 1992. 44 с.
9. Béland D. Ideas, Institutions, and Policy Change // Journal of European Public Policy. 2009. № 16(5). pp. 701—718.
10. Blyth M. Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 298 p.
11. Blyth M. The transformation of the Swedish model: economic ideas, distributional conflict and institutional change // World Politics. 2001. № 54. pp. 1—26.
12. Carstensen M. Ideas Are Not as Stable as Political Scientists Want Them to Be: A Theory of Incremental Ideational Change // Political Studies. 2011. 59(3). pp. 596—615.

13. Cox R.H. The social construction of an imperative: why welfare reform happened in Denmark and the Netherlands but not in Germany // *World Politics*. 2001. №53. pp. 463—498

14. Hajer M.A. Discourse Coalitions and the Institutionalization of Practice: The Case of Acid Rain // *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning* I. F. Fischer and J. Forester. London: Duke University Press, 1993. pp. 43—76.

15. Hall P. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // *Comparative Politics*. 1993. № 25(3). pp. 275—296.

16. Jabko N. *Playing the Market: A Political Strategy for Uniting Europe, 1985—2005*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. 224 p.

17. Katznelson I. Structure and Configuration in Comparative Politics // *Comparative Politics: Rationality, Culture, and Structure*, ed. Mark Irving Lichbach and Alan S. Zuckerman. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. pp. 81—114.

18. Kingdon J.W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. NY: HarperCollins, 1995. 254 p.

19. Lieberman R.C. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*. 2002. V. 96. №. 4. pp. 697—712.

Поступила 30.07.2020

Равочкин Никита Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru

Щенников Владимир Петрович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и художественно-эстетических дисциплин Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования (Россия, 650070, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Заузелкова, д. 3), volodia.logos2011@yandex.ru

References

1. Davydov O.B. Kommunitaristskij proekt obshhestva: filosofskaja kritika i obosnovanie: avtoref. dis. ... dokt. filos. n. Vladivostok: Dal'nevost. feder. un-t., 2017. 43 s.

2. Novaja postindustrial'naja volna na Zapade: antologija / Pod red. V.L. Inozemceva. M.: Academia, 1999. 631 s.

3. Kollinz R. Sociologija filosofij. Global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija / Per. N. S. Rozova. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2002. 1282 s.

4. Okladnoj V. A. Dialekticheski protivorechivyy ha-
rakter vzniknovenija novyh teorij // *Tozhdestvo protivopolo-
zhnostej kak metodologicheskaja problema: sb. nauch.
trudov* / Otv. red. I. Ja. Lofman. Sverdlovsk: UrGU. 1987.
Vyp. 10. S. 68—80. (Kategorii dialektiki. 1970—1987).

5. Prigozhin I. R. *Filosofija nestabil'nosti* // *Voprosy filosofii*. M.: Institut filosofii RAN. 1991. № 6. S. 46—52.

6. Ravochkin N.N. Idei kak filosofskie osnovanija: ontologicheskij aspekt // *Jakutskij filosofskij zhurnal*. Jakutsk: Jakutskoe region. otd. Mezhregion. Obshhestv. organizacii sodejstvija razvitiyu gumanizma «Rossijskoe gumanisticheskoe obshhestvo». 2019. № 4. S. 4—13.

7. Ravochkin N.N., Baumgartjen M.I., Porhachev V.N. Ot «Problemy ideal'nogo» Je. V. Il'enkova k issledovanijam idej v sovremennoj social'noj filosofii (obzor) // *Filosofskaja mysl'*. 2020. № 7. S. 22—44. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33375

8. Shhennikov V.P. *Soznanie kak obshhestvennaja determinanta: avtoref. dis. ... dokt. filos. n.* Ekaterinburg. 1992. 44 c.

9. Béland D. Ideas, Institutions, and Policy Change // *Journal of European Public Policy*. 2009. № 16(5). pp. 701—718.

10. Blyth M. *Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 298 p.

11. Blyth M. The transformation of the Swedish model: economic ideas, distributional conflict and institutional change // *World Politics*. 2001. № 54. pp. 1—26.

12. Carstensen M. Ideas Are Not as Stable as Political Scientists Want Them to Be: A Theory of Incremental Ideational Change // *Political Studies*. 2011. 59(3). pp. 596—615.

13. Cox R.H. The social construction of an imperative: why welfare reform happened in Denmark and the Netherlands but not in Germany // *World Politics*. 2001. №53. pp. 463—498

14. Hajer M.A. Discourse Coalitions and the Institutionalization of Practice: The Case of Acid Rain // *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning* I. F. Fischer and J. Forester. London: Duke University Press, 1993. pp. 43—76.

15. Hall P. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // *Comparative Politics*. 1993. № 25(3). pp. 275—296.

16. Jabko N. *Playing the Market: A Political Strategy for Uniting Europe, 1985—2005*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. 224 p.

17. Katznelson I. Structure and Configuration in Comparative Politics // *Comparative Politics: Rationality, Culture, and Structure*, ed. Mark Irving Lichbach and Alan S. Zuckerman. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. pp. 81—114.

18. Kingdon J.W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. NY: HarperCollins, 1995. 254 p.

19. Lieberman R.C. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*. 2002. V. 96. №. 4. pp. 697—712.

Submitted 30.07.2020

Ravochkin Nikita N., candidate of philosophy, associate Professor of the Department of history, philosophy and social Sciences of the T. F. Gorbachev Kuzbass state technical University (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya str., 28); associate Professor of the Department of Humanities and legal disciplines of the Kuzbass state agricultural Academy (5 Markovtseva str., Kemerovo, Kemerovo region, 650056, Russia), *nickravochkin@mail.ru*

Schennikov Vladimir P., doctor of philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and artistic and aesthetic disciplines of the Kuzbass regional Institute for advanced training and retraining of educational workers (3 Zauzelkova str., Kemerovo, Kemerovo region, 650070, Russia), *volodia.logos2011@yandex.ru*

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ: ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА PEDAGOGICAL COORDINATE SYSTEM EDUCATION, UPBRINGING, HUMAN DEVELOPMENT

УДК 378.147:004.9

DOI: 10.24151/2409-1073-2020-3-105-112

Организация смешанного обучения в техническом университете (в рамках информатизации профессиональной деятельности)

Г. Н. Брусникин¹, Н. Ю. Соколова¹, И. Г. Игнатова¹

¹Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

zelgnb@yandex.ru

Рассмотрены вопросы организации смешанного обучения студентов по специальности «Прикладная информатика», а именно вопросы использования информационного обеспечения для профессиональной деятельности. Представлено применение методики «перевернутого класса» в сочетании с инфокоммуникационными технологиями в обучении студентов. Приведено описание кейсов учебных материалов, практических индивидуальных и групповых заданий с учетом оценок знаний. В заключении обозначены проблемные и положительные моменты, существенные для дальнейшего обучения.

Ключевые слова: информационное обеспечение, профессиональная деятельность, смешанное обучение, перевернутый класс, образовательные технологии.

Organization of blended learning at a technical University (within the framework of the informatization of professional activity)

G. N. Brusnikin¹, N. Yu. Sokolova¹, I. G. Ignatova¹

¹National Research University of Electronic Technology, Moscow

zelgnb@yandex.ru

1 The issues of the organization of blended learning of students in the specialty «Applied Informatics», namely the use of information support for professional activities, are considered. The application of the «inverted classroom» technique in combination with infocommunication technologies in teaching students is presented. The description of the training materials, practical individual and group assignments, taking into account the assessment of knowledge, is given. The conclusion identifies problematic and positive points that are essential for further training.

Keywords: information support, professional activities, blended learning, the «inverted» class, educational technologies.

Тенденция к стремительному росту глобальной цифровой трансформации общества требует от его членов адаптации к окружающей информационной среде в повседневной и профессиональной деятельности. Развитие информационных технологий качественно влияет на развитие социальных и профессиональных качеств личности за счет постоянного взаимодействия с информационной средой.

Обучение взаимодействия с информационной средой происходит как на бытовом уровне, так и на уровнях общеобразовательного и профессионального обучения личности. Современному человеку для решения повседневных и профессиональных задач постоянно требуется погружение в глобальную информационную среду для получения необходимых обобщенных данных и общение в своем социуме.

Глобальным источником информации и средством коммуникации является Интернет, который проник во все сферы жизни. Границы его возможностей с каждым годом растут — не изучены и не осмыслены.

Согласно данным, приведенным в аналитическом докладе Высшей школы экономики «Тенденции развития интернета в России и зарубежных странах» [1], глобальное информационное пространство насчитывает 354 млн доменных имен, из которых 5.9 млн — российские (5.0 млн — «.RU», 0.8 млн — «.РФ» и 0.1 млн — «.SU»). Домен «.RU» находится на шестом месте среди национальных доменов верхнего уровня. Цифровые технологии оказывают значительное влияние на экономическое и социальное развитие. Повышается роль отдельных технологий — искусственного интеллекта, Интернета вещей, блокчейна, — что приводит к трансформации производственных процессов и к кардинальному изменению бизнес-моделей (платформы, компании-экосистемы и др.). Ключевым ресурсом цифровой экономики становятся нематериальные активы (информация, знания, компетенции), повышается значимость сферы услуг и развития парадигмы «-as-a-service» (PaaS — Platform-as-a-Service; IaaS — Infrastructure-as-a-Service; DaaS — Desktop-as-a-Service и др.) [1].

В опубликованном ежегодном отчете «We Are Social Hootsuite» о состоянии цифровой сферы Digital 2020 [2] приводятся данные, что более 4,5 млрд человек в настоящее время используют Интернет, а число пользователей социальных сетей превысило 3,8 млрд чел. В России количество интернет-пользователей составило 118 млн чел., т. е. 81 % россиян пользуются Интернетом. По прогнозам, только в 2020 г. общее время онлайн-пребывания глобальной аудитории Интернета составит 1,25 млрд лет. Каждый россиянин использует интернет 7 часов 17 минут ежедневно [2].

В аналитическом докладе фирмы IDC «Эра данных 2025» [3] опубликован прогноз, что к 2025 г. объем всех данных в мире составит 163 зеттабайт (ЗБ). Это в 10 раз больше общего объема данных по состоянию на 2016 г. По отчетам аналитиков IDC, в ближайшие годы основной объем данных будут производить не пользователи, а компании. На промышленность и другие сферы экономики придется до 60 % всех данных мира. Это в два раза превышает показатель 2015 г., когда предприятия генерировали треть всех мировых данных [3].

Развитие инфраструктуры, обеспечивающей доступ в Интернет в любое время и в любой точке мира, достижения ИТ-технологий — все это создало новую социальную среду населения, использующего Интернет-технологии в повседневной и профессиональной деятельности. Прежде всего это студенты-первокурсники они владеют навыками использования сети Интернет в качестве средства коммуникации и источника информации. Чтобы углубить знание возможностей Интернет и научить использовать их в качестве эффективного инструмента для поддержки процесса обучения в университете, в целях формирования универсальных профессиональных компетенций студентов и навыков групповой работы, введена дисциплина «Информационное обеспечение профессиональной деятельности».

Обучение проводится в течение первого семестра, в объеме 72 часа, из которых 16 часов отводится на выполнение практических

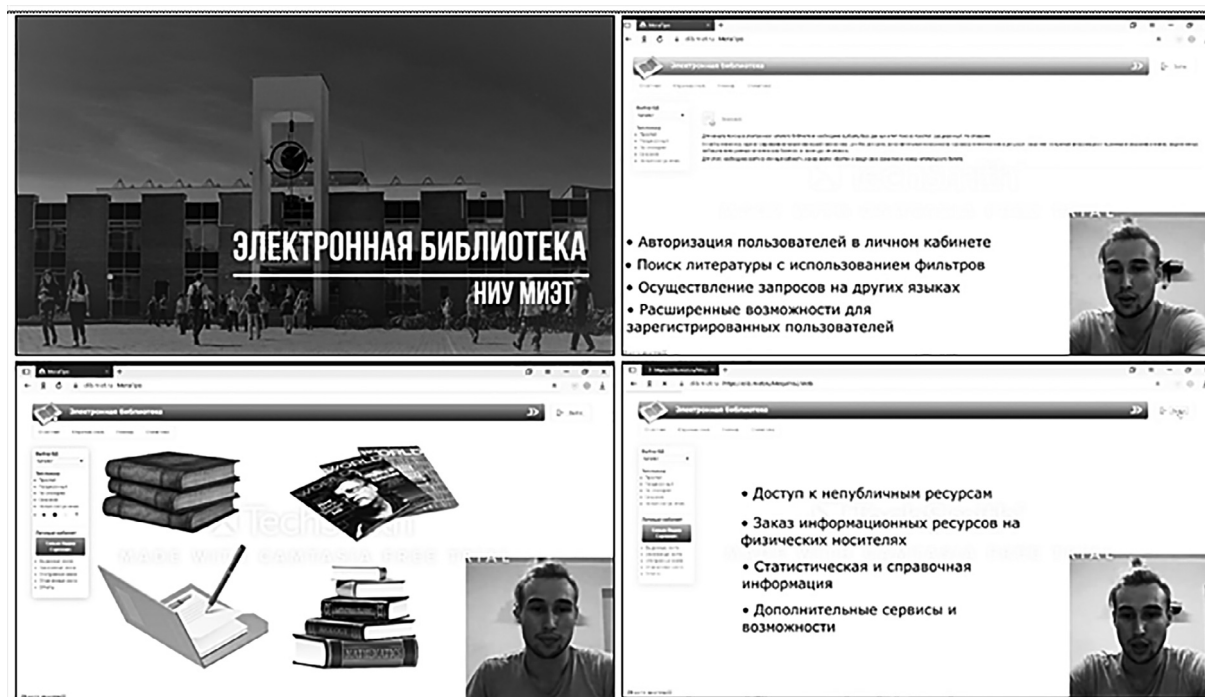

Рис 1. Кадры обучающего видео, для работы с электронной библиотекой НИУ МИЭТ

заданий и 24 часа — на самостоятельную работу. Обучение завершается публичной защитой реферата по теме, связанной с будущей профессией. Технология смешанного обучения применяется в сочетании с методикой «перевернутого класса». Смешанное обучение объединяет традиционную систему обучения и систему получения знаний посредством современных инфокоммуникационных технологий — при взаимодействии студентов и преподавателей.

Методика «перевернутого класса» подразумевает, что при самостоятельной подготовке (вне аудитории) к каждому практическому занятию студенты изучают теоретический учебный материал, который представлен в видеороликах. Основной обучающий видеоматериал разработан студентами НИУ МИЭТ при выполнении курсовых работ по дисциплине «Мультимедийные технологии», по заданию разработчиков курса «Информационное обеспечение профессиональной деятельности». Для лучшего восприятия длительность видеороликов небольшая — от 3 до 10 минут. Помимо видеоматериала имеется и текстовый. Видео- и текстовые материалы поделены на

две категории — основной материал (рекомендуемый для обязательного обучения) и дополнительный. Одно из практических занятий посвящено использованию ресурсов библиотеки для профессиональной деятельности. На рисунке 1 приведены скриншоты кадров обучающего видео [4], выполненные при работе с электронной библиотекой НИУ МИЭТ. Видео рассказывает о библиотечном фонде, условиях его использования и демонстрирует операции по представлению электронных услуг пользователям (записи с экрана).

На каждом практическом занятии студенты выполняют задание, которое публикуется в электронной информационно-обучающей среде ОРИОКС, реализованной на базе НИУ МИЭТ. Результаты выполнения аудиторного задания оформляются в виде отчета, в ОРИОКС выложены требования к правильному оформлению, а также примеры.

В качестве технологии обучения используется кейс-метод. Поскольку изучение данной дисциплины начинается в первом семестре на первом курсе, кейс 1 посвящен использованию информационных ресурсов

НИУ МИЭТ и включает задания по регистрации и выполнению услуг корпоративных онлайн-сервисов [5], такие как:

1) создание личного кабинета студента в сети НИУ МИЭТ, корпоративного почтового ящика;

2) получение услуг по взаимодействию с электронной библиотекой университета [4];

3) подключение удаленного доступа с домашних компьютеров, находящихся за периметром защищенной внутренней сети университета;

4) подключение к беспроводной сети Wi-Fi eduroam, Eduroam (education roaming)¹;

5) использование системы ОРИОКС (Организация распределенного информационного обмена в корпоративных средах), предназначенной для сопровождения и информационного обеспечения учебного процесса в НИУ МИЭТ;

6) подключение и осуществление доступа к программам и сервисам производителей программных продуктов — по образовательной лицензии;

7) использование системы Антиплагиат.ВУЗ для проверки студентами оригинальности публикуемых работ.

Кейс 2 направлен на использование студентами возможностей поисковых систем. Задания включают варианты поиска информации по выбранной теме реферата с помощью различных способов ввода поисковых запросов (цифровой, графический, голосовой) и синтаксических конструкций языков запросов в системах Яндекс и Google, включающих: логические операторы, фильтры и ограничения по типу контента (тексты, графика, аудио, видео объекты), форматы, местоположение информации, вторичный поиск.

Кейс 3 включает использование библиотечной ресурсной базы, библиотечных и реферативных баз данных. Задания по регистрации, созданию личных кабинетов и в реферативных базах цитирования

научных работ Web of Science² и Scopus, и в электронной библиотеке eLIBRARY.RU (с доступом к подписным изданиям НИУ МИЭТ). Использование возможностей научных поисковых систем для выполнения поиска по теме реферата с указанием цифровых индикаторов DOI, ISSN (ESSN) и индексов научного цитирования (РИНЦ), отслеживание цитируемости в Web of Science / Scopus. Проведение сравнительного анализа баз данных, используемых для поиска источников по:

- цитируемости;
- охвату журналов и публикаций;
- инструментам для авторов;
- правилам поиска (особенности синтаксиса поискового запроса).

Кейс 4 — на выполнение заданий с помощью следующих онлайн-сервисов:

1) перевод на английский язык аннотации, реферата с помощью трех онлайн-переводчиков и сравнение результатов перевода;

2) поиск видеоматериала по теме реферата, нарезка видеофрагментов, конвертация в необходимый формат контента, например, в анимационный формат «.GIF» — для вставки в презентацию;

3) поиск свободного или условно-свободного распространяемого пакета программного обеспечения для обработки информации, связанного с тематикой реферата и проверкой его на наличие вирусов с помощью аналогов сервиса VirusTotal³;

4) выполнение задания на использование графических онлайн-редакторов и сервиса оптического распознавания символов Optical Character Recognition (OCR) для замены текста на картинках с английского языка на русский.

5) решение четырех математических задач (тригонометрическое уравнение, система алгебраических уравнений, интегрирование, дифференцирование), представленных в рукописи, с помощью сервиса Microsoft

¹ URL: <https://eduroam.miet.ru/#sec2> (дата обращения 04.08.2020).

² URL: http://lib.sseu.ru/sites/default/files/2018/01/obshchie_svedeniya_o_wos.pdf (дата обращения 04.08.2020)

³ Virustotal. URL: <https://www.virustotal.com/gui/home/upload> (дата обращения: 23.07.2020)

Таблица 1

Распределение максимальных баллов по программе обучения

Объект оценивания Субъект оценивания	Практическое задание				Реферат	
	Кейс 1	Кейс 2	Кейс 3	Кейс 4	Отчёт	Презентация
Преподаватель	10	10	10	10	15	15
Студенты	5	5	5	5	5	5
Общий балл	15	15	15	15	20	20

Math Solver⁴, созданного для распознавания математических задач искусственным интеллектом (AI, artificial intelligence);

б) проведение анализа семи доступных в сети Интернет онлайн-сервисов, регулярно используемых студентом.

Отчеты по выполнению индивидуальных практических заданий из кейсов выкладываются каждым студентом в облачное хранилище для проверки.

Для закрепления навыков, которые студенты приобретают в период самостоятельной подготовки, предусмотрена работа в группе по написанию реферата и представлению основных положений реферата к публичной защите. Группам (два-три человека) предлагаются темы рефератов, связанные с будущей профессиональной деятельностью студентов. Темы обновляются ежегодно. В качестве примера перечислим некоторые из этих тем: Визуализация аналитических данных, Виртуальная реальность в производственной деятельности, Наукометрия, Интернет-этика, Геоинформационные системы, Дополненная реальность, Инновационные технологии управления проектами, Инструментарий для создания облачных приложений, Интернет вещей (IoT) и др. Среди требований, предъявляемых к написанию и оформлению реферата, выделим следующие: реферат носит обзорный характер, оформляется аналогично выпускной квалификационной работе по образовательной программе (с учетом требований

к ВКР); при подготовке текста реферата и презентации используются облачные сервисы; реферат должен содержать иллюстрации, таблицы, поясняющие суть работы, а также правильно оформленные библиографические записи (ссылки на источники информации).

В целях сопровождения учебного процесса определяются площадки для дискуссий (проводит обучающая группа) и платформа для консультаций преподавателя. Площадку и платформу для консультаций можно предложить студентам на выбор. Как правило, у студентов обучающей группы уже имеется площадка для общения по дисциплине, например, в социальной сети ВКонтакте. Групповое общение — важная составляющая процесса обучения, так как оно позволяет формировать навыки коллективного решения проблем (задач). Контент группового общения преподаватель может использовать для корректировки методического и информационного обеспечения программы обучения.

В качестве платформы для проведения групповых консультаций можно использовать любой из мессенджеров звонков и сообщений, желательно — поддерживающий режим «Демонстрации экрана».

Отчеты по практическим кейсам, реферат и презентация реферата оформляются в соответствии с разработанными преподавателем шаблонами, созданными на основе публикаций [6; 7].

⁴ Microsoft Math Solver. URL: <https://math.microsoft.com/ru/> (дата обращения: 23.07.2020)

Таблица 2

Распределение максимальных баллов по критериям оценки

Критерий оценки	Практическое задание		Реферат		Презентация	
	Преподаватель	Студент	Преподаватель	Студент	Преподаватель	Студент
Соответствие содержания выбранной теме	2	1	2	1	0	0
Соответствие структуры и объема требованиям	2	1	2	1	0	0
Логическая последовательность и обоснованность контента	1	1	1	1	0	0
Культура письменной речи	1	0	1	0	0	0
Умение использовать информационные источники	1	1	3	1	0	0
Соответствие оформления требованиям к научным текстам	1	1	2	1	0	0
Подтверждение результатов самостоятельного поиска скриншотами	1	0	1	0	0	0
Сдача работы в установленные сроки	1	0	3	0	3	0
Содержание и оформление презентации	—	—	—	—	7	2
Публичная защита, доклад	—	—	—	—	3	2
Ответы на вопросы по теме реферата	—	—	—	—	2	1
Общий балл	10	5	15	5	15	5

В процессе обучения каждый студент должен оценить выполнение одного задания из каждого кейса и группового реферата других студентов.

Для оценивания обучения используется накопительная балльная система (НБС), в соответствии с которой максимальная общая оценка студента составляет 100 баллов, которые распределяются по элементам программы обучения: выполнение практических заданий и реферата (см. табл. 1).

В таблице 2 приведены максимальные баллы для оценивания отчётов по выполнению практических заданий и реферата.

Общее количество набранных баллов i -го студента определяется по формуле: $c_i = t_i + s_i$,

где t_i — оценка преподавателя и $s_i = \frac{R_i}{k_i}$

где s_i — усреднённая оценка студентов, где R_i — суммарное число баллов, выставленных k_i — студентами, принявшими участие в оценивании.

Представленный метод организации обучения, основанный на опыте учебного процесса в НИУ МИЭТ, показал, что студенты быстро и без особых усилий адаптируются к площадкам и платформам для электронной коммуникации и обучения, отдавая предпочтение широко известным социальным сервисам перед профессиональными; с интересом относятся к заданиям и участвуют в групповых обсуждениях; предпочитают выполнять задания самостоятельно, вне компьютерного класса, и получать консультации онлайн; активно участвуют в оценивании результатов обучения своих сокурсников. Однако студенты испытывают трудности с соблюдением Интернет-этики и культуры технического изложения контента, что связано с пробелами в довузовском образовании и с влиянием социокультурной молодежной среды.

Литература

1. Тенденции развития интернета в России и зарубежных странах: аналитический доклад / Г. И. Абдрахманова, О. Е. Баскакова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 144

с.; URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/345060549.pdf> (дата обращения 23.07.2020).

2. Digital 2020: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite // Ex Libris: электрон. ресурс агентства по медиааналитике и оценке коммуникаций. URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/> (дата обращения 30.07.2020).

3. Data Age 2025. The Digitization of the World [Электронный ресурс]. URL: <https://www.seagate.com/files/www-content/our-story/trends/files/idc-seagate-data-age-whitepaper.pdf> (дата обращения 30.07.2020).

4. Видеоинструкция по работе с электронным каталогом [Видеозапись] // Электронная библиотека НИУ МИЭТ. URL: https://www.miet.ru/upload/content/biblioteka/Electron_biblioteka.mp4 (дата обращения: 23.07.2020).

5. Брусникин Г.Н. Организация и использование информационных корпоративных услуг в образовательном процессе. Научно-практическая конференция «Интеллектуальные системы и микросистемная техника»: сборник трудов. М.: МИЭТ, 2020. 200 с. С. 189—194.

6. Балашов А.Г., Брусникин Г.Н., Игнатова И.Г. [и др.] Методические указания по подготовке выпускной квалификационной работы бакалавра образовательной программы «Системы корпоративного управления» по направлению 09.03.03 «Прикладная информатика» / А.Г. Балашов, Г.Н. Брусникин, И.Г. Игнатова, Д.Г. Коваленко, Н.Ю. Соколова. М.: МИЭТ, 2016. 64 с.

7. Брусникин Г.Н., Соколова Н. Ю., Игнатова И.Г. Подготовка презентаций для демонстрации результатов студенческих работ по разработке информационных систем (практические рекомендации) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. М.: МИЭТ, 2019. № 2(22). С. 79—89.

Поступила 04.08.2020

Брусникин Геннадий Николаевич — канд. техн. наук, старший науч. сотрудник, доцент СПИНТех, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), zelgnb@yandex.ru

Соколова Натэлла Юрьевна — канд. техн. наук, доцент, доцент СПИНТех, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), dre@miec.ru

Игнатова Ирина Гургеновна — д-р техн. наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования, проректор по учеб. работе, научный руководитель СПИНТех, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), igi@miec.ru

References

1. Tendencii razvitiya interneta v Rossii i zarubezhnyh stranah: analiticheskij doklad / G. I. Abdrahmanova, O. E. Baskakova, K. O. Vishnevskij, L. M. Gohberg [i dr.]. M.: NIU VShJe, 2020. 144 s.; URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/345060549.pdf> (data obrashheniya 23.07.2020).
2. Digital 2020: ezhegodnoe global'noe issledovanie ot We Are Social i Hootsuite // Ex Libris: elektron. resurs agentstva po mediaanalitike i ocenke kommunikacij. URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/> (data obrashheniya 30.07.2020).
3. Data Age 2025. The Digitization of the World [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.seagate.com/files/www-content/our-story/trends/files/idc-seagate-data-age-whitepaper.pdf> (data obrashheniya 30.07.2020).
4. Videoinstrukcija po rabote s elektronnyj katalogom [Videozapis'] // Elektronnaja biblioteka NIU MIJeT. URL: https://www.miet.ru/upload/content/biblioteka/Electron_biblioteka.mp4 (data obrashheniya: 23.07.2020).
5. Brusnikin G.N. Organizacija i ispol'zovanie informacionnyh korporativnyh uslug v obrazovatel'nom processe. Nauchno-prakticheskaja konferencija «Intel'lectual'nye sistemy i mikrosistemnaja tehnika»: sbornik trudov. M.: MIJeT, 2020. 200 s. S. 189–194.
6. Balashov A.G., Brusnikin G.N., Ignatova I.G. [i dr.] Metodicheskie ukazaniya po podgotovke vypusknok kvalifikacionnoj raboty bakalavra obrazovatel'noj programmy «Sistemy korporativnogo upravlenija» po napravleniju 09.03.03 «Prikladnaja informatika» / A.G. Balashov, G.N. Brusnikin, I.G. Ignatova, D.G. Kovalenko, N.Ju. Sokolova. M.: MIJeT, 2016. 64 s.
7. Brusnikin G.N., Sokolova N. Ju., Ignatova I.G. Podgotovka prezentacij dlja demonstracii rezul'tatov studentcheskih rabot po razrabotke informacionnyh sistem (prakticheskie rekomendacii) [PREPARATION OF PRESENTATIONS TO DEMONSTRATE THE RESULTS OF STUDENT WORK ON THE INFORMATION SYSTEMS DEVELOPMENT (RECOMMENDED PRACTICES)] // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. M.: MIJeT, 2019. № 2(22). S. 79–89.

Submitted 04.08.2020

Brusnikin Gennagy N., Candidate of Technical Sciences, senior researcher, Associate Professor of the Institute of System and Software Engineering and Information Technology, National Research University of Electronic Technology, MIET, (124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, 1), zelgnb@yandex.ru

Sokolova Natella Y., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Institute of System and Software Engineering and Information Technology, National Research University of Electronic Technology, MIET, (124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, 1), dre@miee.ru

Ignatova Irina G., Doctor of Technical Science, professor, honorary worker of higher professional education, Vice Rector for Academic Affairs, Scientific Director of the Institute of System and Software Engineering and Information Technology, National Research University of Electronic Technology, MIET, (124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, 1), igi@miee.ru

Экологизация содержания дополнительного профессионального образования: социокультурная направленность

Л. Е. Халудорова

*ГАУ ДПО РБ «Бурятский республиканский институт образовательной политики»,
Улан-Удэ, Россия*

l.e.khaludorova@mail.ru.

Автор рассматривает процессы экологизации содержания дополнительного профессионального образования и обосновывает возможность экологизации при условии, если она будет построена на идеях устойчивого развития. Особое внимание уделяется процессу включения в содержание образования не только естественнонаучных экологических знаний — понятий, принципов, законов, — но и социокультурных идей, принципов нового типа отношений человека с природой, которые должны наполнить содержание всей образовательно-воспитательной деятельности. В связи с этим автор вводит в общую педагогику новое понятие «социокультурная направленность».

Ключевые слова: экологизация, модернизация образования, образование для устойчивого развития, содержание образования, дополнительное профессиональное образование, социокультурный подход, социокультурная направленность.

Greening the content of additional professional education: socio-cultural orientation

L. E. Khaludorova

Buryat Republican Institute for Educational Policy, Ulan-Ude, Russia

l.e.khaludorova@mail.ru. The author examines the processes of greening the content of additional professional education and justifies the possibility of greening, provided that it is based on the ideas of sustainable development. Particular attention is paid to the ecologization of the content of education as a process of including in it not only natural science environmental information, concepts, principles, laws, but also sociocultural ideas, principles of a new type of human-nature relationship that will penetrate the content of all educational activities. In this regard, the author introduces into general pedagogy a new concept of «socio-cultural orientation».

Keywords: ecologization, modernization of education, education for sustainable development, content of education, additional professional education, sociocultural approach, sociocultural orientation.

В динамичном современном мире происходит смена цивилизационных парадигм, обусловленная глобальными вызовами, в том числе экологическим кризисом. В условиях глобализации экологических проблем, с одной стороны, становится первостепенным фактором переосмысление традиционных ценностно-мировоззренческих установок,

определяющих отношение к природе, меру ее преобразования, образ жизни людей, формирование экологически взвешенных потребностей [1]. С другой стороны, для обеспечения выживания человечеству необходимы кардинальные инновационные изменения, причем как в технической и экономической областях, так и в культурной политике,

и особенно в образовании [1]. Таким образом, существующие риски требуют модернизации системы образования, в частности поиска новых подходов к проектированию содержания дополнительного профессионального образования с учетом его экологизации. Выделим следующие основные этапы достижения этой цели:

- обосновать, что идеи устойчивого развития сегодня являются мировым вектором развития образования;

- осмыслить новое понимание феномена экологизации образования, включая и дополнительное профессиональное образование;

- выявить методологический подход, который станет основанием для экологизации содержания образования учителей, а именно — социокультурный подход;

- дать определение понятию «социокультурная направленность» в применении к экологизации содержания дополнительного профессионального образования.

Модернизация образования, на наш взгляд, связана с мировым глобальным вектором развития образования в XXI веке, т. е. с идеями устойчивого развития (УР). Согласно подписанной Россией Европейской стратегии (ЕЭК ООН, 2005) по образованию для устойчивого развития (ОУР), нужно «перейти от передачи знаний и навыков, необходимых для существования в современном обществе, к формированию у молодежи готовности жить в мало предсказуемом будущем мире, в быстро меняющихся социоприродных условиях». Укоренение нового миропонимания в современном обществе может быть обеспечено только благодаря образованию (Саммит ООН по УР, 2015). Современное экологическое образование выступает теоретической основой, а ключевой задачей становится такое обеспечение, когда «все учащиеся приобретали знания и навыки, необходимые для действия устойчивому развитию, в том числе посредством обучения по вопросам устойчивого развития и устойчивого образа жизни...»

[2]. Для решения этой задачи, безусловно, нужны подготовленные педагоги. Поэтому актуальным остается высказывание академика Н.Н. Моисеева о том, что «сегодня от учителя в первую очередь зависит не только судьба цивилизации, но и сохранение человека на планете» [3].

В России утверждена программа «Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года»¹, принят Указ Президента «Основы государственной культурной политики»². В этих документах ставятся задачи экологического образования в период всей жизни человека, формирования его экологической культуры, как ведущее условие перехода страны к устойчивому экологически безопасному развитию. Эти задачи также заявлены в требованиях ФГОС к результатам освоения образовательной программы основного общего образования, к ее структуре и условиям реализации. Подходы к выполнению требований системно изложены в содержании Концепции общего экологического образования для устойчивого развития (2010). Согласно Концепции, современное экологическое образование — это образование для устойчивого развития общества, которое носит интегрированный, естественнонаучный гуманитарный характер, рассматривает вопросы социальной экологии, экологии человека, глобалистики, обладает мировоззренческой, аксиологической направленностью, имеет методологический смысл (ориентацию).

В соответствии с Планом действий по реализации «Основ государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г.» (Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2012 г. № 2423-р, п. 72.)³, уже с 2020 г. будут запущены в образовательный процесс программные и учебно-методические материалы, ориентированные на экологическую подготовку школьников к участию в строительстве новой модели экономики страны.

¹ URL: http://ecopalata.ru/wp-content/uploads/2015/02/%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B_2030.pdf (дата обращения 24.08.2020)

² URL: <https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/OSNOVI-PRINT.NEW.indd.pdf> (дата обращения 24.08.2020)

³ URL: <http://government.ru/docs/all/85486/> (дата обращения 25.08.2020).

Платформой реализации ОУР во многих странах мира, как и в России, выступает непрерывное экологическое образование. По сути это новый социальный заказ, актуальный для всех структур системы экологического образования, заказ прежде всего на подготовку и повышение квалификации педагогов [1].

В контексте изложенного выше экологизация содержания дополнительного профессионального образования в интересах УР обуславливает формирование нового миропонимания, образа жизни. Культура УР опирается на современную научную картину мира, на ценности экологически устойчивого развития и предполагает умение выявлять в окружающем мире взаимосвязи природных, экономических и социальных процессов прошлого, настоящего и будущего, в глобальном, локальном и личностном плане, а также использование опыта практических действий в интересах УР местного сообщества. Все эти факторы выводят сферу экологизации содержания образования за пределы естественнонаучной области. Новое направление экологического образования ОУР — не отменяет, а дополняет классическое образование в области биоэкологии и геоэкологии, существенно изменяя представления о целях и методах экологизации учебного процесса, о содержании экологической компетенции учителя и роли в ее формировании профессионального образования [1]. Таким образом, экологизация содержания образования как процесс включения в него естественнонаучных экологических знаний — понятий, принципов, законов — уже не может считаться достаточной для решения задач экологического ОУР [1].

Экологизация в интересах устойчивого развития, по мнению Н. М. Мамедова, только тогда будет успешной, когда социокультурные идеи, принципы нового типа отношений человека с природой проникнут в содержание всех учебных дисциплин, во все образовательные области, во все элементы среды и уклада жизни образовательной организации [1], виды ее деятельности и уровни подготовки специалистов различного профиля [4].

Экологическое ОУР — не отдельный предмет, а цель и смысл всего образования, и оно может быть реализовано только в случае многопредметной модели экологизации содержания. Понимая грандиозность [1] задачи формирования нового типа культуры отношения человека с окружающим его миром, важно определить потенциальный вклад в ее решение исторически сложившегося феномена экологизации содержания образования на разных уровнях обучения человека [5, 6].

Анализ реального состояния дел в современной школе показывает, что подавляющее большинство учителей не видит отличия экологизации в ее классическом понимании от экологизации, связанной с продвижением в содержание образования идей устойчивого развития. Экологизация содержания дополнительного профессионального образования учителей продолжает носить естественнонаучный характер, центрирована на идеях природоохранного образования и строится на информационно-иллюстративной основе. Экологическая культура по-прежнему рассматривается в узком смысле, как культура отношения к природным объектам, и в основном — с ресурсной точки зрения. Между тем дополнительное профессиональное образование обладает большой возможностью мобильного реагирования на вызовы времени, на дефициты учителей, способностью оперативного отражения инновационных идей гуманизации образования, возможностью создания условий для социального партнерства и местного сообщества по выполнению программ УР. Для реализации этого потенциала дополнительному профессиональному образованию требуется переосмысление методического обеспечения не столько экологизации его содержания, сколько экологизации содержания повышения квалификации учителей. Это означает решение дидактических проблем, возникающих в связи с изменением философско-мировоззренческих оснований, придание содержанию социокультурной направленности и неизбежный в связи с этим пересмотр состава всех компетенций учителя — и общекультурных, и профессиональных, —

исходя из новой социокультурной миссии экологического образования [1].

Перейдем к теоретическому решению обозначенной проблемы и рассмотрим понятие «социокультурный подход в образовании». Изучение истории развития этого понятия можно начать с трудов П. Сорокина. Личность, общество и культура, по мнению П. Сорокина, выступают как «неразрывная триада» [7]. Исторические основания этого понятия также нашли отражение в трудах Н.А. Корфа, Е.А. Звягинцева, В.И. Чарнолусского, Н.Н. Иорданского, Н.В. Чехова, представителей школоведения, оформившегося на рубеже XIX — XX вв. Основной целью создания этой области знаний стало исследование и развитие школы как живого организма, связанного с природными, географическими, социокультурными, этнорегиональными реалиями. В центр внимания поставлена самоорганизация людей внутри и вокруг школы. В период 1950 г. — 1980-е гг. известные в педагогике исследователи Э.Г. Костяшкин, С.Т. Шацкий продолжают рассматривать школьную жизнь в ее социальном и культурном контексте. Данный подход также основывается на культурно-исторической теории Л.С. Выготского. Интерес представляет его идея «культурного посредничества», выделяющая символический контекст межличностных взаимодействий и результирующая осмысление того, как инструменты культуры выступают средством овладения человеком собственной психикой, сознанием, личностью [8]. На наш взгляд, речь идет о системе ценностных ориентаций, которая исторически формируется в обществе и усваивается человеком в процессе его социализации [1].

Исследования Л.С. Выготского продолжили А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, В.С. Библер, Ю.М. Лотман. За рубежом развивается, опираясь на научное наследие Л.С. Выготского, такое психолого-педагогическое направление, как социальный конструктивизм (П. Бергер, Э.Гидденс, Т. Парсонс, М. Вебер и др.). Социокультурные факторы модернизации раскрыты в трудах А.А. Аузена, А.Н. Архангельского, А.И. Ракитова.

Прогноз социокультурной динамики сделан А.С. Ахиезером. Варианты социокультурной модернизации российского образования предложены А.Г. Асмоловым, А.М. Цирульниковым, В.С. Собкиным, Ю.В. Громыко.

Предшественницей идей социокультурного подхода является также педагогика сотрудничества. Главной задачей ее представителей (Ш.А. Амонашвили, С.Л. Соловейчик, И.П. Иванов, В.Ф. Шаталов, И.П. Волков и др.) стало создание школы, успешной для всех учеников. Предполагалось вовлекать детей в общий труд учения, вызывая у них чувство успеха, ощущение движения вперед и создавая атмосферу развития.

Реализация идей социокультурного подхода продолжена в теоретических и практических разработках, раскрывающих представления об укладе жизни школы как важнейшем аспекте содержания образования А. Н. Тубельского, о со-бытийной детско-взрослой образовательной общности В. И. Слободчикова, о культурных практиках детства Н. Б. Крыловой.

Социокультурный подход трактуется А.М. Цирульниковым как научно-педагогический. Суть его трактовки состоит в том, что жизненное разнообразие признается важнейшим ресурсом, отправным моментом для анализа ситуации в целях выявления образовательных проблем и их решения, другими словами — основой развития образовательной практики. Одной из основных характеристик этого подхода является использование образования в качестве инструмента развития территории, а именно — решения социально-экономических и других жизненных проблем местных сообществ [9].

Следовательно, «само понятие социокультурности предполагает отношение к образованию как к опережающему, прогнозирующему институту развития общества. Возможны два принципиально разных подхода: или образование плетётся в хвосте общества, решает задачу адаптации, воспроизводства существующего образа жизни, либо — и здесь совсем другая логика — выполняет дерзкие, «окаянные» функции, предлагая те или иные проекты будущего. Образование

в социокультурном смысле — это проектирование будущего» [10].

Далее отметим, что социокультурная направленность дополнительного профессионального образования учителей продиктована миссией и природой образования, которые формируют гражданскую, этнокультурную и общечеловеческую идентичность образования в условиях полиэтнического, поликультурного государства, транслируют традиции, ценности, нормы поведения в социуме, предполагают овладение личностными, социальными и профессиональными компетенциями, развитие их потенциала, конструирование этических социальных норм. В связи с этим А.Г. Асмолов подчеркивает необходимость конструирования образования как социальной деятельности, которая определяет особенности построения гражданского общества и развития индивидуальности человека в динамично трансформирующемся мире [10].

Социокультурная направленность содержания дополнительного профессионального образования связана с модернизацией образования. Модернизация образования в России оценивается многими учеными как незавершенный, как некий имитационный процесс. Дело в том, что российская модернизация ограничивалась экономической, технологической сферами, тогда как успешную модернизацию образования отличает прежде всего опора на культурные и ценностные факторы [11]. Исходя из этого под социокультурной направленностью мы понимаем методологический подход к феномену экологизации, сущность которого состоит во включении в содержание образования ценностей, смыслов и норм устойчивого развития общества в гармонии с природой. Подход предполагает выявление взаимосвязей экологической культуры населения, этнокультурного опыта, традиций национального и семейного образования, социальных отношений в местном сообществе как основы культуротворческой деятельности обучающихся, направленной в будущее — на создание экологической культуры устойчивого развития в тесной связи с социальными ценностями и нормами. При этом достижение

личностных результатов в образовании считается приоритетным, поскольку используется как инструмент развития человеческого капитала местного сообщества для решения жизненно важных социально-экономических и экологических проблем [1].

В заключение вышеизложенного сделаем вывод о том, что экологизация содержания дополнительного профессионального образования в интересах устойчивого развития будет успешной, если придать ей социокультурную направленность. Этот тезис подтвержден разработанной нами концепцией социокультурной направленности экологизации содержания дополнительного образования и дополняющей ее многопредметной моделью социокультурной направленности экологизации содержания дополнительного образования для педагогических работников.

Литература

1. Халудорова Л.Е. Социокультурная направленность экологизации содержания дополнительного профессионального образования учителей в интересах устойчивого развития региона: автореф. дис.... докт. пед. наук. Улан-Удэ: Бурятский госуд. Университет им. Доржи Банзарова, 2019. 41 с.
2. Задачи в области образования [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО: официальный сайт. URL: <https://ru.unesco.org/themes/zadachi-v-oblasti-obrazovaniya> (дата обращения 07.06.2019).
3. Моисеев Н. Н. Система «Учитель» и современная экологическая обстановка // Экология и жизнь. 2010. № 2. С. 4—7.
4. Мамедов Н.М., Суравегина И.Т. Экология: что должен знать и уметь школьник. М. Школа-пресс, 1997. 61 с. (Биология в школе. Библиотека журнала. Вып.2).
5. Мамедов Н.М., Пушарина О.П. Социально-гуманитарное образование: новый взгляд на старую проблему // Высшее образование в России. М.: Московский политехнический университет, 1993. № 3. С. 69—78.
6. Мамедов Н.М. Феномен культуры и устойчивое развитие // Universum: Вестник герценовского университета. СПб.: Российский госуд. педагогический университет им. А. И. Герцена, 2013. № 3. С. 54—63.
7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
8. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика. Т. 3: Проблемы развития психики / Под ред. [и с послесл.] А. М. Матюшкина. 1983. 367 с.
9. Цирульников А. М. Социокультурная модернизация и развитие образования в регионах: учеб. пособ. М.: ФИРО, 2017. 314 с.
10. Асмолов А.Г. Образование как потенциальный ресурс модернизации общества / А.Г. Асмолов,

М.С. Гусельцева // Образовательная политика. 2016. № 2(72). С. 2—19.

11. Асмолов А. Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. 2-е изд. М.: Просвещение, 2015. 447 с.

Поступила 10.08.2020

Халудорова Любовь Энжаповна — доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ГА ДПО РБ «Бурятский республиканский институт образовательной политики» (Республика Бурятия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Советская, д.30), l.e.khaludorova@mail.ru

Khaludorova Liubov Enzhapovna — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Humanitarian Disciplines, Buryat Republican Institute for Educational Policy (Republic of Buryatia, 670000, Ulan-Ude, 30 Sovetskaya St.), l.e.khaludorova@mail.ru.

References

1. Haludorova L.E. Sociokul'turnaja napravlennost' jekologizacii soderzhaniya dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya uchitelej v interesah ustojchivogo razvitija regiona: avtoref. dis.... dokt. ped. nauk. Ulan-Udje: Burjatskij gosud. Universitet im. Dorzhi Banzarova, 2019. 41 s.
2. Zadachi v oblasti obrazovaniya [Elektronnyj resurs] // JuNESKO: oficial'nyj sajt. URL: <https://ru.unesco.org/themes/zadachi-v-oblasti-obrazovaniya> (data obrashheniya 07.06.2019).
3. Moiseev N. N. Sistema «Uchitel'» i sovremennaja jekologicheskaja obstanovka // Jekologija i zhizn'. 2010. № 2. S. 4—7.
4. Mamedov N.M., Suravegina I.T. Jekologija: chto dolzhen znat' i met' shkol'nik. M. Shkola-press, 1997. 61 s. (Biologija v shkole. Biblioteka zhurnala. Vyp.2).
5. Mamedov N.M., Shusharina O.P. Social'no-gumanitarnoe brazovanie: novyj vzgljad na staruju problemu // Vysshee obrazovanie v Rossii. M.: Moskovskij politehnicheskij universitet, 1993. № 3. C. 69—78.
6. Mamedov N.M. Fenomen kul'tury i ustojchivoje razvitie // Universum: Vestnik gercenovskogo universiteta. SPb.: Rossijskij gosud. pedagogicheskij universitet im. A. I. Gercena, 2013. № 3. S. 54—63.
7. Sorokin P. A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. M.: Politizdat, 1992. 543 s.
8. Vygotskij L. S. Sobranie sochinenij: v 6 t. M.: Pedagogika. T. 3: Problemy razvitija psihiki / Pod red. [i s poslesl.] A. M. Matjushkina. 1983. 367 s.
9. Cirul'nikov A. M. Sociokul'turnaja modernizacija i razvitie obrazovaniya v regionah: ucheb. posob. M.: FIRO, 2017. 314 s.
10. Asmolov A.G. Obrazovanie kak potencial'nyj resurs modernizacii obshhestva / A.G. Asmolov, M.S. Gusel'ceva // Obrazovatel'naja politika. 2016. № 2(72). S. 2—19.
11. Asmolov A. G. Optika prosveshhenija: sociokul'turnye perspektivy. 2-e izd. M.: Prosveshhenie, 2015. 447 s.

Submitted 10.08.2020

Влияние культурного контекста на преподавание естественных наук (на примере биологии)¹

Ю. В. Хен¹

¹Институт философии РАН, Москва, Россия

khenju@yandex.ru

Отмечается, что биология сегодня — это отрасль естествознания, которая развивается чрезвычайно быстро, что позволяет непосредственно проследить смену парадигм в данной области знания. Она выражается в том, что многие представления и понятия науки претерпевают существенное изменение, а от некоторых приходится отказываться. С точки зрения научной деятельности такое положение вещей является нормой, но для широких масс (а ведь именно они являются «поставщиками» новых поколений ученых) непрерывная смена базовых постулатов картины мира представляет определенную проблему. Об этом, в частности, свидетельствует отставание школьной (да и вузовской) программы от «переднего края» науки. В статье на примере двух базовых концепций биологии — дарвинизма и эпигенетики — анализируются трудности преодоления «идеологического» (в широком смысле слова) диктата в биологии. С этой целью проводится контент-анализ научной и околонаучной литературы, прослеживается диалектика смены и преемственности концептуальных установок в теориях эволюции и морфогенеза, анализируется влияние общекультурного контекста на преподавание естественных наук.

Ключевые слова: философия биологии, теория эволюции, дарвинизм, ламаркизм, генетика, эпигенетика, эпигенез, преформизм, биофилософия.

Influence of ideology on the teaching of natural sciences (in the example of biology)

Julia V. Khen

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

khenju@yandex.ru

Biology is a branch of natural science that is developing extremely fast today. In the process of this development, many perceptions are undergoing significant change, and some have to be completely abandoned. For science, this situation is the norm, but for the «broad masses» (and they are the «suppliers» of new generations of scientists) the continuous change of the basic tenets of the picture of the world presents a certain problem. This, in particular, is evidenced by the lag of the school (and university) program from the «advanced edge» of science. The article uses the example of two basic concepts of biology — Darwinism and epigenetics — analyzes the difficulties of overcoming the «ideological» (in a broad sense) diktat in science. To this end, the content analysis of scientific and near-scientific literature is carried out, the dialectic of the change and continuity of conceptual attitudes in the theories of evolution and morphogenesis is traced, and the influence of the cultural context on the teaching of natural sciences is analyzed.

¹ Исследование поддержано РФФИ. Проект № 19-011-00383/19 «Био- и эко-философия в современной культуре».

Keywords: philosophy of biology, theory of evolution, Darwinism, Lamarckism, genetics, epigenesis, epigenetics, preformism, biophilosophy

Рассматривая влияние культурного контекста на трансформацию научных понятий и представлений в естествознании, следует иметь в виду, что это влияние имеет двоякий смысл. С одной стороны, речь идет о прямом воздействии идеологических установок, которые по ряду причин оказывают предпочтении той или иной научной теории. Так получилось с дарвинизмом, который (по не вполне ясным основаниям, о чем речь пойдет позже) оказался ассоциирован в представлении материалистов с научной истиной, что обеспечило ему различные преференции в сфере преподавания. С другой стороны, новая теория нередко оказывается заложницей научного сообщества, которому присуща определенная инертность мышления. Такова специфика человеческого мышления — встречать всякое нововведение с некоторой настороженностью. В наибольшей мере это характерно для представителей так называемой академической науки, озабоченных сохранением авторитета и по этой причине неохотно признающих в том, что (возможно) их прежние представления о природе были заблуждением. Соппротивление академического истеблишмента бывает особенно сильным, когда новая идея затрагивает фундаментальные принципы базовых теорий, как в случае с «центральной догмой» молекулярной биологии, сформулированной еще Ф. Криком и утверждающей, что информация в живой клетке передается только в одном направлении: от ДНК к белку, из ядра в цитоплазму, но не наоборот. Эта догма, в частности, означала, что изменения в фенотипе, приобретенные организмом в течение жизни, не могут наследоваться потомками. И эта истина, провозглашенная уважаемым нобелевским лауреатом, казалась настолько незыблемой, что изрядно задержала становление нового направления в биологии развития (имеется в виду эпигенетика), основанного на прямо противоположном представлении об онтогенезе.

Анализируя влияние культурного пейзажа на научную картину мира, следует упомянуть, что идеология, как выражение предпочтений властных структур, имеет еще один канал воздействия на свободу научной мысли. Этим каналом является финансовая дотация образовательной системы, размеры которой находятся в прямой зависимости от того, насколько хорошо учебное заведение выполняет утвержденные Минобрком программы. Наиболее яркий пример работы данного механизма представляет собой судьба теории эволюции, которая оказалась прочно связана с именем Ч. Дарвина: все марксисты были материалистами, материализм в эволюционном вопросе был представлен дарвинизмом, который вроде бы давал натуралистическое объяснение эволюции видов и, тем самым, противостоял реакционному креационизму. Отсюда следовало, что всякий учебник биологии, выдержанный в духе марксизма-ленинизма, обязан был представлять дарвинизм как единственно возможную научную теорию эволюции. Следствие этой образовательной программы можно наблюдать до сих пор. Оно выражается в том, что по сей день подавляющее большинство людей (в том числе и профессиональных биологов) убеждено, что единственная теория биологической эволюции в арсенале науки — это дарвинизм. При этом общепринято считать, что в своих объемных трудах Ч. Дарвин дал детальное описание механизма эволюции и привел строгое фактуальное доказательство действия закона естественного отбора в природе. Но, как замечает сотрудник института Истории естествознания и техники РАН Ю.В. Чайковский, такое убеждение есть следствие того, что самих работ никто не читал. В действительности все, что мы знаем о механизме эволюции, это вынесенное со школьной скамьи убеждение, что Дарвин неопровержимо доказал его действие в природе. Ю.В. Чайковский попытался вскрыть причину необъяснимой

популярности дарвинизма и пришел к выводу, что для победы эволюционизма просто «настало время». «До Дарвина более двухсот авторов писали об эволюции, некоторые охватывали проблему гораздо шире, чем он, а некоторые рассматривали и отбор, но услышан и признан обществом был именно Дарвин» [5; с. 80]. Другими словами, популярность дарвинизма невозможно объяснить, оставаясь в рамках чистой биологии. Многие исследователи обнаруживают значительное сходство между дарвинизмом и марксизмом, отмечая, что в обоих случаях на формирование концепций оказали влияние причины социального характера. Немецкие исследователи П. Вайнгарт, Ю. Кролль и К. Байертц утверждают, что привлекательность теории Дарвина для его современников определялась тем, что она позволила взглянуть на целый ряд *социальных* проблем под иным углом, придав общественным процессам статус естественного (т.е. закономерного, оправданного), биологического явления. В своем монументальном исследовании истории евгеники они пишут: «Значение теории Дарвина заключается в выполнении ею двух функций, которые возводят ее в ранг научных теорий мировоззренческого характера: она позволяет по-новому взглянуть на ряд удручающих социальных проблем, и она тем самым открывает неизвестные доселе сферы деятельности. Другими словами, теория Дарвина принципиально меняет восприятие действительности, а именно переводит ее в категорию научного, биологического, естественного закона. Тем самым она вступает в конкуренцию с альтернативным и тоже революционным мировоззрением, а именно с социальной теорией Маркса» [7; с. 31]. Косвенным подтверждением справедливости данного утверждения можно считать тот факт, что теории Маркса и Дарвина были обнародованы практически одновременно и давали сходное объяснение процессам, происходившим в природе (дарвинизм) и в обществе (марксизм). Так устанавливалась аналогия между природой и обществом, а насилие и стяжательство, царящие в человеческой среде,

получали обоснование в биологической природе человека. Дарвинизм, таким образом, как бы выступал оправданием людских пороков (по схеме «человек человеку волк»), что также способствовало укоренению идеи естественной эволюции в массовом сознании. Как отмечает в этой связи Ю.В. Чайковский, «отбор вообще мало интересовал большинство читателей. Он был неким символом, как бы формулой, которой пользуются, не интересуясь, верна ли она. Просто для победы эволюции настало время, и обществу оказалось достаточно того, что известный натуралист объявил, что знает механизм этого явления. Обществу, в котором тогда быстро нарастали движения за социальное переустройство, нужна была сама эволюция, сама идея борьбы, а не факты и подробности из биологии» [5; с. 81].

Идея эволюции «по Дарвину» на волне социальных преобразований стремительно завоевала умы и распространилась повсеместно. Теория эволюции в дарвиновской редакции вошла в учебники для всего прогрессивного человечества. Однако с научной точки зрения она имела массу недостатков. Критика теории началась практически с момента выхода «Происхождения видов...» из типографии. Было высказано множество критических замечаний, в том числе и со стороны ведущих биологов того времени, и большинство из них остались без ответа по сей день. И основным возражением, затрагивающим самое ядро теории эволюции, на мой взгляд, является то, что естественный отбор не годится на роль механизма эволюционного развития. Отбор — отбирает, а создает новые качества другой механизм, и в теории Дарвина он не прописан. Сегодня мы привычно не обращаем внимания на сей дефект, а ему имеется историческое объяснение. Дело в том, что выдающийся натуралист XIX века Чарльз Дарвин был выпускником *богословского* факультета Кембриджского университета. И, хотя богословие не стало его призванием, созданная им теория носит на себе четкий отпечаток «естественного богословия» (был такой предмет в его колледже). В теологической редакции

ядром теории «естественного отбора» должен был быть Бог, творец многообразия, из которого отбор должен отсеивать всех непригодных. Только в таком виде теория Дарвина могла бы «работать».

Одним из негативных следствий того, что дарвинизм был поднят на знамя марксизма-ленинизма, стала невозможность конструктивной критики, а значит и *развития* теории эволюции. Р.С. Карпинская, стоявшая у истоков отечественной философии биологии, в одной из своих ранних работ охарактеризовала негативную сторону взаимодействия биологии и мировоззрения следующим образом: «В интерпретации новейших достижений в области генетической инженерии, генетики и экологии человека происходит серьезная идейная борьба, в конечном счете обусловленная противостоянием марксистской и буржуазной идеологий, несовместимостью политических и социально-экономических идеалов мира социализма и мира капитализма» [1; с. 206]. И эта борьба, несомненно, создает на пути науки препятствия, без которых она вполне могла бы обойтись.

Если бы дарвинизму в свое время не был приписан идеологический статус и он не был бы объявлен единственно верным материалистическим учением, то мы бы уделяли больше внимания другим эволюционным теориям (их немало, просто они не пользуются всеобщей известностью), тоже материалистическим (креационистские теории нам не интересны), но не таким слабым, как нынешняя СТЭ (синтетическая теория эволюции), которая задумывалась как попытка «осовременить» дарвинизм, соединив его с генетикой. Но то, что получилось в результате, оказалось, по язвительному замечанию Ю.В. Чайковского, «не синтетической, не теорией и не эволюции».

Похожая история (идеологизация научной теории, отразившаяся на ее адаптации массовым сознанием) произошла с генетикой, только здесь было больше неоднозначности и метаний. В начале XX века генетика оказалась тесно связана с евгеникой (кстати, одно из самоназваний евре-

ники, вошедшее в употребление на рубеже XIX — XX вв., это «генетика человека»). Поэтому, когда евгеника подверглась вполне заслуженным гонениям, заодно с ней была разгромлена и генетика. В процессе, разумеется, не обошлось без идеологического приговора и репрессивных мер, тяжесть которых испытали на себе реальные люди. Моему поколению еще памятен лозунг «генетика — продажная девка империализма», пришедший из того времени. Правда, мы его воспринимали с юмором, поскольку в 1960-х, когда мы пошли в школу, генетика, очистившись от грязного евгенического наследия, уже доказала свою научность и способность служить на благо человечества. В школьную программу были включены некоторые базовые представления о геноме и принципах передачи наследственной информации. Были опровергнуты многие из утверждений гонителей евгеники. В частности, критике подвергался подход Т.Д. Лысенко к селекции сельскохозяйственных культур, основанный на «воспитании» (закаливании) растений. Таким образом подавался основной закон генетики: *свойства, приобретенные в течение жизни, не передаются по наследству*. Всякий, кто думал, что «тренировка органов» способна повлиять на наследственность, провозглашался ламаркистом, лысенковцем, обскурантом и противником науки.

И здесь мы переходим ко второму сюжету нашего исследования, к эпигенетике. Сегодня это передний край биологии (см.: [2; 4, с. 47—59]), но начало дисциплине было положено еще в 40-х годах прошлого века К.Х. Уолдингтоном, который в своем знаменитом труде «Морфогенез и генетика» впервые использовал термин «эпигенетика» для обозначения «совокупности свойств организма, которые не прямо, а опосредованно закодированы в геноме и, по определению, должны передаваться по наследству. По сути дела в первую очередь эта наука имеет дело с механизмами, контролирующими экспрессию генов и клеточную дифференцировку» [6, с. 12].

В двух словах поясним, почему эпигенетическая теория так важна для биологии.

В данном случае затрагивается противостояние двух концепций индивидуального развития — эпигенеза и преформизма, — насчитывающее в своей истории не одну сотню лет. Представители названных теорий по-разному отвечали на вопрос о механике индивидуального развития. Речь идет о так называемом «плане строения» живых организмов и способе его реализации. Преформисты (Лейбниц, Сваммердам, Мальпиги и др.) считали, что организм, заключенный внутри эмбриона, уже полностью сформирован, просто он очень маленького размера и поэтому недоступен непосредственному наблюдению. Сторонники другой концепции — эпигенеза (Дидро, Мопертюи и т.д.) — говорили, что «план строения» приходит извне как формообразующая сила нематериальной природы или, как позже это называл наш соотечественник А.Г. Гурвич, «эмбриональное морфогенетическое поле».

Философский смысл разногласий между эпигенезом и преформизмом сводился к вопросу о том, возможно ли образование новых качеств в ходе индивидуального развития, либо онтогенез — это только рост предсуществующих форм. С религиозной точки зрения проблема восходила к возможности «творения» новых форм в мире, где Божественное творение уже завершено. Об этом, в частности, писал крупнейший преформист своего времени Г.Ф. Лейбниц. Он считал, что в современном мире творение невозможно, только рост предсуществующих зачатков. Поэтому правы преформисты: «существует столько оболочек и тел органических, заключенных друг в друге, что никогда невозможно было бы привести ни одного совершенно нового органического тела без всякой преформации, и что точно так же нельзя разрушить вполне ни одного животного, уже существующего. ... Так как животные никогда не образуются естественным путем из неорганической массы, то механизм, неспособный произвести вновь все эти бесконечно разнообразные органы, может, однако же, легко извлечь их посредством развития и посредством преобразова-

ния предсуществующего органического тела» [3, с. 375—376].

Со временем, по мере развития биологии и совершенствования ее инструментария, что способствовало накоплению фактической информации о ходе онтогенеза, противостояние эпигенеза и преформизма перетекло в иные формы. Противоречие не было снято, поскольку вопрос о «плане строения» не был разрешен, но постепенно на место преформизма пришла генетика, которая, конечно, не утверждает, что внутри сперматозоида заключен «микроскопический человек», но, тем не менее, полагает, что геном содержит всю полноту информации о будущем организме. Правопреемником эпигенеза стала эпигенетика, утверждающая (ни много ни мало), что по наследству могут передаваться и благоприобретенные качества, не записанные в геноме.

Сегодня в рамках названного направления ведется колоссальная работа по накоплению фактического знания о работе выше-названных механизмов. Эта задача представляется мне гораздо более трудоемкой, чем расшифровка генома человека. Большей частью речь пока идет о дрожжах и нематодах, но без этого этапа («нормальная наука» в классификации Т. Куна) обойтись никак нельзя. Но уже понятно, что представления о наследственном механизме в результате подвергнутся существенной корректировке. В частности потому, что теперь можно считать доказанным, что приобретенные признаки *могут передаваться* следующему поколению. Другими словами, эпигенетика, по сути, перечеркивает один из базовых постулатов классической генетики. Тот самый, который в течение десятилетий служил демаркационной линией, отделявшей науку (генетика) от не-науки (лысенковщина, ламаркизм). Причем, как показывают последние исследования, значение эпигенетических механизмов для морфогенеза ничуть не меньше, чем влияние генома. По образному выражению Нобелевского лауреата П. Медавара «генетика предполагает, а эпигенетика располагает» [6, с. 12]. Возможно,

в недалеком будущем настанет время реабилитации селекционных идей Т.Д. Лысенко.

В заключение следует отметить, что, как показывают приведенные примеры из истории науки, не только общественные дисциплины могут испытывать давление со стороны различных факторов культуры. Наука, позиционирующая себя в качестве носителя *объективной* истины, также несвободна от влияния идеологических факторов, как история или обществоведение.

Литература

1. **Карпинская Р. С.** Биология и мировоззрение. М.: Мысль, 1980. 208 с.
2. **Кэри Н.** Эпигенетика: как современная биология переписывает наши представления о генетике, заболеваниях и наследственности. Ростов н/Д: Феникс, 2012. 350 с.
3. **Лейбниц Г. Ф.** Сочинения: в 4 т. Т. 1: Размышления о жизненных началах и о пластических натурах. М.: Мысль, 1982 г. С. 370—377.
4. **Малабу К.** Жизнь одна: сопротивление биологическое, сопротивление политическое // Синий диван. Философско-теоретический журнал. [Вып. 23]. М.: Три квадрата, 2019. С. 47—59.
5. **Чайковский Ю. В.** Эволюция: кн. для изучающих и преподающих биологию. М.: Центр системных исследований, 2003. 472 с.
6. Эпигенетика / Под ред. С. Д. Эллиса, Т. Дженньюейна, Д. Рейнберга; пер. с англ. под ред. А. Л. Юдина. М.: Техносфера, 2010. 495 с.
7. **Хен Ю. В.** О сложности живой природы и простоте теорий // Философия науки. М.: Институт философии РАН, 2013. Т.18. № 1. С. 265—277.
8. **Weingart P.** Rasse, Blut und Gene: Geschichte der Eugenik u. Rassenhygiene in Deutschland / P. Weingart, J. Kroll, K. Bayertz. [Frankfurt a. M.]: Suhrkamp, 1988. 746 p. [S. 31].

4. Malabu K. Zhizn' odna: soprotivlenie biologicheskoe, soprotivlenie politicheskoe // Sinij divan. Filosofsko-teoreticheskij zhurnal. [Vyp. 23]. M.: Tri kvadrata, 2019. S. 47—59.

5. Chajkovskij Ju. V. Jevoljucija: kn. dlja izuchajushhih i prepodajushhih biologiju. M.: Centr sistemnyh issledovanij, 2003. 472 s.

6. Jepigenetika / Pod red. S. D. Jellisa, T. Dzhenjuvejna, D. Rejnberga; per. s angl. pod red. A. L. Judina. M.: Tehnosfera, 2010. 495 s.

7. Hen Ju. V. O slozhnosti zhivoj prirody i prostote teorij // Filosofija nauki. M.: Institut filosofii RAN, 2013. T.18. № 1. S. 265—277.

8. Weingart P. Rasse, Blut und Gene: Geschichte der Eugenik u. Rassenhygiene in Deutschland / P. Weingart, J. Kroll, K. Bayertz. [Frankfurt a. M.]: Suhrkamp, 1988. 746 p. [S. 31].

Submitted 03.09.2020

Khen Julija Vonkhovna, DSc in Philosophy, Main Research Fellow Institute of Philosophy RAS (109240 Moscow, Goncharnaja Str. 12/1), khenju@yandex.ru

Поступила 03.09.2020

Хен Юлия Вонховна — д-р филос. наук, ведущ. науч. сотрудник Института философии РАН (109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1), khenju@yandex.ru

References

1. Karpinskaja R. S. Biologija i mirovozzrenie. M.: Mysl', 1980. 208 s.
2. Kjeri N. Jepigenetika: kak sovremennaja biologija perepisyvaet nashi predstavlenija o genetike, zabolevanijah i nasledstvennosti. Rostov n/D: Feniks, 2012. 350 s.
3. Lejbnic G. F. Sochinenija: v 4 t. T. 1: Razmyshlenija o zhiznennyh nachalah i o plasticheskikh naturah. M.: Mysl', 1982 g. S. 370—377.

Слово во славу великой победы

О. А. Бельков

Академия военных наук (г. Москва)

belkovole@yandex.ru

Раскрывается всемирно-историческое значение победы сил антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, подчеркивается решающий вклад Советского Союза в ее достижение. Особое внимание уделяется современным фальсификациям причин, хода и исхода Второй мировой войны и Великой Отечественной войны как ее главной составной части. Рассматриваются основные концептуальные парадигмы, созданные недоброжелателями России, их теоретическая несостоятельность и политическая заданность. Обосновывается необходимость противодействия фальсификациям истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, антигитлеровская коалиция, фашизм, идеологическая борьба, фальсификация.

A WORD FOR THE GLORY OF THE GREAT VICTORY

O. A. Belkov

Academy of Military Sciences (Moscow)

belkovole@yandex.ru

The world-historical significance of the victory of the forces of the anti-Hitler coalition in the Second World War is revealed, the decisive contribution of the Soviet Union in its achievement is emphasized. Particular attention is paid to modern falsifications of the causes, course and outcome of World War II and the Great Patriotic War as its main component. The main conceptual paradigms of Russia's ill-wishers, their theoretical inconsistency and political preoccupation are considered. The necessity of countering the falsifications of the history of the Second World War and the Great Patriotic War is substantiated.

Keywords: World War II, the Great Patriotic War, anti-Hitler coalition, fascism, ideological struggle, falsification.

75 лет тому назад завершилась самая жестокая и кровопролитная битва в истории человечества. Главным творцом Победы явился Советский Союз, его Красная армия. Сразу после войны весь мир узнал, что гит-

леровский Третий рейх разгромлен именно Советским Союзом. Это признали руководители всех государств антигитлеровской коалиции. «Именно русская армия, — подчеркивал У. Черчилль в послании И. В. Сталину

27 сентября 1944 г., — выпустила кишки из германской военной машины». Президент США Г. С. Трумэн писал 8 мая 1945 г. И. В. Сталину: «Мы высоко ценим великолепный вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации и свободы». Шарль де Голль в декабре 1944 г. отмечал: «Французы знают, что ... именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении» [15].

И эта победа — событие всемирно-исторического масштаба в буквальном смысле этого слова: она изменила вектор развития всего человечества, определила принципиально новую систему мироустройства. Как говорил В. В. Путин, ратный триумф нашей страны «имел поистине судьбоносное значение не только для нашей Родины, но и для других стран и континентов, для всей мировой истории» [6].

Но практически сразу после мая 1945 г. наши союзники по антигитлеровской коалиции, прежде всего США и Великобритания, откровенно и грубо заявили о себе как о геополитическом антагонисте СССР. В Фултонской речи 5 марта 1946 г. У. Черчилль открыто назвал Советский Союз причиной «международных трудностей» и обосновывал необходимость сдерживать его «под эгидой Объединённых Наций и на основе военной силы англоязычного содружества» [23]. Эта речь стала сигналом для начала холодной войны. Впрочем, это было новой вербализацией извечной враждебности «коллективного Запада» к России — имперской ли, советской или современной. 23 июня 1941 г. сенатор и будущий президент США Г. Трумэн заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше» [18, 460]. В декабре 1941 г., когда Красная армия развернула широкомащтабные наступательные действия под Москвой, У. Черчилль заявил, что Великобритания и США «не должны принимать ника-

кого участия» в войне СССР и Германии (за исключением обещанных поставок). А в октябре 1942 г. он утверждал, что именно Россия, а не Германия, является истинным врагом Европы [5; 12].

После войны одним из инструментов «сдерживания» России послужил избирательный подход к истории, прежде всего истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. В «новом прочтении» истории, вначале антисоветском, затем «естественно» антироссийского характера, большое место заняли спекуляции, призванные снизить уровень значения Советского Союза в Великой Победе.

На обесценение Победы «работают» политики и идеологи «коллективного Запада». В последние полтора-два десятилетия использование истории в политических целях, по словам С. В. Лаврова, «превратилось в государственное дело в целом ряде стран»¹. Усердны в этом отношении и их отечественные подпевалы, говоря о которых С. К. Шойгу заявил, что внутри страны существует «пятая колонна», действует прозападный информационный дивизион, регулярно обучаемый за рубежом². «Никогда бы на Западе, — считает Н. А. Нарочницкая, — не посмели так беззастенчиво менять трактовку истории, если бы первыми не стали топтать нашу Победу наши же собственные либералы. Именно они начали, и этический барьер был сорван» [16]. Думается, это не совсем так. Выше уже было сказано, что наши геополитические антагонисты начали менять трактовку истории войны сразу же по ее окончании. Наши же либералы до 1980-х были «тише воды и ниже травы». И, как отмечают многие специалисты, только в конце 1980-х — начале 1990-х вектор атаки «борцов за демократию и свободу от тоталитаризма» переместился на героические страницы и высшие символы Великой Отечественной войны [7]. Но верно, что, когда им позволили быть смелыми в своей хуле на родное отечество, они оказались дальше зарубежных недоброжелателей

¹ Лавров С. В. Трагедия Второй мировой: кто виноват? // Российская газета. 2009. 1 сентября.

² Шойгу С. К. Внутри России действует НАТОвская «пятая колонна» [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/community/7451/content/shoigu-vnutri-rossii-deistvuet-natovskaia-piataia-kolonna/7071337> (дата обращения 31.03.2020).

России: любой тезис пропагандистской машины Запада они не просто ретранслируют, но развивают и дополняют его собственными измышлениями. И здесь совершенно верно Н. А. Нарочницкая констатирует, что «именно отечественные глумители первыми внедрили суждение, что Советский Союз — еще худший тоталитарный монстр, чем нацистский Рейх» [9].

Цель и смысл всей идеологической кампании по демонизации России двоякая. С одной стороны, лишить Россию и каждого ее гражданина самоуважения (национальной гордости), подорвать духовный потенциал народа, с другой — сформировать в мире убеждение в том, что Россия — «империя зла», извечная и страшная угроза демократическому миру, и обосновать объективную необходимость ее «переформатирования», а вместе с тем внедрить в общественное сознание идею, что при «при правильной организации дела» возможна и военная победа над Россией.

Столько клеветы на нашу Победу, и она достигла таких масштабов, что нельзя быть в этом отношении толерантными. Как написал историк Юрий Жуков: «Нашу Победу пора спасти»³. На это нацеливает и внесенная в Конституцию поправка: «Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Именно в этом смысл настоящей статьи. Она представляет собой апологию⁴ (греч. *apologia* — устная или письменная защита, восхваление) Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, то есть вскрытие фактической неадекватности, теоретической несостоятельности и политической ангажированности инвектив и инсинуаций в адрес Победы и победителей. Но поскольку дивизион ниспровергателей отечественной славы достаточно многочислен и количество их трудов огромно, рассмотреть все их в рамках статьи нет ни возможности, ни необходимости. Поэтому остановимся на измышлениях концептуаль-

ного характера.

Вначале несколько нелингвистических рассуждений о победе в войне. Война есть политическое действие средствами и методами военного насилия. Соответственно победа в ней имеет двоякое следствие. Ее политический смысл заключается в восстановлении или сохранении суверенитета и территориальной целостности страны, собственной геополитической субъектности и ликвидации или изменении геополитической субъектности противника. Агрессия Германии, как заявил И. В. Сталин в выступлении 3 июля 1941 г., поставила вопрос «о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР». Условием положительного решения этого вопроса была военная победа — полный разгром агрессора и его капитуляция.

Победы не было бы, если бы Красная армия прекратила военные действия по выходу на государственную границу страны, за что задним числом ратуют некоторые историки. Ведь это означало бы, что агрессор не разбит, а только сильно побит. У него сохранилась бы, хотя и значительно ослабленная, военная мощь, а следовательно, возможность реванша. К тому же это стало бы предательством по отношению к союзникам, открывшим в июне 1944 г. второй фронт.

Между тем многие недруги России пересматривают смысл и содержание Победы в Великой Отечественной войне. Одни, ничтоже сумняшеся, заявляют, что «Сталин проиграл Вторую мировую». Другие задаются вопросом, не была ли та победа «последним приливом сил умирающего», не надорвались ли в ней духовные силы народа. Кто-то сожалеет, что не Германия победила в 1945-м, еще лучше — в 1941-м., кто-то третит, будто козыряние участием России во Второй мировой давно наскучило, а декларации о полной победе над фашизмом стали

³ Историк Юрий Жуков: «Нашу Победу пора спасти. Ложь должна быть уголовно наказуемой». Об искажении фактов [Электронный ресурс] // LiveJournal: сетевое сообщество. URL: <https://matveychev-oleg.livejournal.com/5888780.html> (дата обращения 03.09.2020).

⁴ Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. М.: Изд-во «Русский язык», 1981. С. 42.

забавны. Иные обвиняют ветеранов в том, что у них не хватило ни интеллекта, ни мужества выступить против уже отжившей социальной системы России. А некоторые чествование Победы и победителей называют глумливым словом победобесие⁵ [1; 2; 19].

Творцы и популяризаторы черных мифов о Великой Победе⁶ ныне доминируют в российском информационном пространстве, о чем свидетельствует множество книг-фальсификаторов на полках книжных магазинов. За последние три года книги, очерняющие и принижающие подвиг народа в Великой Отечественной войне, опубликовали: М. Солонин — 11 книг (из них 6 — в 2019 г.); Б. Соколов — 8 книг; В. Бешанов — 5 книг. Кроме того, в этот период опубликованы книги В. Резуна, А. Зубова и других «правдюков» о войне.

Измышления ненавистников Победы способны переформатировать историческую память населения, прежде всего молодого поколения. Они не должны оставаться безответными. Попробуем раскрыть ущербность названных выше идеологем.

Пожалуй, наиболее абсурдным и вместе с тем кощунственным является отрицание самого факта Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Так, вопреки очевидным фактам и здравому смыслу, Д. Винтер утверждает, что Сталин «считал себя не победителем, а проигравшим — его план завоевания Европы был сорван упреждающим ударом Гитлера, «освободительный поход» Красной армии не достиг конечной цели...» [1; 3]. Бывший министр

иностранных дел Украины Павел Климкин заявил о том, что у России нет права отмечать 9 Мая и День Победы над нацизмом: Москва незаконно приватизировала Победу. Отечественный либерал И. Чубайс эту же выдумку формулирует иносказательно. «Война, — безапелляционно заявляет он, — показала несостоятельность всей советской государственности — и экономики, и идеологии... и контрпродуктивность советской военной машины, и всей советской системы управления»⁷.

Прямым опровержением этих и им подобных заявлений являются: водружение Красного флага над Рейхстагом 1 мая 1945 г. и безоговорочная капитуляция Германии, принятая маршалом Г.К. Жуковым. Эти реалии действительности стали неоспоримыми символами того, что Великую Отечественную войну СССР завершил политическим и военным триумфом.

К этому следует добавить, что сталинский «план завоевания Европы» существует исключительно в публикациях хулителей Великой Отечественной войны и Победы⁸. «Конечной целью Красной армии» был разгром агрессора, и цель была достигнута. Россия не приватизировала Победу, свидетельством чего стало участие в параде Победы расчетов из 13 государств, в том числе Индии, Китая, Монголии, Сербии. А уж говорить о военной, экономической, управленческой и другой несостоятельности государства, которое сокрушило не знавшего поражений врага, — врага, на которого работала вся Европа, — это крайняя степень разнузданности.

⁵ Особенности национальных пропагандистов. Александр Невзоров [Электронный ресурс] URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5daadf4b74f1bc00b0479645/osobennosti-nacionalnyh-propagandistov-3-aleksandr-nevzorov-5ddcf1b4e488001108118129> (дата обращения 26.11.2019).

⁶ Литвиненко В.В. Черные мифы о Великой Победе // Советская Россия. 2020. 28 января.

⁷ Чубайс И. Еще раз о статье Владимира Путина, анализ и критика [Электронный ресурс]. URL: https://echo.msk.ru/blog/i_chub/2664123-echo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbg/ (дата обращения 20.06.2020).

⁸ Единственное основание, на котором строятся эти измышления, — документ «Соображения Генерального штаба Красной Армии по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», подготовленный не ранее 15 мая, он представляет собой рукопись А.М. Василевского, с карандашными правками, внесенными другой рукой (URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0024_zuk&l=ru&object=translation (дата обращения 29.07.2020)). Многие профессиональные исследователи подчеркивают, что Соображения являются всего лишь черновиком и не утверждены советским руководством.

Есть злопыхатели, которые признают, что в войне победителем был Советский Союз, но сокрушаются по этому поводу. «А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер — Сталина? ... Погибла бы не Россия, а режим. Сталинизм... Мы освободили Германию. Может, лучше бы освободили нас?» — так написал А. Минкин⁹. Другие рассуждают о том, что если бы Россия не сопротивлялась, то мы «сейчас бы пили баварское пиво».

Подобная пораженческая позиция не является откровением современных переписчиков истории: почти 250 лет тому назад ее сформулировал отрицательный герой романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» Смердяков: «Я всю Россию ненавижу... В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы, умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки»¹⁰.

Однако война, навязанная Советскому Союзу, имела причину не только и даже не столько в классовых и идеологических различиях стран, сколько в желании завоевать богатую сырьевыми ресурсами, мощью и цивилизационным своеобразием Россию — по некоторым вопросам антагониста западной цивилизации. Рассуждения о том, что это была война двух тиранов, или двух тоталитарных режимов, что главной целью Германии в ней было уничтожение сталинского режима, свидетельствует либо об интеллектуальной убогости авторов, либо об их идеологической враждебности России. Целью было уничтожение не Сталина и не сталинского режима, а России как государства и славян как национальной группы. «Споры о том, плохим или хорошим было наше (Советское — примеч. автора) го-

сударство, — пишет Н. А. Нарочницкая, — совершенно неуместны, потому что беда тогда случилась не с государством — политическим институтом, вселенская угроза нависла не над государством, а над Отечеством» [10].

Кстати сказать, идеологи «нового видения» истории Великой Отечественной войны стремятся упразднить, вытравить из сознания людей само это понятие, поскольку ставят вместо него определение «нацистско-советская война», которое проникло даже в учебники (История России. XX век: 1939—2007. / Под ред. А. Б. Зубова. М.: Астрель; АСТ. 2009.). При этом «советскость» рассматривается как характеристика не геополитического субъекта, а режима в нем, и делается вывод о том, что в войне двух тираний победа любой из них означает поражение страны и народа.

Семантическая бессмыслица словосочетания «советско-нацистская война» заключается в том, что абстрактный самодостаточный политический режим вне территории (страны) и без людей (народа) невозможен в принципе и по определению не способен вести войну.

Но это не терминологический спор, а смысловое столкновение, имеющее политическое содержание. Вот, например, высказывание «гения русской литературы» А. И. Солженицына: «Ну и что, если победили бы немцы? Висел портрет с усами, повесили бы с усиками. Всего и делов!»¹¹

Из этой логики «вытекает», что коль скоро воюет режим, представляющий собой абсолютное зло, то само зло и его служители должны быть наказаны. «Презрение потомков, — так написал А. Подрабинек, — самое малое из того, что заслужили строители и защитники советского режима»¹². Вдумайтесь: Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский, А. И. Покрышкин и А. И. Маринеско,

⁹ Минкин А. Чья победа? // Московский комсомолец. 2005. 22 июня; То же: URL: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/06/22/194712-chya-pobeda.html> (дата обращения 15.05.2020).

¹⁰ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Цит. по: Боханов А. Н. Российская империя. Образ и смысл. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 512.

¹¹ Солженицын — классик лжи и предательства [Электронный ресурс]. URL: <https://maxpark.com/community/5134/content/3397424> (Анатолий Коршунов перепечатал из ruskline.ru 7 апреля 2015).

¹² Как антисоветчик антисоветчикам... Статья А. Подрабинек [Электронный ресурс] URL: <https://introvertum.com/kak-antisovetchik-antisovetchikam-statya-aleksandra-podrabineka/> (дата обращения 29.05.2017).

Николай Гастелло и Александр Матросов... имя им, и прославленным, и неизвестным героям-защитникам страны — легион, и они заслужили не благодарность, а презрение?

В дополнение к вышесказанному приведем, мягко говоря, спорные вопросы. Было бы Советскому Союзу лучше, если он, подобно Дании, отказался бы от сопротивления? Что бы случилось, если Третий Рейх одержал бы победу над СССР? Какая судьба ждала бы тогда советское население? Ответ на эти вопросы дал Гитлер, указав, что предстоящая война будет войной на уничтожение и что план «Ост» предусматривает выселение 85 % коренного советского населения в Западную Сибирь, Северный Кавказ и Южную Америку. Для общего сокращения населения внедрялась программа «Голод»¹³. Так что в случае военного поражения Советского Союза на его территории баварское пиво, конечно, пили бы, но отнюдь не советские люди.

Прошли годы и ныне русофобы согласны с тем, что победа гитлеровской Германии означала бы полную и необратимую социальную катастрофу. Они придумали ей другую альтернативу. Автор под ником «Выключаем эмоции, включаем ум» опубликовал текстовую версию высказываний профессора А. Зубова: «По сравнению со Сталиным Гитлер — это ангел русской истории... Досадно, что Сталин не проиграл войну Гитлеру, потому что всё равно бы в конце концов союзники бы нас освободили, но тогда бы англичане и американцы у нас установили демократию, а вместо этого восстановился людоедский сталинский режим»¹⁴.

Приведенное высказывание означает, во-первых, что автор не учитывает тот факт, что в войне с фашизмом, как заявил В. В. Путин, «речь шла не только о существовании нашей страны, речь шла о существовании самого нашего народа» [22]; во-вторых, что

остаются открытыми вопросы: когда бы наступил «конец концов» и союзники «освободили нас», если учесть, что Второй фронт был открыт 6 июня 1944 г. (тогда стало ясно, как заметил в узком кругу посвященных президент США Франклин Рузвельт, что если Советы и дальше продолжат громить немцев, то Второй фронт может и не понадобиться), и сколько еще русских жизней полегло бы в той бойне?. В-третьих, такая гипотетическая война с Германией на территории нашего Отечества была бы борьбой против «безбожного коммунизма» и «преступного сталинского режима» или за овладение его ресурсами? Да и случилась бы она? Ответом на этот вопрос могут служить два факта. Факт первый: в октябре 1942 г. У. Черчилль утверждал, что именно Россия, а не Германия, является истинным врагом Европы [5; 12]. Факт второй: по указанию У. Черчилля к 22 мая в исключительной секретности был разработан план операции «Немыслимое», согласно которому наши союзники совместно с десятью-двенадцатью нерасформированными и неразоруженными дивизиями Вермахта должны были 1 июля развернуть военные действия против Красной армии. До войны дело тогда не дошло [13].

Поэтому Победа — безоговорочное и великое благо. Ценой подвига, страданий и жертвенной смерти многих миллионов людей она предотвратила уничтожение страны и народа, прекращение их истории. Любая альтернатива была бы гибельной для страны и народа.

Расхожей формой дискредитации Победы является замалчивание или даже отрицания решающего вклада СССР в разгром армий фашистского блока. Так, в США к 75-летию победы во Второй мировой войне выпустили сувенирную монету. В описании к монете говорится, что она посвящена тем, «кто обеспечил нам свободу, которой мы

¹³ «Пили бы сейчас баварское...» Что Гитлер планировал сделать с СССР после победы? [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/history_of_wars/pili-by-seichas-bavarskoe-chto-gitler-planiroval-sdelat-s-sssr-posle-pobedy-5cc36191589ccd00b228707f (дата обращения 03.09.2020).

¹⁴ URL: <https://ren.tv/news/politika/122860-v-seti-vspykhnul-skandal-iz-za-slov-chlena-parnasa-andreja-zubova-o-gitlere> (дата обращения 20.06.2020).

наслаждаемся сегодня». Но на реверсе монеты изображены только флаги США, Великобритании и Франции. Флаг Советского Союза там отсутствует. В поздравительном сообщении, опубликованном администрацией США 9 мая 2020 г., сказано, что 8 мая 1945 г. Америка и Великобритания «одержали победу над нацистами... Дух Америки всегда победит». Советский Союз в публикации не упоминается¹⁵. Неудивительно, что многие в Европе считают, что основная заслуга в разгроме фашизма принадлежит США.

В нашей стране всегда — как в советское время, так и в наши дни — официально признается, что разгром фашистской Германии — общая заслуга стран антигитлеровской коалиции. Так, И. В. Сталин 9 мая 1945 г. объявил, что фашистская Германия была поставлена на колени Красной Армией и войсками наших союзников [12]. Через 75 лет В. В. Путин заявил: «Мы никогда не забудем вклад наших союзников в приближение победы, значение второго фронта, открытого в июне 1944 года» [14].

Однако дело в том, что вклад союзников в Победу был неравнозначен и неравноценен. Приведу несколько цифр в подтверждение, что решающий вклад в разгром фашистской военной машины внес Советский Союз. На протяжении почти четырех лет советско-германский фронт приковывал к себе основную массу сил и средств фашистской Германии и ее союзников. Против советских войск одновременно действовало от 190 до 270 наиболее боеспособных дивизий фашистского блока — более 3/4 их общего количества. Вместе с тем англо-американским войскам в Северной Африке в 1941—1943 гг. противостояло от 9 до 20 дивизий, в Италии — от 7 до 26, в Западной Европе после июня 1944 гг. действовало от 56 до 75 дивизий.

На советско-германском фронте были разгромлены и пленены 607 дивизий противника, однако западные союзники разгромили и пленили только 176 дивизий. За время войны советскими войсками уничтожено и захвачено более 75 % всего оружия и военной техники врага [3, с. 314].

Есть немало публикаций, в которых утверждается, что без западных поставок Советский Союз не смог бы выиграть Великую Отечественную. Речь идет о ленд-лизе¹⁶. Помощь по ленд-лизу составляла часть от советского военного производства: по боевым самолетам — 10%, по танкам и САУ — 12%, по паровозам — 6,3 % и т. д. [11, с. 415]. В целом помощь США по ленд-лизу, а также британские и канадские поставки в СССР в общей сложности не превышали 4 % советского промышленного производства в военные годы. И наша страна всегда благодарно признавала большое значение материальной помощи союзников. Так, И. В. Сталин в 1943 г. заявил, что военные поставки союзников «значительно облегчили успехи нашей летней кампании» [20, с. 122]. Обратите внимание: облегчили кампанию, можно сказать приблизили победу над врагом, но не стали решающим фактором Победы. Гарри Гопкинс, первый администратор этого проекта, говорил: «Американцы никогда не считали, что помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Победа была достигнута героизмом и кровью русской армии»¹⁷. Позднее американский начальник управления по соблюдению Закона о ленд-лизе Э. Стеттиниус признавал: «...в целом объем поставленных нами Советскому Союзу военных материалов не слишком велик» [4, с. 237]. Таким образом, помощь была существенной, но она не стала решающим фактором Победы. Воевала наша страна, а союзники

¹⁵ Белый Дом назвал победителями нацизма только США и Великобританию [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2020/05/09/dom/> (дата обращения 10.05.2020).

¹⁶ Ленд-лиз (с английского lend — давать взаймы и lease — сдавать в аренду, внаем) — государственная программа, по которой Соединенные Штаты Америки поставляли своим союзникам во Второй мировой войне боевые припасы, технику, продовольствие, медицинское оборудование и лекарства, стратегическое сырье, включая нефтепродукты.

¹⁷ Спицын Е. Ленд-лиз: только факты [Электронный ресурс]. URL: (неверная ссылка) <https://ukraina.ru/pobeda/20150507/1012991229.html> (дата обращения 03.09.2020).

ей помогали. Гипертрофированная оценка военной помощи по ленд-лизу принижает подвиг советского народа и Красной Армии.

Много спекуляций на тему цены Победы. (нет с другой стороны) Наши недруги как бы соревнуются, кто большее число жертв назовет, уличая политическое руководство и военное командование в бесчеловечности ведения войны. Подтасовывая факты в своих интересах, фальсификаторы истории Великой Отечественной войны толкуют о том, что цена победы СССР была столь велика, что эту победу впору считать *пирровой*¹⁸.

Мультируется идея о профессиональной никчемности бойцов Красной армии и ее военачальников: воевали, мол, не умением, а числом. Другая редакция этого пасквиля дана В. Астафьевым: «Мы просто не умели воевать, мы просто залили своей кровью, завалили своими трупами фашистов». Но фраза эта — бестолковая по форме и глумливая, мерзкая по смыслу. Говорить так о погибших в боях бойцах — предел безнравственности [8].

Обратим внимание на различие критериев «цена войны» (число погибших и умерших во время и вследствие войны) и «цена Победы» (число безвозвратных потерь комбатантов). Первая цена названа официально — около 27 млн человек. Из них более 2/3 — потерян гражданского населения на оккупированной советской территории, в том числе преднамеренно истреблено более 7,4 млн человек; 4,2 млн человек погибли от налетов вражеской авиации, артиллерийских обстрелов, голода, инфекционных болезней, отсутствия медицинской помощи; из 5,3 млн человек, угнанных в Германию на принудительные работы, более 2,1 млн умерли в неволе¹⁹. Боевые же потери наши и противника вполне сопоставимы (соотношение 1,3 : 1,0). Превышение советских потерь объясняется

в том числе гибелью военнопленных.

Писатель М. Солонин задается вопросом: «Не надорвались ли духовные силы народа на сверхчеловеческом напряжении тех четырех лет?» [19, с. 455]. Пассаж этот провокационен: автор в форме вопросительного высказывания настраивает читателя на уничижительную оценку Победы. Солонин не дает ответа на свой вопрос, сообщая о том, что его «сможет дать только сама жизнь». Обескуражим его: жизнь ответила: война не только не подорвала, но прояснила и возвысила духовные силы народа.

Из войны Советский Союз вышел более могущественным в военном отношении, чем был до нее, и Победа сделала невозможной еще одну войну. В подтверждение можно напомнить, что операция «Немыслимое» осталась только планом, в силу того что Объединенный комитет начальников штабов установил: «Если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей, и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил» [13].

Немало спекуляций по поводу того, кто был творцом Победы. Одна из самых расхожих: победа достигнута не благодаря, а вопреки Сталину, советскому руководству и в какой-то мере военному командованию. Но это утверждение является абсолютной нелепицей. В нем исподволь «протаскивается» мысль, будто народ чаял и шел к победе, в то время как советский режим, государственная власть и военное руководство не хотели ее и вели страну к поражению. Однако вопрос этот имеет отнюдь не редакционно-стилистический смысл. Дело в том, что вооруженные люди без командира — это толпа, неспособная вести систематические и согласованные военные действия.

Государственный Комитет Оборона, Ставка Верховного Главнокомандования и лично Сталин и были тем «командиром»,

¹⁸ Пиррова победа — победа, доставшаяся слишком высокой ценой; победа, равносильная поражению. По словам древнегреческого историка Плутарха, царь Эпира Пирр после своей победы над римлянами под Аускулом в 279 до н. э. воскликнул: «Еще одна такая победа и мы погибли». (Ашукин И.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. М.: Художественная литература, 1960. С. 465).

¹⁹ Цена Победы, характер и значение Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b6876e90ad7da00a903b0f8/cena-pobedy-sovetskogo-naroda-v-velikoi-otechestvennoi-voine-5bfa6d2052ef2600a94026fd> (дата обращения 03.09.2020).

кто вел народ и армию к Победе. Своеобразным признанием решающей роли государственного руководства, лично Сталина в организации отпора агрессору являются слова их принципиальных противников. Так, Г. Х. Попов в антисталинской работе вынужден признать: «Звездный час Сталина — не парад 1945-го. И даже не парад 1941-го. Это тот час, когда русские люди признали в нем лидера русского народа в смертельной схватке, в Отечественной войне за спасение Родины, за спасение русской нации».

Войну вел и в ней победил советский народ. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г., день 9 мая был установлен как «Праздник победы (с маленькой буквы — *примеч. автора*) Красной Армии и советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Да и ныне День воинской славы России 9 мая дословно называется: «День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Эту мысль В. В. Путин дважды повторил в выступлении на церемонии возложения цветов к Могиле Неизвестного Солдата 9 мая 2020 г.: мы отдаем дань бесконечного признания великому, жертвенному подвигу советского народа, и этот мир отстоял, сберег советский солдат. Представляется, что в этом контексте «советский» — не географическая характеристика населения конкретной страны — Советского Союза, а социально-политическая категория общности, сущность и черты которой определял сложившийся государственный и общественный строй. Искажением исторической правды является умолчание, тем более отрицание этой основы Победы. «Это, — заявил, например, А. Пушкин, — не была победа социализма над фашизмом, они были лишь временными формами существования России и Германии... Это была победа нации, которая не хотела

стать подчиненной и сгнута с лица земли, над нацией, которая хотела нас подчинить и поработить»²⁰. Дело в том, что никакие «измы» не воюют и не побеждают, а воюют и побеждают народы, государства, армии или, по Пушкину, нации. Но нация — всегда оформленное образование. В Первую мировую войну Россия, не желавшая стать подчиненной, но находившаяся в другой форме существования, оказалась побежденной. Во Второй мировой именно советская социалистическая организация российской нации стала важнейшим фактором и главным источником Победы. Об этом как об абсолютной истине говорил И. В. Сталин и все последующие руководители СССР. Этот факт во время Великой Отечественной войны в разной форме признали также многие из тех, кто был противником «Совдепии». В эмигрантском журнале «Новый путь» (редактор — бывший активный меньшевик Ф. Ю. Дан) 7 октября 1942 г. в статье «Чудо Сталинграда» говорилось: «Ничего нельзя понять в этом чуде, если закрыть глаза на тот факт, что при всех своих падениях, срывах, ошибках и даже преступлениях революция, начавшаяся четверть века назад, вошла в плоть и кровь народных масс, что при всех невзгодах, лишениях, страданиях...она дала им какие-то достижения и, быть может, еще больше — какие-то надежды, за которые массы держатся всеми фибрами души, которые в их глазах перевешивают все темные и тяжелые стороны ее, за которые они хотят идти на нечеловеческие муки, сражаться и умирать. Революция дала патриотизму народов Советского Союза новую великую идею — идею социального освобождения»²¹.

Заявив себя правопреемником Союза ССР и, следовательно, Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Российская Федерация взяла на себя

²⁰ Путин заявил о «краже у России победы и Берлина»: россияне разозлило притворство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.obozrevatel.com/russia/putin-zayavil-o-krazhe-u-rossii-pobedy-i-berlina-rossiyan-razozlilo-pritvorstvo.htm> (дата обращения 26.02.2020).

²¹ Цит. по: Башерев Д.С. Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны // Современное общество, образование и наука: сб. науч. трудов по мат-лам науч.-практ. конференции (31.03.2015). Ч.7. Тамбов: Консалтинговая компания Юком. 2015. С. 22—25.

ответственность за сохранение исторической правды. Но вот что интересно. В. В. Путин сказал, что предпринимаются попытки «украсть у нас победу», указав на необходимость активно этому противостоять. В ответ в Интернете появилась масса возмущенных откликов типа «путинская РФ не имеет к Победе наших отцов никакого отношения»²². Согласиться с такой реакцией никак невозможно. Да, «путинская Россия» в человеческом измерении — это, к сожалению, уже немногочисленные ветераны, а также родные погибших и ушедших из жизни после войны защитников Отечества, их дети и внуки. Они не имеют отношения к Победе? Или они не Россия? Отторжение современной России от Победы — это антиисторичный вызов здравому смыслу. Скорее наоборот, упрекать государство следует не в том, что оно признает за Россией победителя, наследника победы, а в том, что умалчивает источники и факторы Победы, в дни торжеств скрывает ее символы.

Государство не только имеет право, оно обязано («нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» — один из основополагающих принципов любой правовой системы) решительно и твердо противостоять историческим инсинуациям в его адрес, противопоставить им более основательную и более ярко изложенную точку зрения. Для реализации этого права/обязанности у государства есть мощные рычаги конструирования исторической памяти и контроля за ней, а именно: общеобразовательная школа, исторические архивы, музеи и библиотеки, спонсируемые государством каналы пропаганды (телевидение, Интернет, кинопродукция и пр.), государственная символика, мемориалы и памятники, награды и почетные наименования (например, Город воинской славы, Семеновский полк и др.), исторические объекты культурного насле-

дия, топонимы и, шире, места памяти²³, законодательно установленные государственные праздники, памятные даты и дни воинской славы.

Литература

1. **Винтер Д.** Виктор Суворов прав! Сталин проиграл Вторую мировую войну. Запретная правда о Победе. М.: Яуза-Пресс, 2012. С. 4.
2. **Попов Г. Х.** Три войны Сталина. М.: Агентство «КРПА Олимп», 2005. 192 с.
3. Военная энциклопедия: в 8 т. М.: Воениздат, 1994—2004. Т. 2: Вавилония — Гюйс. 1994. 538 с.
4. Загадки ленд-лиза. М.: Вече, 2000. 398 с.
5. **Кожин В. В.** Великая война России. Почему непобедим русский народ? М.: Эксмо, 2010. 543 с.
6. Концерт по случаю Дня защитника Отечества: [речь В. Путина]. (23 февраля 2020 г.). [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62851> (дата обращения 23.02.2020).
7. **Лутовинов В. И.** Великая Победа в зеркале особенностей и проблем современной России [Электронный ресурс] // Институт современных гуманитарных исследований: официальный сайт. URL: <http://isgi.ru/article/lutovinov-vi-velikaya-pobeda-v-zerkale-osobenno-stey-i-problem-sovremennoy-rossii> (дата обращения 15.05.2020).
8. Миф: победили «закидав трупами» [Электронный ресурс] // Байки о войне: [сайт]. URL: <http://fab-lewar.ru/2012/01/mifzakidali/> (дата обращения 15.05.2020).
9. **Нарочницкая Н. А.** За что и с кем мы воевали [Электронный ресурс] // Православие-ру: [сайт]. (8 июля 2005 г.). URL: <https://pravoslavie.ru/4928.html> (дата обращения: 09.05.2020).
10. Наталия Нарочницкая: права ли Валентина Терешкова [Электронный ресурс] // Вконтакте: социальная сеть. Режим доступа: https://vk.com/wall3107747_704 (дата обращения 03.09.2020).
11. Наше Отечество: Опыт политической истории: в 2 т. М.: Терра, 1991. Т. 2. 620 с.
12. Обращение тов. И.В. Сталина к народу СССР. 9 мая 1945 года. М.: Воениздат, 1948. С. 192. [Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза]; То же: AVIpickedLtd: [авт. сайт]. URL: <http://arutinov.ru/70-let-pobedy/> (дата обращения 03.09.2020).
13. Операция «Немыслимое»: Доклад Штаба объединенного планирования [Электронный ресурс] // Холодная война. Великое противостояние держав: [сайт]. URL: <http://www.coldwar.ru/bases/operation-unt-hinkable.php> (дата обращения 01.03.2020).

²² Пушкин о том, что Победа не была победой социализма над фашизмом [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/burckina_faso/pushkov-o-tom-cto-pobeda-ne-byla-pobedoi-socializma-nad-fashizm-mom-5f0ad4e2c3f39b5ed133e63d (дата обращения 12.07.2020).

²³ Место памяти — понятие, введенное французским ученым П. Нора в начале 80-х годов XX века. Оно воплощает в себе единство духовного и материального, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти общности.

14. Парад в честь 75-летия Великой Победы [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63560> (дата обращения 24.06.2020).

15. Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: Воскресение, 2005. С. 242, 584; Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945: Краткая история. М.: Воениздат, 1984. С. 503—504.

16. «Первыми топтать наш жертвенный подвиг начали наши же ниспровергатели». Беседа с историком и политиком Наталией Нарочницкой [Электронный ресурс] // Столетие. Информац.-аналитич. изд. Фонда исторической перспективы. (23.03.2020, С. Рыков). URL: http://www.stoletie.ru/obschestvo/pervymi_toptat_nash_zhertvennyj_podvig_nachali_nashi_zhe_nisprovergateli_754.htm (дата обращения 12.05.2020).

17. Репин Т. План Дёница: что было бы, если бы союзники объединились с Германией против СССР в 1945 году [Электронный ресурс] // Русская семерка: [сайт]. URL: <https://russian7.ru/post/plan-dyonica-chto-bylo-by-esli-by-soyuzni/> (дата обращения 28.06.2020).

18. Сахаров Н. А. Трумэн // Большая российская энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 2016. Т. 32. 768 с.

19. Солонин М. 22 июня: Анатомия катастрофы. М.: Яуза; Эксмо, 2011.

20. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Воениздат, 1948.

21. 75-летие Победы [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63329> (дата обращения 09.05.2020).

22. Торжественный прием по случаю Дня Победы. 9 мая 2017 года. [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54469> (дата обращения 20.06.2020).

23. Фултонская речь Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже [Электронный ресурс] // Российское историческое общество: официальный сайт. URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/archives/fultonskaya-rech-uinstona-cherchillya-1946-goda.html> (дата обращения 05.03.2016).

Поступила 28.08.2020

Бельков Олег Алексеевич — доктор философских наук, профессор, действительный член Академии военных наук (г. Москва), belkovole@yandex.ru

References

1. Vinter D. Viktor Suvorov prav! Stalin proigral Vtoruju miroviju vojnu. Zapretnaja pravda o Pobede. M.: Jauza-Press, 2012. S. 4.

2. Popov G. X. Tri vojny Stalina. M.: Agentstvo «KIPA Olimp», 2005. 192 s.

3. Voennaja jenciklopedija: v 8 t. M.: Voenizdat, 1994—2004. T. 2: Vavilonija — Gjujs. 1994. 538 s.

4. Zagadki lend-liza. M.: Veche, 2000. 398 s.

5. Kozhinov V. V. Velikaja vojna Rossii. Pochemu nepobedim russkij narod? M.: Jeksmo, 2010. 543 s.

6. Koncert po sluchaju Dnja zashhitnika Otechestva: [rech' V. Putina]. (23 fevralja 2020 g.). [Jelektronnyj resurs] // Prezident Rossii: oficial'nyj sayt. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62851> (data obrashhenija 23.02.2020).

7. Lutovinov V. I. Velikaja Pobeda v zerkale osobennostej i problem sovremennoj Rossii [Jelektronnyj resurs] // Institut sovremennyh gumanitarnyh issledovanij: oficial'nyj sayt. URL: <http://isgi.ru/article/lutovinov-vi-velikaya-pobeda-v-zerkale-osobennostey-i-problem-sovremennoj-rossii> (data obrashhenija 15.05.2020).

8. Mif: pobedili «zakidav trupami» [Jelektronnyj resurs] // Bajki o vojne: [sait]. URL: <http://fablewar.ru/2012/01/mifzakidali/> (data obrashhenija 15.05.2020).

9. Narochnickaja N. A. Za chto i s kem my voevali [Jelektronnyj resurs] // Pravoslavie.ru: [sait]. (8 ijulja 2005 g.). URL: <https://pravoslavie.ru/4928.html> (data obrashhenija: 09.05.2020).

10. Natalija Narochnickaja: prava li Valentina Tereshkova [Jelektronnyj resurs] // V Kontakte: social'naja set'. Rezhim dostupa: https://vk.com/wall3107747_704 (data obrashhenija 03.09.2020).

11. Nashe Otechestvo: Opyt politicheskoy istorii: v 2 t. M.: Terra, 1991. T. 2. 620 s.

12. Obrashhenie tov. I.V. Stalina k narodu SSSR. 9 maja 1945 goda. M.: Voenizdat, 1948. S. 192. [Stalin I. V. O Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Sojuza]; To zhe: AVIpicked Ltd: [avt. sayt]. URL: <http://arutinov.ru/70-let-pobedy/> (data obrashhenija 03.09.2020).

13. Operacija «Nemyslimoe»: Doklad Shtaba ob#edinnennogo planirovanija [Jelektronnyj resurs] // Holodnaja vojna. Velikoe protivostojanie derzhav: [sait]. URL: <http://www.coldwar.ru/bases/operation-unthinkable.php> (data obrashhenija 01.03.2020).

14. Parad v chest' 75-letija Velikoj Pobedy [Jelektronnyj resurs] // Prezident Rossii: oficial'nyj sayt. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63560> (data obrashhenija 24.06.2020).

15. Perepiska Predsedatelja Soveta ministrov SSSR s prezidentami SSHA i prem'er-ministrami Velikobritanii vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny 1941—1945 gg. M.: Voskresenie, 2005. S. 242, 584; Velikaja Otechestvennaja vojna Sovetskogo Sojuza. 1941—1945: Kratkaja istorija. M.: Voenizdat, 1984. S. 503—504.

16. «Pervymi toptat' nash zhertvennyj podvig nachali nashi zhe nispovergateli». Beseda s istorikom i politikom Nataliej Narochnickoj [Jelektronnyj resurs] // Stoletie. Informac.-analitich. izd. Fonda istoricheskoy perspektivy. (23.03.2020, S. Rykov). URL: http://www.stoletie.ru/obschestvo/pervymi_toptat_nash_zhertvennyj_podvig_nachali_nashi_zhe_nisprovergateli_754.htm (data obrashhenija 12.05.2020).

17. Repin T. Plan Djonica: chto bylo by, esli by sojuniki ob#edinilis' s Germaniej protiv SSSR v 1945 godu [Jelektronnyj resurs] // Russkaja seмерka: [sait]. URL: <https://russian7.ru/post/plan-dyonica-chto-bylo-by-esli-by-soyuzni/> (data obrashhenija 28.06.2020).

18. Saharov N. A. Trumjen // Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2016. T. 32. 768 s.
19. Solonin M. 22 ijunja: Anatomija katastrofy. M.: Jauza; Jeksmo, 2011.
20. Stalin I. O Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Sojuza. M.: Voenizdat, 1948.
21. 75-letie Pobedy [Jelektronnyj resurs] // Prezident Rossii: oficial'nyj sajt. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63329> (data obrashhenija 09.05.2020).
22. Torzhestvennyj priem po sluchaju Dnja Pobedy. 9 maja 2017 goda. [Jelektronnyj resurs] // Prezident Rossii: oficial'nyj sajt. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54469> (data obrashhenija 20.06.2020).
23. Fultonskaja rech' Uinstona Chercillja v Vestminsterskom kolledzhe [Jelektronnyj resurs] // Rossijskoe isto-ričeskoe obshhestvo: oficial'nyj sajt. URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/archives/fultonskaya-rech-uinstona-cherchillya-1946-goda.html> (data obrashhenija 05.03.2016).

Submitted 28.08.2020

Belkov Oleg Alekseevich, Doctor of Philosophy,
Professor, full member of the Academy of Military
Sciences (Moscow), belkovole@yandex.ru

К вопросу о сущности информационной культуры

Л. В. Мрочко¹, В. В. Мрочко²

¹*Московский гуманитарный университет*

²*НИУ «Высшая школа экономики»*

dr.discussion@yandex.ru

Рассматривается сущность понятий «культура» и «информация» в трудах философов и культурологов. Анализируется содержание феномена информационной культуры. Исследуются основные признаки, определяющие диалектическую связь, взаимообусловленность и взаимодействие культуры и информации как научных категорий. Определяется роль языковой системы знаков в коммуникации. Раскрывается социальная значимость информационной культуры.

Ключевые слова: информация; культура; диалектическая связь, взаимообусловленность, взаимодействие, информационная культура.

To the question about essence of information culture

L. V. Mrochko¹, V. V. Mrochko²

¹*Moscow state University for the Humanities*

²*National research University «Higher school of Economics»*

dr.discussion@yandex.ru

The essence of the concepts «culture» and «information» in the works of philosophers and cultural scientists is considered. The content of the phenomenon of information culture is analyzed. The main features that determine the dialectical connection, interdependence and interaction of culture and information as scientific categories are studied. The role of the language system of signs in communication is determined. The social significance of information culture is revealed.

Keywords: information; culture; dialectical connection, interdependence, interaction, information culture.

Понятие «информация» родом из кибернетики, поскольку означало закодированный сигнал, передаваемый между электронными машинами, а также между машиной и человеком (оператором ЭВМ), поэтому имело сугубо техническое содержание. Ранее оно употреблялось также в журналистике

при обозначении группы информационных жанров (заметка, репортаж и др.). Сегодня это понятие приобрело характер общенаучной категории, так как охватывает все отрасли науки, обслуживающие сферы жизнедеятельности общества. Объем понятия стал широким: информационная сфера,

информационные ресурсы, информационный потенциал, информационная политика, информационная безопасность, информационные технологии и др.

Один из родоначальников российской теории информации А.Д. Урсул не без оснований считает, что ряд обстоятельств выдвинул понятие информации на лидирующее место, как в научном познании, так и во всей человеческой деятельности [1]. Особую роль здесь сыграли информационные технологии и глобальные процессы информатизации, а также понимание культуры как информационно-семиотического феномена. В науке сформировался информационный подход к развитию цивилизации. По мнению А.Д. Урсула, становление информационного общества — не столько социотехнологическая, сколько фундаментальная социокультурная трансформация, которая обусловила информационно-культурную эволюцию современного социума. В связи с этим возникла необходимость определить концептуальное соотношение категорий «информация» и «культура». Есть ли между ними диалектическая связь и взаимообусловленность? Каковы генезис и механизм их взаимодействия?

Термин «культура», как правило, ассоциируется с искусством, театром, кино, литературой, образованием, просвещением, воспитанием, моралью. Известный французский историк культуры Люсьен Февр считал культуру плодом творческого процесса мыслителей, религиозных деятелей, писателей, и художников, и других представителей науки и искусства, в творчестве которых развитие цивилизации выражает себя в наибольшей степени [2]. Однако культуру нельзя рассматривать как сумму индивидуальных творений великих людей. Она является совокупным достижением всего общества: нравы, традиции и обычаи отложились в созданных людьми на протяжении всей истории цивилизации вещах и текстах, в письменности, т.е. языковой системе знаков.

В культурологических исследованиях последних лет (Зыкова И.В., Рыжов В.П., Рыжов Ю.В., Петров В.М. и др.) культура

рассматривается как особая информационная система, определяющая сущность современной человеческой цивилизации [3]. Обобщая различные подходы к культуре, П.С. Гуревич полагает, что содержание этой категории определяет совокупность социально приобретенных и передаваемых из поколения в поколение значимых символов, идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, — посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность [4, с. 120—121].

Понятие «культура» имеет множество производных разного содержания: культура труда, корпоративная культура, культура быта, культура общения, нравственная культура, культура поведения, политическая культура, физическая культура и др. В 80-х годах XX столетия в научный оборот было введено понятие «информационная культура» как новая научная категория, появление которой было обусловлено возрастанием значения информации в социуме. Имеет ли она право на существование?

Впервые сущность этой философской категории раскрыл в своих трудах сибирский ученый А.П. Суханов (1983), исследуя истоки новой для того времени научной концепции — информационного подхода к теории развития общества и личности [5]. Дискуссии о содержании и структуре информационной культуры, как и о необходимости введения такой дисциплины в учебные планы вузов, ведутся до сих пор [6]. В большинстве работ она рассматривается в рамках учебной дисциплины «информатика» — как культура пользователя электронных устройств (культура пользования информацией). Считаем, что в данном случае следует говорить об уровне компьютерной грамотности и компетентности как показателей степени развития информационной культуры пользователей в целом. Заметим: проблем здесь много. Неслучайно в последние годы заговорили о компьютерной зависимости как болезни. Не следует забывать об информационных угрозах, современной информационной войне. Сегодня на повестку дня поставлен вопрос об информационной безопасности общества и личности. В частности

в плане информационной безопасности детей и подростковой молодежи принят ряд законов, защищающих их от воздействия негативной информации.

В более широком смысле информационная культура — это *культура создания* (производства), *культура распространения* и *культура потребления* (восприятия) любых видов и типов информации: печатной, визуальной, аудиовизуальной, графической, электронной и др. Перед нами не стоит задача анализа современной теории информационной культуры и практики информационного образования. Нас интересует диалектическая связь и взаимообусловленность научных категорий «культура» и «информация».

Полагаем, что наряду с инновационными цифровыми технологиями показатель информационной культуры является не только важнейшим фактором становления личности, но также критерием оценки формирования ее качественных характеристик, по той причине, что нельзя овладеть в совершенстве технологиями, не имея соответствующих знаний. Существуют различные виды и типы информационной культуры: культура чтения и книжная культура, интернет-культура и медиакультура, — а также уровни ее развития: *информационная грамотность* и *информационная компетентность*.

Связь и взаимообусловленность понятий «культура» и «информация» можно установить по ряду признаков.

Признак 1. В энциклопедии мы находим определение культуры как: ряда символов для обозначения действующих явлений (процессов, событий); свода понятий, созданных человеком для передачи *социально значимой информации* (*Выдел. авт.*), знаний, опыта и идей; совокупности способов познания и представлений о реальной действительности окружающего мира [7, с. 336].

Латинское слово *informatio* означает разъяснение, изложение, объяснение и т.д. В популярных словарях термином «информация» называются: сведения, знания и сообщения, необходимые для решения задач [8, с. 151]; мера устранения (снятия, снижения) неопределенности знания о состоянии объекта

или о явлении (событии, ситуации, факте) [9, с. 5].

Понятие «информация» прошло долгий путь становления до научной категории — от информационной составляющей неживой материи и живой природы до информационного содержания социальной среды. Длительный процесс формирования человека как социальной личности привел к качественно новому социокультурному образованию — такому виду (типу или форме) информации, которая получила материальное воплощение в системе знаков (в том числе в символах).

Знаковая система внесла в информационную сферу социума искусственно создаваемые человеком средства (инструменты) для восприятия (потребления), производства и передачи (распространения) информации. Знак — это материальные формы (предметы), обозначающие сущность явления или события, которые используются в общении и деятельности людей.

Коснемся таких коммуникативных актов, как чтение книги, газеты или журнала. Известный итальянский ученый, специалист по эстетике массовой культуры Умберто Эко утверждал, что в основе коммуникации лежит код, вместе с тем произведения культуры — это система знаков. Он утверждал: человек не может понять никакое явление культуры, не превращая его в сознании в некий знак [10, с. 7].

Картина мира, создаваемая в сознании человека посредством информации, представляет собой совокупность знаков (в особенности символов). Знаки находят выражение в членораздельной речи и формируют язык. Человек получает возможность не только выразить устно, иногда с помощью жестов и мимики, но и наглядно-образно изобразить свое отношение к реальной действительности в письменной форме (вначале на папирусе и глиняных дощечках, потом на бумаге), а затем с помощью средств коммуникации, в радиозфере и на телеэкране.

В словаре «Социальная философия» подчеркивается, что язык — это знаковая система, с помощью которой осуществляются мышление и общение, создание и передача

информации [11, с. 548]. Таким образом, знаки и языковые системы, которые появлялись в разное время у общностей разных континентов планеты Земля, приобрели функции источников информации, стали способом хранения и выражения накопленного знания, базовой площадкой для получения новой информации.

Признак 2. Культура — понятие социальное, а информация — социокультурное. Отдельный человек может быть носителем информации и культуры как творческая личность, может активно участвовать в их создании и распространении, но тем не менее по своей природе информация и культура, как и язык их выражения, изначально социальны по своему функциональному назначению.

Ученый-философ Ю.М. Лотман, раскрывая динамику культурных процессов, подчеркивал, что любой акт социокультурной коммуникации следует рассматривать прежде всего как перевод некоторого текста с языка моего «я» на язык твоего «ты» [12, с. 5]. По его мнению, всякая система, служащая целям коммуникации, может быть определена как язык, а любые культурные явления — как тексты, содержащие информацию и смысл [13, с. 19, 553].

В философских трудах Л.Н. Когана культура рассматривается как сфера социального существования человека, потребности которого мотивируются реальной действительностью и, прежде всего, потребностями созидания и общения. Социализация человека и формирование его как личности происходит в процессе коллективной деятельности и общения. Человек постоянно находится в информационном контакте (вербальном или невербальном коммуникативном взаимодействии) с окружающими его людьми, обменивается сведениями, опытом [14, с. 72].

Ролан Барт — один из исследователей массмедиа (СМИ) — раскрывает понятия «текст», «письмо» и «произведение». Текст, по Барту, — это своеобразная питательная среда, в которую погружено произведение. Анализируя эту позицию, Г.К. Костиков отмечает, что, по Барту, произведение есть эффективный механизм для внушения сте-

реотипов, закодированных на языке культуры. В феномене «письма» как источника смысловой информации Барт сумел разглядеть общественный институт, в котором заключен механизм такой же силы, как и в любом другом общественном установлении [15, с. 38, 45].

Признак 3. В философской среде принято считать, что культура включает четыре элемента: понятия; отношения; ценности; правила (нормы). Информация как научная категория также состоит из этих компонентов. Она располагает собственным понятийным аппаратом. В социуме существует информационное взаимодействие в системе «СМИ — массовая аудитория», посредством которого складываются определенные информационные отношения между источником информации и потребителем: читателем, радиослушателем, телезрителем, пользователем электронных устройств. СМИ служат инструментом формирования общественного сознания и общественного мнения.

Деятельность СМИ регулируется правилами и нормами, которые регламентируют права и обязанности журналистов, определяют их ответственность за создание и распространение информации, поскольку закреплены законодательно. Для оценки количества и качества информации используются такие важнейшие критерии, как оперативность, актуальность, доступность, понятность, выразительность, эмоциональность и другие ценностные характеристики.

Таким образом, основные элементы культуры как информационного феномена и сущностные слагаемые информации как социокультурного явления взаимосвязаны и взаимообусловлены. Если рассматривать механизм информационного взаимодействия содержания понятий «информация» и «культура» на протяжении длительного исторического периода, основываясь на положениях философов и культурологов, можно сделать заключение о сущности информационной культуры. Именно взаимообусловленность культуры и информации явилась главным фактором формирования человека как социальной личности. Культура и информация заложили основу становления

человеческой цивилизации, сыграли и играют сегодня важнейшую роль в дальнейшем развитии информационного общества. Мы дали веские основания считать, что такое предположение имеет право на жизнь.

Литература:

1. Урсул А.Д. Культура как информационный феномен // *Философская мысль*. 2013. № 8. С. 295—355.
2. Февр Л. Бои за историю: пер. с фр. М.: Наука, 1991. 629 с.
3. Зыкова И.В. Культура как информационная система. Духовное, ментальное, материально-языковое. М.: Либроком, 2016. 368 с.; Петров В.М. Социальная и культурная динамика. Быстротекущие процессы. Информационный подход. М.: Алетейя, 2018. 336 с.; Рыжов В.П., Рыжов Ю.В. Культура как система. Опыт информационного анализа: монография [Электронный ресурс] // Libs.ru: электрон. библиотеч. Режим доступа: <https://libs.ru/book/403235/> (дата обращения 09.09.2020).
4. Гуревич П.С. Культурология: учебн. пособ. 2-е изд. М., 2010.
5. Суханов А.П. Информация и человек. М.: Изд-во «Советская Россия», 1980. 208 с.; Информационный аспект теории развития личности: автореф. дис... д-ра филос. наук. Свердловск: УрГУ, 1983. 43 с.; Информация в жизни человека. М.: Политиздат, 1983. 112 с.; Мир информации. История и перспектива. М.: Мысль, 1986. 204 с.; Информация и прогресс. Новосибирск: Наука, 1988. 112 с.
6. Мрочко Л.В. Информационная культура общества и личности: монография. М.: МГОУ, 2008. 200 с.
7. Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб: Университетская книга, 1998. Т. 1. 446 с.
8. Лопатников Л.И. Популярный экономико-математический словарь. М., 1979.
9. Андреев В.Н. Информация и моделирование в управлении производством. Л.: ЛФЭИ, 1985. 84 с.
10. Эко У. Маятник Фуко. Милан: Бомпиани, 1988.
11. Социальная философия. Словарь / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. М.: Акад. Проект, 2003. 557 с.
12. Лотман Ю.Н. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994. 412 с.
13. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. 702 с.
14. Коган Л.Н. Теория культуры. Свердловск: УрГУ, 1994.
15. Костиков Г.К. Ролан Барт — семиотик, литературовед // Ролан Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 3—45.

Поступила 13.07.2020

Мрочко Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета (Россия, 111395,

Москва, ул. Юности, д.5), dr.discussion@yandex.ru

Мрочко Василисса Владимировна — студентка 2 курса факультета современного искусства НИУ «Высшая школа экономики» (Покровский бул., 11, стр. 7, Москва), Vassamro0320@gmail.ru

References

1. Ursul A.D. Kul'tura kak informacionnyj fenomen // *Filosofskaja mysl'*. 2013. № 8. S. 295—355.
2. Fevr L. Boi za istoriju: per. s fr. M.: Nauka, 1991. 629 s.
3. Zyкова I.V. Kul'tura kak informacionnaja sistema. Duhovnoe, mental'noe, material'no-jazykovoe. M.: Librokom, 2016. 368 s.; Petrov V.M. Social'naja i kul'turnaja dinamika. Bystrrotekushhie processy. Informacionnyj podhod. M.: Aleteja, 2018. 336 s.; Ryzhov V.P., Ryzhov Ju.V. Kul'tura kak sistema. Opyt informacionnogo analiza: monografija [Elektronnyj resurs] // Libs.ru: jelektron. bibl. Rezhim dostupa: <https://libs.ru/book/403235/> (data obrashhenija 09.09.2020).
4. Gurevich P.S. Kul'turologija: uchebn. posob. 2-e izd. M., 2010.
5. Suhanov A.P. Informacija i chelovek. M.: Izd-vo «Sovetskaja Rossija», 1980. 208 s.; Informacionnyj aspekt teorii razvitija lichnosti: avtoref. dis.... d-ra filos. nauk. Sverdlovsk: UrGU, 1983. 43 s.; Informacija v zhizni cheloveka. M.: Politizdat, 1983. 112 s.; Mir informacii. Istorija i perspektiva. M.: Mysl', 1986. 204 s.; Informacija i progress. Novosibirsk: Nauka, 1988. 112 s.
6. Mrochko L.V. Informacionnaja kul'tura obshhestva i lichnosti: monografija. M.: MGOU, 2008. 200 s.
7. Kul'turologija. HH vek. Jenciklopedija. SPb: Universitetskaja kniga, 1998. T. 1. 446 s.
8. Lopatnikov L.I. Populjarnyj jekonomiko-matematicheskij slovar'. M., 1979.
9. Andreev V.N. Informacija i modelirovanie v upravlenii proizvodstvom. L.: LFJeI, 1985. 84 s.
10. Jeko U. Majatnik Fuko. Milan: Bompiani, 1988.
11. Social'naja filosofija. Slovar' / Sost. i red. V.E. Kemerov, T.H. Kerimov. M.: Akad. Proekt, 2003. 557 s.
12. Lotman Ju.N. Besedy o russkoj kul'ture. SPb.: Iskusstvo, 1994. 412 s.
13. Lotman Ju.M. Ob iskusstve. SPb.: Iskusstvo, 1998. 702 s.
14. Kogan L.N. Teorija kul'tury. Sverdlovsk: UrGU, 1994.
15. Kostikov G.K. Rolan Bart — semiotik, literaturoved // Rolan Bart. Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika. / Sost., obshh. red. G.K. Kosikova. M.: Progress, 1989. S. 3—45.

Submitted 13.07.2020

Mrochko Leonid V., doctor of philosophy, Professor of the Department of advertising theory and mass communications, (5, Yunosti street, Moscow, 111395, Russia), dr.discussion@yandex.ru

Mrochko Vasilisa V., student, faculty of modern art, national research University «Higher school of Economics» (Pokrovsky Blvd., 11, p. 7, Moscow), Vassamro0320@gmail.ru

Патриотическое сознание российской молодежи: содержание и преемственность

С. А. Сорокин

Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

ssa.ru@mail.ru

Проведен социально-философский анализ содержания патриотического сознания российского общества в целом и молодого поколения россиян в частности. Рассмотрены сущностные особенности проявления патриотического сознания и их связь с эмоциональной сферой человека. Охарактеризованы понятия «долг», «честь», «мужество», «героизм», и в результате социологического исследования выявлено отношение к ним современной российской молодежи. Сделан вывод о формировании в молодежной среде достаточно высокого уровня патриотического сознания.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое сознание, общество, культурные традиции, служение Отечеству, историческая память.

Patriotic consciousness of Russian youth: content and continuity

S. A. Sorokin

Moscow State University of Railway Engineering (MIIT)

ssa.ru@mail.ru

A socio-philosophical analysis of the content of the patriotic consciousness of Russian society and the attitude of the younger generation of Russians towards it is carried out. The essential features of the manifestation of patriotic consciousness and their connection with the emotional sphere of a person are considered. Based on the results of the sociological research conducted by the author in one of the districts of the city of Moscow, the concepts of «duty», «honor», «courage», «heroism» and the attitude of modern Russian youth towards them are characterized. The conclusion is made about the formation of a sufficiently high level of patriotic consciousness among the youth.

Keywords: patriotism, patriotic consciousness, society, cultural traditions, service to the Fatherland, historical memory.

Патриотическое сознание тесно связано с духовной жизнью современного российского общества, с принятыми в нем нравственными и культурными ценностями. Вопросы формирования и проявления патриотического сознания всегда представляли интерес, и сейчас, в условиях продолжающейся трансформации российского общества, в научных исследованиях им уде-

ляется достаточно большое внимание [6; 8; 9; 10; 22].

Стоит обратить внимание на то, что изменения, которые происходят во всех сферах жизнедеятельности российского общества, находят свое отражение и в процессах формирования патриотического сознания в виде изменения его содержания: генезиса новых и эволюции устоявшихся элементов. Вследствие

этого, в современных условиях разработка научно обоснованного анализа феномена патриотизма является одной из актуальных задач философской науки, включая онтологический и аксиологический аспекты.

Можно согласиться с позицией С. А. Тюшкевича, который отмечает, что исторически значимые события, зафиксированные в общественном сознании (такие как героический подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны), несут в себе аксиологический смысл и оказывают влияние на формирование патриотического сознания: «Духовное состояние российского общества свидетельствует о том, что им еще недостаточно осознан исторический смысл Великой Отечественной войны... Героическое прошлое должно быть не только в памяти. Оно должно быть и опорой, и особым фактором преодоления кризисного состояния России, средством выхода из него, служить символом борьбы за справедливость, мир, динамичного развития и величия» [20, с. 13].

В ходе исторического развития в патриотическом сознании российского общества сформировались следующие особенности: проявление любви к Родине; знание истории Отечества и сохранение исторической памяти; отношение к культурным традициям и обычаям; готовность поставить интересы Отечества выше личных.

Понятие «Родина» является важнейшей основой социальных и моральных ценностей, а проявление чувства любви к Родине — одной из основных характеристик личности. Важно отметить, что при всей сложности структуры и неоднородности общества, различии интересов многочисленных социальных групп, именно любовь к Родине выступает основой для объединения социальных слоев.

Важно отметить, что на современном этапе развития российского общества произошла модификация самого понятия «Родина». Это привело к некоторым изменениям в патриотическом сознании молодежи России. Большое число молодых людей считают себя патриотами и «любят Родину», но

проявлять эту любовь через деятельностный подход готовы далеко не все.

В социологическом опросе, проведенном автором в районе Зюзино г. Москвы (в опросе участвовали 230 респондентов в возрасте от 14 до 18 лет) на вопрос «я горжусь, что я — россиянин?» в 2016 г. положительно ответили 86 % участников опроса, в 2019 г. — 84 %. При этом считали себя патриотами в 2016 г. — 61 % респондентов, в 2019 г. — 66 %, не считали себя патриотами соответственно 18 % и 13 %.

Знание истории Отечества является опорой чувству любви к нему, позволяет осознать роль своей страны в мировой истории. Историческая память представляет собой сознательное обращение к опыту прошлых поколений, запечатлевает в общественном сознании нравственные и эстетические идеалы, героические примеры. Так, в годы Великой Отечественной войны патриотическое сознание раскрылось через духовный фактор, который неразрывно связан с исторической памятью народа, преемственностью героических традиций, реализуемых через образы и деяния исторических личностей, таких как А. Невский, Д. Донской, К. Минин, Д. Пожарский, А. Суворов, М. Кутузов.

По данным социологических опросов, проведенных в районе Зюзино г. Москвы в 2016 и 2019 гг., соответственно 74 % и 82 % опрошенных интересуются историей, 54 % и 64 % — военно-исторической тематикой. Наиболее популярными из основных источников получения исторических знаний оказались школьные и институтские учебники 22 % и 16 % (2016 г. и 2019 г. соответственно), сеть «Интернет» — 17 % и 18 %, кино и видеофильмы — 15 % и 13 %, теле- и радиопрограммы — 13 % и 11 %.

Несмотря на высокий уровень интереса к истории Отечества у современной молодежи, можно отметить, что она часто ограничивается лишь учебной программой, при этом предпочтение отдается не самым достоверным источникам. Культурные традиции и обычаи представляют собой основу для социокультурной преемственности поколений, без которых невозможно сформировать

у молодежи уважительного отношения к истории страны, ее героям и достижениям, ценностные ориентиры и мировоззрение. По мнению молодых москвичей, учувствовавших в социологическом опросе, наиболее важную роль в консолидации российского общества играют следующие факторы (в опросе можно было указывать до трех факторов): русский язык (52 % в 2016 г. и 50 % в 2019 г.), общность территории (24 % и 37 % соответственно), культурные традиции (47 % и 64 %) и историческая память (47 % и 67 %). По результатам опроса видно, что молодое поколение дает высокую оценку культурным традициям и русскому языку, что подтверждает важность этих факторов в объединении общества и укреплении патриотического сознания россиян.

В сознании народа наивысшей формой служения Отечеству является выполнение воинского долга, сопровождаемого серьезными физическими, психическими и морально-этическими испытаниями и очень часто требующего самого ценного от человека — его собственной жизни. Ни воинские уставы, ни другие законы не могут требовать от человека переступить черту, лишь глубокое понимание ответственности перед судьбой Отечества и народа может побудить личность осознанно пойти на самопожертвование.

На вопрос о долге перед Родиной, заданный молодым людям в ходе социологического опроса в 2019 г., 26 % ответили, что готовы отдать на благо Родины свои силы, свой талант и даже свою жизнь; 37 % считают, что должны уметь защитить ее в случае военной угрозы; около 3 % опрошенных видят свой долг перед Родиной в выборе военной профессии.

Патриотическое сознание проявляется в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою тесную связь с Отчеством и стремящейся полноценно проявить свою социальную роль, действуя в его интересах. Сущность патриотического сознания тесно связана с эмоциональной сферой человека, выстраивается в определенную систему

исторически сложившихся взглядов, норм и ценностей российского общества по отношению к Отечеству. При этом суть патриотического сознания ярко проявляется в критические жизненные моменты и выражается в специфических человеческих качествах: долг, честь, мужество, героизм.

В Новой философской энциклопедии А. А. Гусейнов понятие *долга* описывает как «одно из фундаментальных понятий этики, которое обозначает нравственно аргументированное принуждение к поступкам, нравственную необходимость, фиксированную в качестве субъективного принципа поведения» [4, с. 686—689]. Проявление чувства долга тесно связано с такими понятиями, как ответственность, самосознание, совесть, мотив. В. Н. Ксенофонтов отмечает, что «долг — это осознание личностью безусловной необходимости исполнения (и реальное исполнение) того, что заповедуется нравственным идеалом. Долг человека — следовать по пути добродетели, противостоять злу» [14, с. 103]. Проявление гражданского долга выражается в постоянной внутренней потребности личности в высоконравственном отношении к социально значимым требованиям своего государства. А наивысшую нравственную ценность понятие долга приобретает в вопросах защиты Отечества — в исполнении воинского долга.

В истории нашей страны есть множество примеров проявления чувства долга. Источником примеров и верных представлений о патриотизме, долге, мужестве, чести, героизме является классическая военная литература, оставленная в наследие всему российскому обществу выдающимися полководцами и боевыми офицерами — непосредственными участниками событий Великой Отечественной войны: Г. К. Жуковым («Воспоминания и размышления»), К. К. Рокоссовским («Солдатский долг»), А. И. Покрышкиным («Крылья истребителя»), Н. К. Попелем («В тяжкую пору»), П. А. Ротмистровым («Время и танки») [5, 12, 13, 15, 16] и другими. Так, в выполнении воинского долга прославленный полководец К. К. Рокоссовский видел мощную концентрацию

всех духовных, психологических и физических сил солдат, сержантов, офицеров: «Победа! Это величайшее счастье для солдата — сознание того, что ты помог своему народу победить врага, отстоять свободу Родины, вернуть ей мир. Сознание того, что ты выполнил свой солдатский долг, долг тяжкий и благородный, выше которого нет ничего на земле!» [15, с. 366]. Эта тема также нашла глубокое отражение в художественной литературе: в произведениях «Они сражались за Родину» М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Солдатами не рождаются» К. Симонова, «Горячий снег» Ю. Бондарева. «Война» И. Стаднюка, «А зори здесь тихие...» Б. Васильева и многих других.

В социально-философском аспекте понятие *чести* относится к категории этики, выражается в моральной самооценке и общественном признании деятельности личности, ее социально-нравственных ценностях в соответствии с благородными делами и поступками. В понятии чести выражена общественная оценка человека, признание его достоинства. Это категория объективно-субъективного порядка. Объективную сторону чести составляют те реальные качества личности, через которые проявляется действительная значимость человека, субъективную — их оценка, через которую раскрывается ценность человека в общественном мнении или самооценке» [7, с. 760—761]. Основой чести служат нравственные убеждения человека, поэтому кодекс чести строится на нравственном достоинстве, совести, благородстве в деяниях и доблести в служении Отечеству. Следовать этим высшим ценностям — довольно сложный жизненный процесс, требующий от личности высокого уровня нравственной и общей культуры, соблюдения честности и порядочности.

Важно отметить, что профессиональная честь выступает в роли стимула выполнения общественного долга, органически соединяя сознание общественной значимости профессии, гордость и любовь к ней, побуждая в человеке стремление к совершенствованию профессиональных навыков, повы-

шению своего мастерства и реализации творческого потенциала. Можно выделить такие виды профессиональной чести, как честь врача, юриста, дипломата, государственного деятеля, военнослужащего, ученого, спортсмена, педагога и т. д. Осознание профессиональной чести побуждает к наиболее эффективному и целесообразному использованию индивидуальных способностей личности.

Понятие *мужество* относится «к морально-психологическим качествам личности, проявление которого характеризуется стойкостью, храбростью, смелостью и самообладанием прежде всего в экстремальных и конфликтных ситуациях. Мужество является не только индивидуально-психологическим качеством, но и социально-психологическим состоянием коллектива» [18, с. 690]. В истории морального сознания мужеству всегда придавался определенный социальный смысл, его чаще всего понимали как достоинство определенного сословия. Героические поступки, человеческие подвиги имеют общую основу — мужество; человек, лишенный мужества, не способен на подвиг. Это понимали мыслители еще в древности. Так, Платон считал мужество первым качеством воинов [11, с. 268—294], а Аристотель видел в нем основу стоического [1, с. 54—77].

Мужество, проявляясь как моральное качество, представляется в способности личности предпринимать решительные и целесообразные действия в сложной и, достаточно часто, опасной обстановке для достижения поставленных целей. Мужество, в зависимости от конкретной ситуации, может иметь различные грани. В нем, как правило, выражается способность человека к длительному, устойчивому проявлению самоотверженности и самообладания. Наиболее эффективным методом формирования мужества является следование долгу. Мужество не может опираться только на волевые составляющие ума, в его основе лежат также опыт, мастерство и профессиональная компетентность [см. подробнее: 3, 17, 21].

Важное замечание сделал профессор С. А. Тюшкевич о том, что проявление мужества

советским народом в годы Великой Отечественной войны стало возможным благодаря «идеям, идеалам, убеждениям, нормам и ценностям, которые были осмыслены и сформированы до войны, в ходе строительства нового, социалистического общества; в основу духовности также вошли данные исторической памяти о патриотических свершениях защитников Отечества в предшествующие эпохи, опыт ратных подвигов, героизм... Диалектическое соединение этих слагаемых — по горизонтали и по вертикали — в ходе войны становились все более основательным и действенным фактором войны и победы» [20, с. 5—6]. Уроки прошлого необходимо учитывать при работе с современной российской молодежью. При этом важно отметить, что сегодня, по мнению А.С. Брычкова, Великая Отечественная война «является почти единственным общенациональным символом, объединяющим граждан страны в одну нацию; память о войне — самая лучшая база для воспитания молодежи в духе патриотизма, готовности к жертвам во имя Родины, героизма» [2, с. 108—117].

Рассматривая *героизм* через призму морального сознания, нетрудно убедиться, что подвиг как концентрация высших усилий человека невозможен без потенциальных способностей личности проявить храбрость, стойкость, самообладание и самоотверженность — составных элементов мужества, которое выступает как нравственная, волевая основа подвига. Не обязательно, что каждый мужественный человек совершит подвиг, но обязательно творец подвига — мужественный человек.

Героические идеалы формировались в течение всей истории человечества, на начальной стадии — в виде устного народного творчества, в котором отражалось нравственное сознание того времени, примером служил героический эпос. При дальнейшем развитии общества героические идеалы нашли свое отражение в художественной литературе и искусстве, а также стали объектами изучения гуманитарных дисциплин, таких как этика, эстетика, социология, психология. В народном творчестве, литературных

произведениях, памятниках культуры с особой теплотой и благодарностью прославлялись сыны Отечества, которые проявили героизм и самопожертвование ради победы над врагом.

Героическое в поведении и поступках того или иного человека обязательно связано с исключительным напряжением мысли, воли, чувства, сопряжено с риском, в большинстве случаев — со смертельной опасностью. Однако в годы войны люди сознательно шли на любой риск и любые испытания. Их вели на это самоотверженная забота о судьбе Родины, о ее настоящем и будущем, глубокое осознание грозной опасности, которую представлял для нашей страны германский нацизм. Именно здесь надо искать источник того невиданного массового героизма, который стал решающей движущей силой в войне, важнейшим фактором победы в ней. Он проявлялся в деятельности людей всех возрастов и профессий, мужчин и женщин, представителей всех наций и народностей СССР. Историческая память, наполненная героическими примерами из прошлого нашей страны, в суровых реалиях войны выдвинула из народных масс новых героев. Выдающиеся полководцы Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, А. М. Василевский, летчики-истребители А. И. Покрышкин и И. Н. Кожедуб, герои-панфиловцы, комсомольцы-подпольщики из «Молодой гвардии», партизанка З. Космодемьянская и другие. За годы войны 11603 человека удостоены высокого звания Героя Советского Союза, сотни тысяч стали кавалерами орденов и медалей.

Говоря о массовом героизме, Р. М. Тимошев отметил: «...для Великой Отечественной войны особенно характерным был коллективный подвиг частей, соединений, заводов, колхозов. Это героизм особого рода — длительный и самого высокого накала ратный труд миллионов красноармейцев в условиях постоянной смертельной опасности, беззаветный труд миллионов рабочих, крестьян, служащих, научно-технической интеллигенции при предельном напряжении духовных сил, часто в условиях голода и холода» [19, с. 67—72].

И сегодня предметом гордости российских граждан являются победы и военные успехи армии и флота России, доказавших свою доблесть в многочисленных военных испытаниях, отстаивающих независимость и суверенитет нашего государства. При этом воспитание нравственных чувств у российской молодежи, через которые проявляется суть патриотического сознания, является достаточно сложной и актуальной задачей, стоящей перед различными социальными институтами и обществом в целом.

На примере социологических опросов видно, что молодое поколение россиян только начинает осознавать значимость понятия Родины, проявляет интерес к культурным традициям и обычаям, задумывается о своей готовности поставить интересы Отечества выше личных, вплоть до самопожертвования. Довольно большое число представителей российской молодежи считает себя патриотами, хотя до конца не осознает важность деятельностного подхода в реализации патриотических чувств. В целом можно говорить о том, что в современных условиях развития российского общества в молодежной среде формируется достаточно высокий уровень патриотического сознания.

Литература

1. *Аристотель*. Собрание сочинений: в 4 т. / Общ. ред. А. И. Доватур. М.: Мысль, 1983. Т.4. 830 с. (Философское наследие).
2. *Брычков А. С.* Великая Победа и несостоятельность ее фальсификаторов // 70-я годовщина Великой Победы и безопасность современной России: Научно-практич. конф. (15 апреля 2015 г.) М.: Военный университет МО РФ, 2015. С. 108—117.
3. *Волкогонов Д. А.* Воинская этика. М.: Воениздат, 1976. 320 с.
4. *Гусейнов А. А.* Долг // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Под ред. А. А. Гусейнова, В. С. Степина, А. П. Огурцова, Г. Ю. Семигина и др. М.: Мысль, 2010. Т.1. С. 686—689.
5. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. 13-е изд., испр. и доп. по рукоп. авт. М.: Олма-Пресс, 2002.
6. *Климов С. Н.* Ценностный потенциал российского патриотизма // Духовная жизнь российского общества: состояние, проблемы, тенденции: Материалы научно-практич. конф. (28 апреля 2009 г.). М.: МГЮА, 2009. С. 29—34.
7. *Ксенофонт В. Н., Капустин А. Я.* // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2: Честь / Руков. науч. проекта Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2003. С. 760—761.
8. *Ксенофонт В. Н., Ксенофонт В. В.* Русский мир: содержание и специфика проявления // Самопознание русского народа: сб. науч. статей. М.: МГПУ, 2014. С. 10—1122.
9. *Лутвинов В. И.* Современная молодежь и великое наследие Поколения Победителей — духовная основа обеспечения национальной безопасности России XXI века // Патриотизм: история, современность, образ будущего: сб. науч. трудов: в 2 ч. Ч. 1. Ульяновск, 2015. С. 8—16.
10. *Огородников Ю. А., Огородников А. Ю.* Ценностный фактор патриотического самоопределения // Самопознание русского народа: сб. науч. статей. М.: МГПУ, 2014. С.59—78.
11. *Платон*. Собрание сочинений: в 4 т. / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. 1990—1994. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
12. *Покрышкин А. И.* Крылья истребителя. М.: Воениздат МВС СССР, 1948. 140 с.
13. *Попель Н. К.* В тяжкую пору. М.; СПб.: Terra Fantastica, 2001. 480 с.
14. Профессиональная этика и служебный этикет для юриста / Под общ. ред. Ю. А. Чернавина. М.: Проспект, 2019. 328 с.
15. *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988. 367 с.
16. *Ротмистров П. А.* Время и танки. М.: Воениздат, 1972. 336 с.
17. *Табунов Н. Д.* Категория этики и воспитание воинов. М.: Воениздат, 1965. 127 с.
18. *Тайдаков В. И.* Мужество // Социологическая энциклопедия: в 2 т. / Рук. научн. проекта: Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2003. Т.1. С. 690.
19. *Тимошев Р. М.* Уроки гражданственности // Духовный потенциал Великой Победы и современный патриотизм: Материалы заседания Философского клуба. М.: Книга и бизнес, 2003. С. 67—72.
20. *Тюшкевич С. А.* О смысле Великой Победы // 70-я годовщина Великой Победы и безопасность современной России: Научно-практич. конф. (15 апреля 2015г.). М.: Военный университет МО РФ, 2015.
21. *Тюшкевич С. А.* Философия и военная теория. М.: Наука, 1975. 311 с.
22. *Яновский Р. Г.* Патриотизм: О смысле созидющего служения Человеку, Народам России и Отечеству / Институт соц.-полит. исследований РАН. М.: Книга и бизнес, 2004. 528 с.

Поступила 29.07.2020

Сорокин Сергей Александрович — аспирант кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта, РУТ (МИИТ) (127994, ГСП-4, г. Москва, ул. Образцова, д. 9), ssa.ru@mail.ru

References

1. Aristotel'. *Sobranie sochinenij*: v 4 t. / Obshh red. A. I. Dovatur. M.: Mysl', 1983. T.4. 830 s. (Filosofskoe nasledie).
2. Brychkov A. S. Velikaja Pobeda i nesostojatel'nost' ee fal'sifikatorov // 70-ja godovshhina Velikoj Pobedy i bezopasnost' sovremennoj Rossii: Nauchno-praktich. konf. (15 aprelja 2015 g.) M.: Voennyj universitet MO RF, 2015. S. 108—117.
3. Volkogonov D. A. Voinskaja jetika. M.: Voenizdat, 1976. 320 s.
4. Gusejnov A. A. Dolg // Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. / Pod red. A. A. Gusejnova, V. S. Stepina, A. P. Ogurcova, G. Ju. Semigina i dr. M.: Mysl', 2010. T.1. S. 686—689.
5. Zhukov G. K. Vospominanija i razmyshlenija: v 2 t. 13-e izd., ispr. i dop po rukop. avt. M.: Olma-Press, 2002.
6. Klimov S. N. Cennostnyj potencial rossijskogo patriotizma // Duhovnaja zhizn' rossijskogo obshhestva: sostojanie, problemy, tendencii: Materialy nauchno-praktich. konf. (28 aprelja 2009 g.). M.: MGJuA, 2009. S. 29—34.
7. Ksenofontov V. N., Kapustin A. Ja. // Sociologicheskaja jenciklopedija: v 2 t. T. 2: Chest' / Rukov. nauch. proekta G. Ju. Semigin. M.: Mysl', 2003. S. 760—761.
8. Ksenofontov V. N., Ksenofontov V. V. Russkij mir: sodержanie i specifika projavlenija // Samopoznanie russkogo naroda: sb. nauch. statej. M.: MGPU, 2014. S. 10—1122.
9. Lutovinov V. I. Sovremennaja molodezh' i velikoe nasledie Pokolenija Pobeditelej — duhovnaja osnova obespechenija nacional'noj bezopasnosti Rossii XXI veka // Patriotizm: istorija, sovremennost', obraz budushhego: sb. nauch. trudov: v 2 ch. Ch. 1. Ul'janovsk, 2015. S. 8—16.
10. Ogorodnikov Ju. A., Ogorodnikov A. Ju. Cennostnyj faktor patrioticheskogo samoopredelenija // Samopoznanie russkogo naroda: sb. nauch. statej. M.: MGPU, 2014. S.59—78.
11. Platon. *Sobranie sochinenij*: v 4 t. / Obshh red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Taho-Godi. 1990—1994. M.: Mysl', 1990. T. 1.
12. Pokryshkin A. I. Kryl'ja istrebitelja. M.: Voenizdat MVS SSSR, 1948. 140 s.
13. Popel' N. K. V tjazhkuju poru. M.; SPb.: Terra Fantastica, 2001. 480 s.
14. Professional'naja jetika i sluzhebnyj jetiket dlja jurista / Pod obshh. red. Ju. A. Chernavina. M.: Prospekt, 2019. 328 s.
15. Rokossovskij K. K. Soldatskij dolg. M.: Voenizdat, 1988. 367 s.
16. Rotmistrov P. A. Vremja i tanki. M.: Voenizdat, 1972. 336 s.
17. Tabunov N. D. Kategorija jetiki i vospitanie voinov. M.: Voenizdat, 1965. 127 s.
18. Tajdakov V. I. Muzhestvo // Sociologicheskaja jenciklopedija: v 2 t. / Ruk. nauchn. proekta: G. Ju. Semigin. M.: Mysl', 2003. T.1. S. 690.
19. Timoshev R. M. Uroki grazhdanstvennosti // Duhovnyj potencial Velikoj Pobedy i sovremennij patriotizm: Materialy zasedanija Filosofskogo kluba. M.: Kniga i biznes, 2003. S. 67—72.
20. Tjushkevich S. A. O smysle Velikoj Pobedy // 70-ja godovshhina Velikoj Pobedy i bezopasnost' sovremennoj Rossii: Nauchno-praktich. konf. (15 aprelja 2015g.). M.: Voennyj universitet MO RF, 2015.
21. Tjushkevich S. A. Filosofija i voennaja teorija. M.: Nauka, 1975. 311 s.
22. Janovskij R. G. Patriotizm: O smysle sozidajushhego sluzhenija Cheloveku, Narodam Rossii i Otechestvu / Institut soc.-polit. issledovanij RAN. M.: Kniga i biznes, 2004. 528 s.

Submitted 29.07.2020

Sorokin Sergey A., post-graduate student of the Department of philosophy, sociology and history of the Russian University of transport, RUT (MIIT) (127994, GSP-4, Moscow, Obraztsova str., 9), ssa.ru@mail.ru

Последствия несовершенства правового регулирования каршеринга

Е. Н. Ярмонова¹, С. А. Югина¹

¹ *Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя*

yarelenan@yandex.ru

Статья посвящена проблемам правовой регламентации использования автотранспортных средств, полученных пользователями в краткосрочную аренду, каршеринг. Авторами указывается, какие правонарушения возникли в связи с появлением названной услуги. Приводятся доводы о том, что правила и условия оказания услуги требуют правовой определенности, поскольку несовершенство правового регулирования влечет за собой нарушение законных прав и интересов как граждан, пользующихся услугой, так и юридических лиц, агрегаторов, предоставляющих услугу. Также изучены основные причины и условия, влекущие правонарушения краткосрочной аренды транспортных средств гражданами. На базе полученных сведений внесены предложения по решению указанных проблем через усовершенствование действующего законодательства.

Ключевые слова: каршеринг; правонарушения; агрегатор; аккаунт; нецелевое использование.

Consequences of imperfect legal regulation of short-term car rentals

E. N. Yarmonova¹, S. A. Yugrina¹

¹ *Moscow University of MIA of Russia named after V. Ya. Kikot*

yarelenan@yandex.ru

This article is devoted to the problems of legal regulation of the use of vehicles received by users for short-term rent (car sharing). The authors indicate which offenses occurred in connection with the appearance of the named service. It is argued that the terms and conditions of service provision require legal certainty, since imperfection of legal regulation entails violation of the legal rights and interests of both citizens using the service and legal entities (aggregators) providing the service. The main reasons and conditions that lead to violations of short-term rental of vehicles by citizens were also studied. Based on the information received, proposals were made to solve these problems by improving the current legislation.

Keywords: car sharing; offenses; aggregator; account; misuse.

Научно-технический прогресс и новые технологии не только упрощают жизнь современного человека, позволяют ему создать новые средства заработка, но и способствуют возникновению новых схем совершения правонарушений. Так, например, развитие шеринговой экономики, суть которой заключается в совместном использовании

имущества, привело к созданию услуги краткосрочной аренды автомобилей, а именно каршерингу.

Обобщив различные трактовки термина «каршеринг», можно отметить, что под данным понятием подразумевается вид краткосрочной аренды с поминутной или почасовой оплатой, когда одна из сторон не является

собственником автомобиля. Аренда осуществляется с помощью мобильного приложения или сайта агрегатора, в целях, не связанных с предпринимательской деятельностью. Автомобили обычно используются для коротких поездок в пределах черты города. Данная услуга стала востребованной среди жителей мегаполисов и приезжих граждан. На основе анализа особенностей услуги можно выделить следующие положительные аспекты краткосрочной аренды. Во-первых, выгода: не нужно тратить на приобретение и обслуживание собственного автомобиля. Во-вторых, снятие напряженности пропускной способности дороги: по подсчетам специалистов, одной каршеринговой машиной в день может пользоваться до 15 человек. В-третьих, экономия времени: водитель сам определяет маршрут, сокращающий время, что гораздо быстрее, чем добираться до места назначения на такси или общественном транспорте.

История проката автомобилей насчитывает уже более ста лет. Эта услуга начала развиваться в начале XX века практически одновременно в США и Европе. На сегодняшний день каршеринг является неотъемлемой частью большинства крупных городов мира. Эта услуга доступна в России, Белоруссии, Италии, Германии, странах Евросоюза и США. В Российской Федерации услуга краткосрочной аренды автомобилей доступна более чем в 20 городах. На начало 2020 г. Москва стала мировым лидером по количеству автомобилей поминутной аренды.

Государство заинтересовано в развитии системы каршеринга, поэтому на уровне субъектов Российской Федерации данным компаниям оказывается поддержка. В частности, с 2015 г. в соответствии с постановлением Правительства Москвы от 15 февраля 2011 г. № 32-ПП от 17 мая 2013 г. № 289-ПП, лицо, пользующееся услугой каршеринга, не платит за размещение автомобиля на платной стоянке [2].

Однако у системы каршеринга имеются и слабые стороны. Во-первых, это невыгодность поездок на дальние расстояния: в рамках поминутной оплаты стоимость много часового передвижения значительно возрастает и становится экономически затратной. Во-вторых, недостаточная техническая оснащённость арендованных автомобилей — отсутствие детского кресла для водителей с детьми. В-третьих, ограничения по перевозке животных. Для курящих граждан минусом поездок в арендованных автомобилях является запрет курения в салоне автомобиля.

С появлением каршеринга возник ряд связанных с ним правонарушений. Наиболее распространенным противоправным деянием с участием каршеринга является дорожно-транспортное происшествие (далее ДТП). По словам заместителя руководителя Центра организации дорожного движения (ЦОДД) Артура Шахбазяна за 2019 г. случаи ДТП с участием каршеринга увеличились на 242%¹. Столкновения, в том числе специально организованные, наезды на пешеходов, на различные препятствия и укрепления — все это случается довольно часто. Чувство ответственности притупляется, подсознательно водитель относится к чужой машине более пренебрежительно, нежели к собственной, за которой он сам следит, ремонтирует, вкладывает время и средства.

Следует отметить, что все чаще происходят случаи ДТП с участием каршеринговых автомобилей, за рулем которых находится несовершеннолетние, или лица, не имеющие водительского удостоверения, или лишенные водительских прав. Во время научно-практической конференции в Научном центре безопасности дорожного движения МВД России эта тема была затронута заместителем начальника УГИБДД по Москве Алексеем Диокиным².

¹ МВД обнародовало статистику ДТП с участием автомобилей каршеринга за 2019 год. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6752962> (дата обращения 19.05.2020).

² Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский центр проблем безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ФКУ НИЦ БДД МВД России). URL: <https://xn—90aga7a7b.xn—b1aew.xn—p1ai/news/item/17318226/> (дата обращения 18.05.2020).

Сотрудники столичной Госавтоинспекции проводят рейды по проверке каршерингов. Так, только за июль и август 2019 г. среди проверенных автомобилей, а это более девяти тысяч, к административной ответственности за различные нарушения Правил дорожного движения Российской Федерации привлечено 2783 водителя, из них: 60 — за управление без документов, предусмотренных ПДД РФ, 59 — за управление в состоянии опьянения или за отказ от медицинского освидетельствования, 21 — за выезд на сторону проезжей части дороги, предназначенную для встречного движения, и 10 — за управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления³.

Примеров противоправного поведения, связанного с использованием услугами каршеринга, много. Так, в феврале 2020 г. широкий общественный резонанс был вызван поведением 25-летней москвички, которая, воспользовавшись услугами каршеринга, в состоянии алкогольного опьянения села за руль транспортного средства. Кроме того, в салоне автомашины, на момент ее задержания, находились двое ее малолетних детей. При этом действия правонарушителя были крайне неадекватными: сначала она покурила и выпила в салоне автомобиля, а затем решила посадить за руль своего маленького сына⁴. По результатам административного расследования девушка была лишена права на управление транспортными средствами. Этот пример ярко демонстрирует халатность в отношении услуги каршеринга, а также безответственность по отношению к другим участникам дорожного движения.

В это же время аренда авто стала «открытием» и для наркодилеров. За последний год увеличались случаи наркоторговли, связанные с каршерингом. Так как в услуге

проката автомобиля есть льготный период, в течение которого сохраняется доступ в салон, то сбытчик за имеющиеся 20 минут успевает спрятать наркотики в машине, после чего указывает ее место нахождение наркозависимому. Наркоторговцам выгодно, что в городе есть более 20 тысяч машин каршеринга, потому что чем больше машин, тем больше закладок возможно произвести. Данный способ заклада наркотических средств не привлекает внимания посторонних граждан и сотрудников полиции. В случае, если закладчик будет застигнут на месте совершения правонарушения, он сможет сказать, что наркотики принадлежат прежнему арендатору.

Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что прокат машин может повлечь неблагоприятные последствия для законопослушных граждан. Например, арендатор транспорта может попасть в такую неприятную ситуацию: в случае остановки сотрудником ГИБДД, в машине могут найти наркотики, оставленные в целях распространения другими пользователями, и привлечь водителя к административной ответственности за правонарушение, которого он не совершал.

Также среди противоправных действий с использованием каршеринга случаются кражи. По данным одной из крупных каршеринговых компаний BelkaCar, чаще всего из машин пропадают коврики, аккумуляторы, магнитолы, щетки, стеклоомывающие жидкости и даже рули и сидения⁵.

Отдельно необходимо выделить и случаи разбойного нападения. По данным интернет-портала RENTCARUS, клиенты каршеринга сталкиваются со случаями разбоев⁶. Во-первых, арендуя машину в темное время суток, водитель может неожиданно обнаружить на заднем сидении злоумышленников.

³ Госавтоинспекция Москвы проводят работу по выявлению и пресечению правонарушений водителями каршеринговых автомобилей. URL: <https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/18203549/> (дата обращения 18.05.2020).

⁴ Завершено расследование уголовного дела в отношении женщины.... URL: <https://moscow.sledcom.ru/news/item/1437323/> (дата обращения 19.05.2020)

⁵ Скрытые камеры и блокировка пользователей.... URL: <https://www.m24.ru/articles/transport/24012019/154511> (дата обращения 16.05.2020).

⁶ Как бандиты осваивают каршеринг. URL: <https://rentcarus.ru/kak-bandity-osvaivayut-karshering/> (дата обращения 19.05.2020).

Второй вариант нападения предполагает опущенное прежними арендаторами водительское сидение. Это вызывает затруднение при посадке, тем самым открывая возможность нападения извне.

Обратим внимание, что с большей частью противоправных деяний, которые были указаны выше, связаны фальшивые аккаунты. Мошенники зарабатывают на продаже фейковых аккаунтов. В интернете существует немало сайтов, где их можно приобрести. Цены демократичны, потому такие аккаунты являются находкой для подростков, у которых еще нет прав; для лиц, которые лишены водительских удостоверений; а также для тех, кто нарушает ПДД и не хочет платить штрафы.

На данный момент езда по фальшивому аккаунту приравнивается к статье 159 УК РФ «Мошенничество» или к статье 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения». Выявляются фальшивые аккаунты сотрудниками агрегатора на этапе его оформления или по косвенным признакам с помощью систем телематики и видеокамер. Также применяется программа скоринга, которая позволяет оценить все возможные риски аренды конкретным гражданином. Сотрудниками полиции такие аккаунты, как правило, выявляются уже после совершения правонарушения. Существенным недостатком является то, что проверка сотрудниками ГИБДД аккаунта в системе каршеринга не имеет под собой четко закреплённых правовых оснований. Главным руководящим документом при проверке документов лица, управляющего автомобилем, является приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора...». Внесение соответствующих изменений в законодательство с установлением порядка действий сотрудника полиции позволит

избежать большого количества правонарушений, связанных с незаконным управлением транспортным средством.

В научных работах высказываются мнения относительно неопределённости правовой природы договора каршеринга ввиду отсутствия специализированного законодательства. [4, с. 16] Отсюда вытекает такая проблема, как неоправданно завышенные штрафные санкции за нарушение договора, которые автоматически списываются со счета гражданина, без дифференциации в зависимости от обстоятельств произошедшего и реального ущерба, понесенного агрегатором.

Одним из самых неприятных моментов, который может случиться с пользователем услуги каршеринга, является блокировка агрегатором его учетной записи (аккаунта). В качестве оснований могут являться: финансовая задолженность, нарушение правил дорожного движения, неосторожное обращение с автомобилем, управление машиной третьим лицом, выявление поддельных пользовательских данных и др. Эта мера воздействия является досудебной и осуществляется незамедлительно по факту выявленного нарушения. У автомобилистов появляется возможность отстоять свои права и дать соответствующие необходимые пояснения только после блокировки аккаунта⁷. В этой связи граждане со своей стороны пытаются найти пути обхода условий договора и снизить штрафные санкции или их избежать. Зачастую их действия относятся к неправовым и могут рассматриваться в качестве мошеннических схем.

Ситуация усложняется тем, что граждане, совершая административные правонарушения, оплачивают штрафы, начисленные на юридическое лицо, и, следовательно, их размер будет значительно выше, и правонарушение будет рассматриваться как повторное, без смягчения наказания, поскольку ранее агрегатор уже привлекался к административной ответственности за подобные нарушения. Основанием для оплаты

⁷ Каршеринг. Яндекс драйв. URL: <https://ya-drive.com/baza/blokirovka-akkaunta/> (дата обращения 09.09.2020).

штрафа в таком порядке являются условия договора каршеринга. Правовое определение на федеральном уровне сущности каршеринга внесет окончательную ясность в данный вопрос.

Таким образом, мы проанализировали ряд проблем, возникших в результате эксплуатации услуги каршеринга и повлекших за собой образование новых нарушений. На основании изложенного полагаем необходимым законодательно урегулировать общественные отношения с участием каршеринговых компаний и установить их правовой статус и объем полномочий. В частности, определить порядок списания денежных средств агрегатором с банковских карт пользователей услуг (это особенно актуально в случаях повреждения автомобиля), выработать для агрегаторов единый подход к процедуре блокировки аккаунтов с учетом соблюдения законных прав граждан, разграничить ответственность физических и юридических лиц за нарушения правил дорожного движения. Для удобства правоприменения названные положения целесообразно систематизировать в едином нормативном правовом акте. Внесение правовой определенности позволит предупредить большинство нарушений прав и законных интересов сторон договора каршеринга и будет способствовать развитию данного экономического сегмента.

Литература:

1. Бубновская Т.А., Суворов Ю.Б. К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // Юрист. 2018. № 7. С. 32—36.
2. О внесении изменений в постановления Правительства Москвы от 15 февраля 2011 г. № 32-ПП, от 17 мая 2013 г. № 289-ПП: постановление Правительства Москвы от 19 августа 2015 г. № 523-ПП // mos.ru: официальный сайт Мэра Москвы. Режим доступа: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/386220> (дата обращения 10.09.2020).
3. Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения

(Зарегистрировано в Минюсте России 06.10.2017 № 48459): приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 (ред. от 21.12.2017) // Консультант Плюс: справочн. правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280037/ (дата обращения 10.09.2020).

4. Погодина И.В., Кирова И.О., Ионова А.В. Каршеринг: проблемы правового регулирования и правоприменения // Транспортное право. 2019. № 4. С. 15—18.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // Консультант Плюс: справочн. правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 10.09.2020).

Поступила 13.06.2020

Ярмонова Елена Николаевна — канд. юрид. Наук, доцент кафедры административной деятельности, ОВД Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя (г. Москва, ул. Волгина, дом 12), yarelenan@yandex.ru

Югринина Софья Александровна — студентка института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя (г. Москва, ул. Волгина, дом 12), sonya.yugrina@mail.ru

References

1. Bubnovskaja T.A., Suvorov Ju.B. K voprosu o karsheringe: pravovye aspekty [On the issue of car sharing: legal aspects] // Jurist. 2018. № 7. С. 32—36.
2. O vnesenii izmenenij v postanovlenija Pravitel'stva Moskvy ot 15 fevralja 2011 g. № 32-PP, ot 17 maja 2013 g. № 289-PP: postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 19 avgusta 2015 g. № 523-PP // mos.ru: oficial'nyj sajt Mjera Moskvy. Rezhim dostupa: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/386220> (data obrashhenija 10.09.2020).
3. Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta ispolnenija Ministerstvom vnutrennih del Rossijskoj Federacii gosudarstvennoj funkcii po osushhestvleniju federal'nogo gosudarstvennogo nadzora za sobljudeniem uchastnikami dorozhnogo dvizhenija trebovanij zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija (Zaregistrirvano v Minjuste Rossii 06.10.2017 № 48459): prikaz MVD Rossii ot 23 avgusta 2017 g. № 664 (red. ot 21.12.2017) // Konsul'tant Pljus: spravoch. pravovaja sistema. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280037/ (data obrashhenija 10.09.2020).
4. Pogodina I.V., Kirova I.O., Ionova A.V. Karshering: problemy pravovogo regulirovanija i pravoprimenenija [CARSHARING: LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT ISSUES] // Transportnoe pravo. 2019. № 4. С. 15—18.

5. Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 ijunja 1996 g. № 63-FZ (red. ot 07.04.2020) (s izm. i dop., vstup. v silu s 12.04.2020) // Konsul'tant Pljus: spravoch. pravovaja sistema. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashhenija 10.09.2020).

Submitted 13.06.2020

Yarmonova Elena Nikolaevna, candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative Activities, and Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Volgina st., 12), yarelenan@yandex.ru

Yugrina Sofya Alexandrovna, undergraduate student, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Volgina st., 12), sonya.yugrina@mail.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 экземпляра номера, в котором будет опубликована его статья.

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ! Статьи принимаются в редакцию только при наличии договора о передаче авторского права.

Научный журнал «**Экономические и социально-гуманитарные исследования**» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Верстка журнала осуществляется в издательской системе, функционирующей в сети IBM-совместимых компьютеров. Журнал имеет формат А4 и изготавливается по технологии цифровой печати.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи, включая аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список, список авторов и сведения о них, подготовленный на компьютере и распечатанный на лазерном принтере на белой бумаге формата А4 с четким и ясным шрифтом;
- 2) электронный вариант статьи на лазерном диске или USB-флеш-накопителе, подготовленный на IBM PC в формате MS Word for Windows (для иногородних авторов допускается передача электронного варианта статьи по e-mail);
- 3) экспертное заключение, рекомендации кафедры, сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций);
- 4) лицензионный договор о передаче авторского права в 2 экземплярах.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 10 страниц текста и 5 рисунков, для краткого сообщения — до 6 страниц текста и 2 рисунка.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; краткая (но не менее 500 знаков, считая пробелы) аннотация на русском языке; ключевые слова. Далее следует текст статьи.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Внимание! Редакция должна быть уверена, что ни представленная работа, ни ее части не были ранее опубликованы и не находятся на рассмотрении в других изданиях. Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат».

Аннотация (предоставляется на русском и английском языках) должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др.

Ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках) отделяются друг от друга точкой с запятой.

Текст печатается через полтора интервала с размером шрифта не менее стандартного машинописного (Times New Roman, кегль 13). Абзацы отделяются друг от друга одним маркером конца абзаца (применение этого символа в других целях не допускается), ширина отступа (1,25 м) устанавливается в меню Word *Формат* → *Абзац*; набор текста начинается с левого края; по правому краю текст не выравнивается; текст набирается без переносов. Все слова внутри абзаца разделяются только пробелом. Перед знаками препинания пробелы не ставятся, после них — один пробел. Не допускается применение разрядки, псевдографики, а также стилей.

В рукописи должна быть **сквозная нумерация** страниц, рисунков и таблиц.

Рисунки (максимальный размер 13 × 21 см, размер шрифта не менее 9) должны быть черными, контрастными, читабельными. Каждый рисунок должен иметь подпись. На все рисунки должны быть ссылки по тексту.

Векторные рисунки предоставляются в форматах EPS или CDR (версии не выше Adobe Illustrator CS5, CorelDRAW X3). Текст и линии на рисунке должны быть редактируемыми (текст не «в кривых»).

Полутоновые рисунки (фотографии) принимаются только в градациях серого, могут быть предоставлены в формате TIFF (без компрессии) или в виде оттиска на матовой бумаге (предпочтительный формат 9 × 12). Использование MS Word не допускается.

Бумажные оттиски рисунков должны быть пронумерованы и подписаны (на обороте каждого рисунка разборчиво написать порядковый номер, фамилию и инициалы автора). На иллюстрациях, по внешнему виду которых трудно или невозможно определить их расположение, следует сделать пометки «верх» и «низ».

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера, на каждую из них в тексте должна быть ссылка.

Для **форматирования текста** не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—).

Для математических и химических **формул** следует выбирать шрифт 11 кегля. Пронумерованные формулы (нумеруются только те, на которые есть ссылки в тексте) выносятся отдельной строкой и располагаются по центру. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов, математические функции $\lim$, $\lg$, $\ln$, $\arg$, const , $\min$, $\max$ и т. д., а также названия химических элементов — прямым шрифтом. Подстрочные и надстрочные индексы должны стоять строго на своих местах и быть размечены (подстрочные помечаются дугой сверху, надстрочные — снизу). Символ не должен сливаться с надсимвольным элементом.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо давать их расшифровку.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы оформляется в порядке ссылок на нее по тексту.

Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

— для *книг*: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;

— для *периодических изданий*: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;

— для *материалов конференций, школ, семинаров*: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;

— для *электронных ресурсов*: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

— информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;

— e-mail для публикации в Интернете.

Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно по каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» в любом отделении Почты России

Этические нормы публикационного процесса

Редакционный совет и главный редактор научного журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» (ЭСГИ) придерживаются принятых международным сообществом принципов публикационной этики, отраженных, в частности, в рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (*Committee on Publication Ethics, COPE*), Совета по этике Ассоциации научных редакторов и издателей, а также учитывают ценный опыт авторитетных международных журналов и издательств.

Во избежание недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиат, изложение недостоверных сведений и др.), в целях обеспечения высокого качества научных публикаций, признания общественностью полученных автором научных результатов, каждый член редакционного совета, автор, рецензент, издатель, а также учреждения, участвующие в издательском процессе, обязаны соблюдать этические стандарты, нормы и правила и принимать все разумные меры для предотвращения их нарушений. Соблюдение правил этики научных публикаций всеми участниками этого процесса способствует обеспечению прав авторов на интеллектуальную собственность, повышению качества издания и исключению возможности неправомерного использования авторских материалов в интересах отдельных лиц.

Редакция оставляет за собой право отклонить публикацию статьи в случае нарушения указанных ниже правил.

Принципы, которыми должен руководствоваться автор научных публикаций

Автор (или коллектив авторов) осознает, что несет первоначальную ответственность за новизну и достоверность результатов научного исследования, что предполагает соблюдение следующих принципов:

- авторы статьи должны предоставлять достоверные результаты проведенных исследований; заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы;

- авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны, при этом заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника, а чрезмерные заимствования, так же как плагиат в любых формах, включая неофор-

перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы;

- необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования — в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования;

- авторы не должны предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале;

- качестве соавторов статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования, при этом среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании;

- если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Нарушения публикационной этики

При возникновении ситуации, связанной с нарушением публикационной этики со стороны редактора, автора или рецензента, требуется обязательное расследование. Это распространяется как на опубликованные, так и неопубликованные материалы. Редакционный совет обязан потребовать разъяснения без привлечения лиц, которые могут иметь конфликт интересов с одной из сторон.

Редакция журнала ЭСГИ защищает репутацию авторов и внимательно относится ко всем случаям обнаружения плагиата в статьях. В целях обеспечения объективности редакция тщательно исследует каждый случай и рассматривает аргументы всех заинтересованных сторон.

Прежде чем предпринимать дальнейшие действия, редакционный совет стремится получить максимально точную информацию у авторов спорной публикации или владельцев авторских прав и изучает ее. Решение редакции беспристрастно, объективно и не зависит от третьих лиц.

Редакция журнала ЭСГИ оставляет за собой право не реагировать на обвинения в плагиате, если обвинитель предоставляет недостоверную персональную информацию либо действует в неэтичной или угрожающей форме. Редакция не обязана выносить на обсуждение случаи предполагаемого плагиата лицами, не имеющими к нему прямого отношения.

Ethical Norms of Publishing

Editorial Board and Editor-in-Chief of the journal *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* (ESGI) are committed to publication ethics principles adopted by international community, notably presented in Guidelines of Committee on Publication Ethics, COPE and of Russian Association of Science Editors and Publishers' Ethics Board; they also take advantage of valuable experience of respected international journals and publishing houses.

In order to avoid unfair practice in publication activities (plagiarism, statement of unreliable information etc.) and to ensure high quality of scientific publications and recognition of authors' scientific results by the public, each member of Editorial Board, author, reviewer, editor, and each of organizations participating in publishing process must observe ethical standards, norms and rules and take all reasonable measures to prevent their violation. The observance of scientific publication's ethical rules by all participants of this process contributes to assurance of authors' intellectual property right, to improvement of publications' quality and eliminates the possibility of author's materials unlawful use for the convenience of particular persons.

Editorial team reserves the right to decide against publication of a paper in the event that below specified rules are violated.

Principles to which the science publication author should comply

Author (or group of authors) is / are aware of his / her / their primary responsibility for novel nature and reliability of scholarly results, which is premised on the observance of following principles:

- the authors of a paper must provide reliable results of undertaken study; demonstrably wrong or fabricated statements are unacceptable;
- the authors must guarantee full originality of research results stated in the manuscript they provide, it being understood that borrowed fragments or statements must be presented as citations, with obligatory reference to primary author(s) and source, while excess borrowing, as well as any form of plagiarism, including text copying without source attribution, text recycling or misappropriation of other's research results, are unethical and unacceptable;

- the contributorship of all persons who influenced in some way or other the study progress, must be acknowledged; notably, the paper must contain references to works relevant to the pursuance of research;

- the authors must not provide to the journal a manuscript sent to another journal and being under consideration there nor a paper already published in another journal;

- all persons who contributed considerably to the pursuance of research must be listed as paper's coauthors, with that it is unacceptable to list among coauthors the persons who did not participate in the research;

- if the author detects significant errors or inaccuracies in the paper on the stage of its consideration or after its publication, he / she must notify the editorial team of that as soon as possible.

Publication ethics violations

Should there be situation related to publication ethics violation on the part of editor, author or reviewer, mandatory investigation is required. This is applicable to published as well as unpublished materials. Editorial Board must require explanation with no involvement of persons who might have conflict of interest with either party.

The ESGI journal editorial team protects authors' reputation and is attentive to all cases of plagiarism detection in the papers. For the sake of objectivity the editorial team investigates thoroughly each case and considers the reasons of all parties involved.

Before taking any future action the Editorial Board endeavors to obtain the most accurate information possible from the authors of publication at issue or from copyright holder and studies it. Editorial team's judgment is impartial, objective and not influenced by third parties.

The ESGI journal editorial team reserves the right to be without responding to plagiarism claims if the accuser provides unreliable personal information or acts in unethical or threatening way. Editorial team has no obligation to submit for discussion the cases of supposed plagiarism not having a direct relationship to it.

